

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ И
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

4

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Пролетарский гуманизм	1
П. Юдин — Диктатура и демократия	14
П. Олешинский — Диктатура пролетариата и положение рабочей семьи . .	37
И. Луппол — Проблема культурного наследства	51
А. Деборин — Пролетарская революция и проблема творчества	72
И. Вирская — Борьба за капиталистическую собственность в буржуазной революции	111
М. Розенталь — О некоторых чертах ленинского понимания закона един- ства противоположностей	142
С. Яновская — О так называемых «определениях через абстракцию» . . .	154
Ф. Гальперин и М. Марков — Новые высказывания о принципе причинности.	180
Е. Шредингер — О неприменимости геометрии в микромире	183
М. Лазу — О соотношениях неточностей Гейзенберга и их теоретико-по- знавательном значении	187
О статье «Физика» С. И. Вавилова	191

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Волков — В. В. Данилевский «Очерки истории техники XVIII—XIX вв.» .	197
З. Цейтлин — Г. Дильс «Античная техника»	202
М. Злотов — Поль Танныери «Исторический очерк развития естествознания в Европе»	206
Письмо в редакцию	208

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1935 г.

июль—август

№ 4

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая—Пролетарский гуманизм (1). П. Юдин—Диктатура и демократия (14). П. Олешинский—Диктатура пролетариата и положение рабочей семьи (37). И. Лупшол—Проблема культурного наследства (51). А. Деборин—Пролетарская революция и проблема творчества (72). И. Вирская—Борьба за капиталистическую собственность в буржуазной революции (111). М. Розенталь—О некоторых чертах ленинского понимания закона единства противоположностей (142). С. Яновская—О так называемых «определениях через абстракцию» (154). Ф. Гальперин и М. Марков—Новые высказывания о принципе причинности (180). Е. Шредингер—О неприменимости геометрии в микромире (183). М. Лауз—О соотношениях неточностей Гейзенберга и их теоретико-познавательном значении (187). О статье «Физика» С. И. Вавилова (191). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Н. Волков—В. В. Данилевский «Очерки истории техники XVIII—XIX вв.» (197). З. Цейтлин—Г. Дельс «Античная техника» (202). М. Злотов—Поль Таппери «Исторический очерк развития естествознания в Европе» (208). Письмо в редакцию (208).

Пролетарский гуманизм

Высказывания товарища Сталина о людях, кормящих и одевающих весь мир — трудящихся, настоящих героях и творцах новой жизни, слова о том, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим являются люди, кадры, его требования о заботливом, любовном внимании к людям обобщают опыт революционной борьбы и социалистического строительства, говорят о бурном развитии социалистических отношений, отражают рост и формирование нового, социалистического человека. Эти положения, развиваемые товарищем Сталиным в ряде работ и с особенной силой и полнотой выраженные в последней, майской речи, представляют собой дальнейшее углубление и развитие принципов пролетарского, социалистического гуманизма, которые сформулированы Марксом, Энгельсом, Лениным в их высказываниях о людях, о человеке. В этом вопросе как и в остальных товарищ Сталин внес новое в сокровищницу марксизма-ленинизма по сравнению с тем, что было дано (и что могло быть дано) Марксом—Энгельсом—Лениным, причем это новое целиком и полностью основано на принципах марксизма-ленинизма и является дальнейшим развитием этих принципов применительно к новым процессам нашей социалистической действительности.

С каждым днем еще наглядней становится полная противоположность социализма капитализму, с каждым часом еще более зияющей становится

пропасть, отделяющая нас от империалистического царства мрака и вырождения. На фоне звериного одичания и бесчеловечных жестокостей фашизма речь Сталина и заботы о людях в Советском союзе являются символом освобождения человечества. Советский союз — отечество мировой культуры, прообраз светлого будущего всего освобожденного человечества. Советский союз высоко над всем миром поднимает факел пролетарского социалистического гуманизма.

* * *

Ранний буржуазный гуманизм возник как широкое культурное движение (с XIV по XVI в.) в результате бурного развития производительных сил и новых буржуазных отношений, разлагавших не только экономику, но и всю культуру феодализма.

Рост ремесла, торговли, огромное количество путешествий, научных открытий, невиданный доселе расцвет искусств, поэзии, философии, обращение к классической древности Греции и Рима, «открытие» человека знаменуют собой ломку старых феодальных принципов в экономике и идеологии. Средневековые догмы церкви о греховности плоти, вера в наследственные права знати, в прочность и незыблемость вековых традиций были отброшены как негодный хлам.

Взамен этого выдвигалась задача высвобождения человеческой личности из экономических и духовных пут средневековья. Искусство и наука этого времени с огромным вниманием относятся ко всему, что касается человека: его идей, переживаний, стремлений, чувств и развития. Повышенный интерес ко всему «человеческому» (*humanus*), безграничная вера в личный талант и инициативу, в мощь человеческого разума, в непоколебимую силу воли и универсальность всесторонних духовно и физически развитых свободомыслящих людей образуют содержание гуманизма эпохи Возрождения. «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, — писал Энгельс, — эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвеяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества (прекрасно и именно не только в теоретической, но также и в практической жизни...); Леонардо да-Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером... Альбрехт Дюрер был художником, гравёром, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации... Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом... Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках. Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе

бе, становятся на сторону той или иной партии и борются — кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей»¹⁾.

Кроме приведенной характеристики Энгельса достаточно указать на отношение Маркса к таким величайшим гуманистам, как Данте, Шекспир, Бэкон, чтобы стало ясно, сколь высоко основоположники марксизма ценили расцвет культуры и многостороннее развитие личности (не искаленной еще буржуазным разделением труда) в эпоху Возрождения, чтобы стало понятно, почему Энгельс прямо противопоставляет людей, обосновавших современное господство буржуазии, их позднейшим буржуазным преемникам.

Однако, отдавая должное раннему буржуазному гуманизму, Маркс и Энгельс всегда подчеркивали его историческую и классовую ограниченность, вызванную низким уровнем производительных сил и обусловившим их способом производства, который «совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества»²⁾ и, следовательно, с дальнейшим развитием производительных сил должен быть уничтожен. Уничтожение этого способа производства, «превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала»³⁾. Эпоха, породившая лозунг гуманистов о свободном и всестороннем развитии человека, была эпохой ожесточенной классовой борьбы, эпохой, безжалостно уничтожившей тысячи человеческих жизней. Это была эпоха так называемого первоначального накопления капитала, когда разоренные ремесленники и обезземеленные крестьяне огромными толпами бродили из одного графства в другое, обреченные на голодную смерть или виселицу. «Экспроприация непосредственных производителей совершается с беспощадным вандализмом, — писал Маркс, — ее движущими пружинами являются самые бесстыдные, грязные, отвратительные и мелочные страсти»⁴⁾.

Такова оборотная сторона раннего буржуазного гуманизма.

* * *

Наблюдая хищничество, жадность и эгоизм эксплуататоров, стремясь понять движущие пружины общественного неравенства, наиболее честные и искренние мыслители делали отсюда вывод о неисправимой испорченности человеческой природы, с суровым реализмом показывая подлинные мотивы деятельности коронованных авантюристов, биржевых дельцов и рыцарей капитала. Согласно этому взгляду, порок, а не добродетель движет прогрессом (Мандевиль), люди ищут общества себе подобных не из христианской любви к «ближнему», а в силу собственной эгоистической выгоды и расчета. В погоне за золотом и властью и для достижения своих шкурных целей они не гнушаются никакими средствами (Гоббс). И это была правдивая картина

¹⁾ Энгельс. Старое введение к «Диалектике природы».

²⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 612. 8-е изд.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

жизни, поскольку, «с тех пор как возникла противоположность общественных классов, двигателями исторического развития сделались дурные страсти людей: жадность и властолюбие. История феодализма и буржуазии служит этому одним сплошным доказательством»¹⁾. Те мыслители, которые откровенно изображали этот превратный мир во всей его отталкивающей неприглядности, гораздо честнее чем те, кто, декламируя против рабства, с пафосом морального негодования, стремятся в то же время сохранить частнособственническое общество, порождающее и это рабство и декламаторов против него. По поводу таких красноречивых тирад либеральной философии Ленге справедливо замечает, что они «подобны крикам, которые издает хищная птица, раздирая голубку, которую она держит в своих когтях»²⁾.

При всей политической реакционности тех целей, которые ставили себе такие люди, как Макиавелли, Гоббс, Ленге и др., им удалось с суровой реалистической правдивостью очертить людей эксплуататорских классов, хищников, готовых в любой момент перегрызть горло друг другу в погоне за наживой. Насколько честнее, например, реализм шекспировских хроник и трагедий, изображающих во всей неприглядности таких чудовищ, как Ричард III, Яго, леди Макбет, Эдгар и др., или реализм Гоббса в его книгах «О гражданине» и «Левиафан» чем добродетельно слащавая болтовня какого-нибудь Кумберленда, возражавшего Гоббсу на том основании, что образованию обществ предшествуют «доброжелательные наклонности» и что христианская любовь к ближнему незаконно отбрасывается атеистом Гоббсом.

Однако, отразив хищников и эксплуататоров, этот взгляд на человека остается все же метафизическим по следующим причинам. В рассуждениях о человеке вообще его пороки и добродетели выводятся не из совокупности исторически-меняющихся общественных условий и уродливых отношений частнособственнического общества, а якобы из неизменных физических или биологических свойств индивида как части природы. Таким образом, эгоизм, стяжательство и т. д. выступают в этом освещении как вечные свойства человека, столь же неотъемлемые от его физического существования, как, скажем, кровообращение, обмен веществ и дыхание. Затем, поскольку одними и теми же мотивами объясняют поступки «человека вообще», а не исходят из деятельности различных классов, эти теории оказываются абсолютно неспособными понять героизм, самоотверженность и высокую идейность народных революционных движений. Они клеветнически рассматривают их как проявление тех же самых свойств характера, что и у эксплуататоров, как бунт черни, разгул низменных страстей и т. д. (даже такой величайший представитель гуманизма, как Шекспир, оказался не в силах преодолеть свою классовую ограниченность и дал, по существу, пасквиль вместо художественной правды, изображая Чосстояние Джэка Кэда).

Впротивовес такому «пессимистическому» взгляду выступил либерально-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 658.

²⁾ Ленге «Теория гражданских законов, или основные принципы общества». Книга 3-я, гл. XXXIV.

христианский «оптимизм», который всячески прикрашивал «человека» господствующих классов, подчеркивая в духе слащаво-церковной елейности такие стороны характера «человека», как любовь к ближнему, кротость и смирение, гуманность и благородство, стремление к прогрессу и религиозному самоусовершенствованию, достигая этим маскировки бесчеловечной эксплуатации народа.

Это был насквозь лицемерный «оптимизм» по отношению к хищникам эксплуататорских классов и трижды лицемерный «оптимизм» по отношению к угнетенным классам, которых приучали к смиренному терпению и призывали уповать на конечное торжество «прогресса» и «справедливости». Гоббсу возражал Кумберленд, Бальзака сменил Сю... Пигмеи восстали против титанов. Либеральная ложь о гуманизме в духе христианской гуманности и всепрощения служила целям апологетики буржуазного общества, поскольку призывала воспитывать добродетель, благородство, человеколюбие на основе частнособственнического строя.

Либерально-апологетическая фразеология и бесконечные клятвы о гуманности капитализма с особенной силой развивались вместе с обострением классовых противоречий пролетариата и буржуазии.

Чем наглей и циничней выкачивала капиталистическая фабрика прибавочный труд рабочего, чем бесстыдней и омерзительней становились грязные средства, употребляемые буржуазией в поисках наживы, чем извращенней и продажней становились чувства и мысли буржуа, определяемые духом торгашества, которым пронизана вся его деятельность, — тем яростней вопили подхалимы буржуазии о торжестве человечности, о всестороннем прогрессе, о гуманизме капиталистической цивилизации. Для подобной демагогии понятия «человек» и «человечность» оказывались весьма удобными и прекрасно служили целям закрепощения угнетенных классов, целям капиталистической эксплуатации труда.

Даже в тот период, когда буржуазия была еще революционным классом и выступала против религии, как это было у французских материалистов XVIII в. (или у Фейербаха), положительное содержание их понятий о «человеке» — знаменитом индивиде XVIII столетия — никогда не выходило за рамки представлений о некоем идеальном буржуа. Насколько значительна, например, критическая сторона учения Фейербаха, направленная против идеализма, против христианства, калечащего человека, настолько же поражают абстрактность и узкая ограниченность того, что выдвигается Фейербахом в качестве положительного идеала, так как Фейербах «остается при абстракции «человек» и ограничивается лишь тем, что признает «действительного, индивидуального, телесного человека» в области чувства, т. е. не знает никаких иных «человеческих отношений» «человека к человеку», кроме любви и дружбы, к тому же идеализированных»¹⁾, а мораль Фейербаховского человека «оказывается скроенной по мерке нынешнего капиталистического общества...»²⁾.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 35.

²⁾ Там же. Т. XIV, стр. 660.

Вследствие этого классовое содержание буржуазных стремлений находилось в противоречии с обусловленной ими идеологической формой. Провозглашая торжество «общечеловеческих» идеалов, буржуазия, по существу, боролась за свои классовые цели, за частнобуржуазное, эксплуататорское общество. Поэтому марксизму с самого начала пришлось выступить с разоблачением классовой сущности «человека» в буржуазной философии, сорвать с него абстрактные покровы, показать его классовый, исторический смысл. И такие работы, как «Святое семейство», «Немецкая идеология», «Людвиг Фейербах» и другие, показывают, насколько блестяще это разоблачение проведено марксизмом.

* * *

Маркс и Энгельс открыто провозгласили классовый, партийный характер своей философии — мировоззрения революционного пролетариата. Но именно поэтому марксистско-ленинское мировоззрение есть подлинно гуманистическое мировоззрение, так как интересы революционного пролетариата совпадают с подлинными интересами развития всего человечества. Подчеркивая классовый, пролетарский характер своей философии, рассматривая всю историю борьбы классов как период предистории человечества, Маркс никогда не фетишизировал классового общества. Напротив, открыв законы классовой борьбы, Маркс доказал, что самое существование классов связано лишь с определенными историческими формами и что капиталистический строй — последняя форма классового общества. Он доказал, что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы, — к построению бесклассового, социалистического, общечеловеческого общества.

В этом обществе, сознательно управляемом людьми, впервые становится возможным полное и всестороннее развитие человека претворить из идеала в практику, так как «всестороннее проявление индивида лишь тогда перестанет представляться как идеал, как призвание и т. д., когда воздействие внешнего мира, побуждающее задатки индивида к действительному развитию, будет взято под контроль самих индивидов, как этого хотят коммунисты»¹).

Ни в каком из эксплуататорских обществ, раздираемых классовыми антагонизмами, не может быть подлинно гуманистического, всестороннего развития индивидов прежде всего уже потому, что благодаря разделению труда и частной собственности «все успехи духа были до сих пор успехами в ущерб массе человечества, которая попадала во все более и более бесчеловечное положение»²).

Рабство, крепостничество и капитализм уродовали и калечили тысячи трудящихся, обрекали их на лишения, голод, преждевременную смерть. Страницы «Капитала» — гневный обвинительный акт против хищнического рас-

¹) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 272.

²) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 108.

трачивания рабочей силы предпринимателями, не останавливающимися ни перед какими средствами эксплуатации — от самых грубых и открытых вплоть до наиболее тонких и замаскированных.

Капиталистическое производство — откровенное отрицание человеческой природы рабочего. Рабочий рассматривается буржуазией как придаток к машине. «Человек лишается не только человеческих потребностей, но он утрачивает животные потребности» ¹⁾.

Каждая секунда жизни рабочего рассматривается капиталистом как время, которое должно идти на самовозрастание капитала, на создание прибавочной стоимости. «Что касается времени, необходимого для образования человека, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил... — все это один пустой вздор, — характеризует Маркс взгляды капиталистов на рабочих. — Но при своем безгранично слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, необходимое для поглощения свежего воздуха и солнечного света. Он урезывает обеденное время... так что пища дается рабочему... подобно тому, как паровому котлу дается уголь и машинам — сало или масло» ²⁾. Здоровый сон капитал сводит к минимально необходимым часам оцепенения и т. д.

В этом отрывке речь идет о рабочем времени, но точно так же дело обстоит с пищей, которую капиталист сводит к самому минимальному количеству суррогатов и почти отбросов. «Ирландец знает лишь потребность еды, и при том только картофельной еды, и вдобавок только худшего сорта картофеля» ³⁾. Так же обстоит дело и с жилищем рабочих, которое капиталист сводит к жалкой лачуге, более темной и грязной чем жилье иных животных: «Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже животным чистота перестают быть потребностью для человека» ⁴⁾.

Таким образом, все условия труда и жизни являются здесь полным отрицанием человеческого развития рабочих, истощают их силы и сокращают их жизнь. Капиталистическое производство «ведет не только к разрушению человеческой рабочей силы, у которой отнимают нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы» ⁵⁾, ведет к каждодневному узаконенному, хладнокровному убийству многих тысяч человеческих жизней. Бессмысленная, тупая, механическая работа, уродство капиталистического разделения труда, который является унижительной обязанностью для рабочих, знаменует полное отрицание свободной человеческой деятельности,

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 656.

²⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 190—191. 8-е изд.

³⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 656.

⁴⁾ Там же, стр. 655.

⁵⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 191. 8-е изд.

полное отрицание нормального развития человека. «И чем рабочий более развит, более человечен, тем более он должен ненавидеть свою работу»¹⁾, тем более должен он возмущаться нечеловеческими условиями своего существования, восставать против этих условий»²⁾.

В «Святом семействе» Маркс и Энгельс показывают, что в буржуазном обществе как класс угнетенных, так и класс угнетателей лишены возможности подлинно человеческого развития, следовательно, подлинный гуманизм и свободное развитие личности возможны только при условии уничтожения этого общества. Они пишут: «Класс имущих и класс пролетариата одинаково представляют собой человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, в отчуждении видит свидетельство своего могущества и в нем обладает видимостью человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования. Класс этот, чтобы употребить выражение Гегеля, есть в отверженности возмущение против этой отверженности, возмущение, которое необходимо вызывается противоречием между человеческой природой класса и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы»³⁾.

Всякое примирение со стороны рабочих с нечеловеческими условиями их существования, всякое тупое, обывательское равнодушие, подчинение и покорность судьбе помогают буржуазии ковать крепче цепи для рабочих, низводят рабочих до уровня животных. Напротив, горячий протест, возмущение, гнев и негодование служат «доказательством того, что рабочие чувствуют всю обезчеловеченность своего положения, что они не хотят допустить, чтобы их довели до положения скота, и что они когда-нибудь свергнут иго буржуазии»⁴⁾, — писал Энгельс.

Горячая любовь к угнетенному человечеству, вера в творческую революционную энергию трудящихся, в героизм и человеческое благородство⁵⁾ революционного движения служат ярким выражением подлинного гуманизма марксистско-ленинского мировоззрения.

* * *

Ограниченность антагонистического развития общества через борьбу классов, когда одни лица удовлетворяли свои потребности и осуществляли свое развитие за счет других, объясняет, «с одной стороны, ненормальный, «нечеловеческий» способ удовлетворения угнетенным классом своих потребностей, а с другой — ограниченность, в рамках которой происходило раз-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III. «Положение рабочего класса в Англии», стр. 410.

²⁾ Там же, стр. 55.

³⁾ Это место (Маркс и Энгельс, Собр. соч. Т. III, стр. 55) почему-то считают «фейербаховским», хотя его выписал Ленин и дал ему совершенно точную характеристику в своих заметках на «Святое семейство» (см. XII Ленинский сборник) и в статье «К. Маркс».

⁴⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 410.

⁵⁾ Там же, стр. 108.

витие общения, а с ним и всего господствующего класса; эта ограниченность развития состоит, таким образом, не только в исключении из развития угнетенного класса, но и в умственной ограниченности выключающего класса, и «нечеловеческое» становится уделом также и господствующего класса»¹⁾.

Даже в такие периоды, как эпоха Возрождения, когда можно было наблюдать многосторонне развитых людей, их развитие все же было ограниченным. Гуманистическое развитие личности было недоступно широким народным массам, оставаясь уделом незначительного меньшинства господствующих классов. Но ограниченность здесь не только количественная. Развитие личности господствующих классов происходило за счет подавления множества личностей угнетенных классов. Утонченные продукты духовной культуры для имущих возникали за счет закрепления невежества, бескультурья, темноты в народе. Но подобно тому как «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» (Маркс), так же не может быть свободен индивид, угнетающий других индивидов. Не может быть чувства собственного достоинства у человека, ежедневно подавляющего человеческое достоинство у сотен людей. И действительно, развитие индивидуальности в раннем буржуазном гуманизме совершалось вместе с развитием крайнего индивидуализма и эгоизма, развитие таланта зачастую сопровождалось хвастовством и тщеславием, развитие воли подчас приводило к крайней жестокости и необузданности характера; наряду с гениями в науке и искусстве развивались тираны, деспоты, проходимцы, авантюристы, мошенники и подхалимы, утонченная культура и эрудиция совмещались с жестокой грубостью и невероятной развращенностью и т. д.

Развитие личности невозможно без ее отношения к другим людям. Отношения индивида господствующего класса к угнетенным классам мы рассмотрели выше. Каково же отношение этого индивида к людям своего класса? Маркс прямо говорит о мнимо коллективности буржуазного класса, извращенный характер которой заключается в том, что «отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами противостоят друг другу враждебно в качестве конкурентов»²⁾. В этой иллюзорной коллективности буржуа, естественно, не находит почвы для своего положительного развития и личной свободы, так как «только в коллективе получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»³⁾. При подлинной коллективности революционных пролетариев нет противоречий между интересами личности и класса, так же как нет противоречия между интересами класса и всего человечества. В коллективной борьбе за свержение капитализма, в коллективной, совместной деятельности социалистического строительства индивиды — пролетарии — получают все возможности полного развития своих задатков, подлинного гуманистического развития личности.

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 419—420.

²⁾ Там же, стр. 44.

³⁾ Там же, стр. 65.

Октябрьская революция и победа социализма в нашей стране создали базу для подлинно народного гуманизма, для всестороннего духовного и физического развития личности. Под руководством партии Ленина—Сталина Советский союз стал знаменем творческого развития человечества. Учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина о любви к угнетенному, страдающему человечеству есть учение о беспощадной ненависти к помещикам, капиталистам и их фашистским приспешникам—врагам свободы и человечества. Беспощадная классовая борьба за построение бесклассового общества—решающее условие того, что пролетарский гуманизм восторжествует во всем мире.

Ленин и Сталин неоднократно учили нас разгадывать классовых врагов пролетариата—как бы тщательно они ни маскировались, какие бы формы борьбы они ни избрали,—учили нас революционной бдительности, непримиримости ко всякой пошлости, к обывательщине, к рутине, к бюрократизму, ко всяким пережиткам капиталистического свинства, помогающим классовому врагу проникнуть в наши ряды и притаиться там для контрреволюционных целей.

Именно во имя победы подлинно пролетарского гуманизма необходима железная диктатура пролетариата, которая «есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране)»¹). Под руководством Сталина выполнены ленинские заветы о превращении России нэповской в Россию социалистическую. Разгромлен классовый враг внутри страны. Но сопротивление врага не ослабело, а стало еще более лютым, более мерзким и отвратительным. Всякая наша слабость, всякая наша ошибка могут быть использованы классовым врагом. Осуществляя практически великий пролетарский гуманизм, с любовью и вниманием выращивая людей нашей страны—сознательных строителей социализма, мы должны решительно пресечь и разоблачить всякие попытки истолковать пролетарский гуманизм в духе христианской гуманности по отношению к классовым врагам, должны разоблачить попытки извратить истинный смысл лозунга товарища Сталина о заботливом отношении к людям, попытки истолковать этот лозунг как снисходительно-либеральное благодушие по отношению к врагам партии и рабочего класса, по отношению к врагам всего трудящегося человечества. Пролетарский гуманизм основан на великой истине, что «победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть,—войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли»²).

Товарищ Сталин писал, что давление буржуазии и ее идеологии на пролетариат «выражается в том, что буржуазные идеи, нравы, обычаи, настроения нередко проникают в пролетариат и его партию через известные

¹) Ленин «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», стр. 7. Партиздат. 1933.

²) Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 173.

слои пролетариата, так или иначе связанные с буржуазным обществом»¹⁾. В вопросе пролетарского гуманизма также сказались подобные влияния. Люди, знакомые с марксизмом по популярным брошюрам и хрестоматиям, страдают какой-то «человекобоязнью», они запомнили, что «человек вообще» — это абстракция буржуазной идеологии, что впрямую этому марксизм утверждает классовую, пролетарскую точку зрения. То, что они это запомнили, — очень хорошо. Однако, вместо того чтобы видеть в практике пролетариата разрешение общечеловеческих задач, в пролетарской культуре — подлинно социалистическую культуру, а в пролетарии — человека, именно этот взгляд часто отбрасывался как буржуазный, а под видом настоящих «пролетарских» признаков личности разумели не что иное, как те качества и черты, которые капиталистическое производство и варварские условия существования навязывали рабочим. Например капиталистическое общество обезличивает рабочего, и вот под видом «пролетарского» признака проповедывается грубая уравнительность, а в искусстве изображают «массу» в виде круглоголовых одинаковых «индивидов», объявляя это «пролетарским коллективизмом» (Ривера, многие фрески Украины и Закавказья и т. д.).

Капиталистическое производство превращает рабочего в придаток машины, и вот под видом «пролетарского» признака выдвигается «индустриализм», появляются теориейки Гастева, Новицкого, Фриче и др., перепевających старые мотивы богдановщины, а в искусстве вместо человека сооружают нелепую композицию кубов, шаров, цилиндров из цинка и фанеры. Капиталистическое общество лишает пролетариев элементарной чистоты, грамотности, обрекая их ходить оборванными, жить в грязи и лишениях. И вот под видом «пролетарского» признака провозглашаются неряшливость в быту, неграмотность, грубость и т. д.

Эти и многие другие извращенные представления о социалистическом человеке разоблачены теоретически и практически. Победоносное шествие социалистической действительности отбрасывает липкую паутину буржуазных пережитков. Фанерные чучела «ударников» из конусов и цилиндров вместе с лефовскими теориейками войдут в историю развития пролетарского гуманизма как анекдот.

*
*
*

Слова «пролетарский гуманизм» все чаще становятся необходимыми в нашей литературе для характеристики всестороннего творческого развития нового, социалистического человека нашей страны. Нельзя ограничиться какими-либо отдельными примерами, показывающими рост новой, социалистической личности, показывающими развитие подлинно человеческих мыслей и чувств у наших людей. Нет решительно ни одной области практики, ни одного явления нашей жизни, где бы не сказались вся могучая энергия, каждая жизнь, творчества, знаний нового человека — строителя социализма.

«Уничтожение частной собственности представляет полное освобо-

¹⁾ Сталин «Об оппозиции», стр. 444. Гиз. 1928.

ж де н и е всех человеческих чувств и свойств»¹⁾), — писал Маркс. Это уничтожение осуществила Октябрьская революция и создала прочную базу для расцвета пролетарского гуманизма, для подлинно человеческих условий существования тех, кого товарищ Сталин назвал настоящими героями и творцами новой жизни.

Образы великих пролетарских гуманистов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, вся жизнь которых полна неиссякаемой веры в творческие силы трудящихся, в торжество коммунизма, являются примером подлинно человеческого благородства, мужества и самоотверженности. На этих примерах в практике революционной борьбы и социалистического строительства партия воспитывает поколения неустрашимых борцов за освобождение всего человечества, за пролетарскую революцию во всем мире.

Рождаются новые чувства и идеи, недоступные прежде поработленным и эксплуатируемым массам. Чувство собственного достоинства рабочих, колхозников, чувства товарищества, горячая любовь к своему социалистическому отечеству — нашей родной стране, чувство социалистической собственности и т. д.

Только на основе социалистического общества возможно подлинное развитие человеческих качеств: смелости, благородства, честности, правдивости, силы воли, преданности партии. Всестороннее духовное и физическое развитие трудящихся уже сейчас достигло огромных успехов. Какое количество людей в нашей стране учится, повышает свою квалификацию, расширяет свою культуру знанием техники, физики, химии, истории, искусства, художественной литературы, театра! Как широк круг интересов нашего человека, как разнообразны формы его самодеятельности! Разве можно сравнить масштабы и историческое значение деятельности нашего колхозника, рабочего, изобретателя, профессора и т. д. с той тяжелой, унижительной ролью, которая присуща трудящимся в странах капитала?

Советскому союзу, олицетворяющему невиданный размах культуры, противостоит мир империалистических хищников, фашистских поджигателей войны, уже давно отрекшихся даже от наследия раннего буржуазного гуманизма.

Фашизм ведет к кровавой войне, к гибели культуры и человечества. Социализм возрождает расцвет культуры и свободного творчества освобожденного народа. Эта противоположность двух сил, двух мировоззрений — фашизма и коммунизма — с каждым днем становится все более разительной, так как каждый день и час увеличивают нашу силу, привлекают на нашу сторону все большее количество рабочих и крестьян, угнетаемых капитализмом, и лучших представителей западноевропейской интеллигенции, обнажают еще больше тот моральный маразм, в который впало империалистическое общество с помощью своих фашистских лекарей. Конгресс защиты культуры неизбежно становится конгрессом защиты Советского союза от посягательств поджигателей войны. Лучшие представители западноевропейской интеллигенции, которые с огромной болью реагировали на уро-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 626.

дование человека капиталистическим обществом, на уродование художника миром частной собственности, — такие замечательные, искренние и выдающиеся писатели, как Ромэн Роллан, Андрэ Жид, Мальро и другие, поняли, где надо искать пути освобождения человека, поняли, что подлинный гуманизм возможен лишь при социализме, поняли, что сохранять величайшие сокровища гениев человечества — это значит стать на защиту Советского союза. Бороться за свободное развитие личности — это значит бороться за социализм, против капитализма, так как только пролетарский социалистический гуманизм есть подлинный, последовательный путь к сверкающим вершинам высшего расцвета человечества — к коммунизму!

Диктатура и демократия

П. Юдин

I

Диалектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой.

(Ленин «Марксизм о государстве». Лен. сб. XIV, стр. 255).

Диктатура и демократия — тема, никогда не сходящая со страниц марксистской печати, никогда не перестававшая волновать умы лучших представителей интересов трудового человечества, всегда вызывавшая острейшую борьбу между защитниками интересов пролетариата и прямыми, явными, скрытыми и маскирующимися врагами рабочего класса. Этот вопрос всегда был предметом ожесточенной борьбы, ибо спор о диктатуре и демократии есть спор о существе, о характере, о форме государства.

«В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите... борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства»¹⁾.

Излюбленным приемом буржуазных и социал-демократических ученых при рассмотрении вопроса о диктатуре и демократии является абстрактное рассуждение о государстве вообще, о диктатуре вообще, о демократии вообще.

Престарелый апостол социал-демократии, изолгавшийся вконец дипломированный защитник капиталистического рабства, К. Каутский устанавливает вечные и всеобщие признаки демократии вообще: «Пресса, партия, парламент — включая парламентское правительство — эти три «П» являются решающими органами современной демократии, которая остается несовершенной, если одному из них недостает необходимой силы или свободы».

Ленинизм отвергает абстрактную постановку вопроса о демократии вообще.

Демократия — не абстракция, а конкретная историческая, притом политическая форма государства в классовом обществе.

В бессмертном творении «Государство и революция» Ленин писал, что, пока существуют в обществе различные классы, можно говорить только о демократии классовой.

На I конгрессе Коминтерна Ленин, обрушиваясь на защитников «демократии вообще», «диктатуры вообще», говорил: «Ни в одной цивилизован-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 364.

ной капиталистической стране не существует «демократии вообще», а существует только буржуазная демократия».

Демократия — форма государства, одна из его разновидностей. Демократия классового общества возникла исторически в эпоху так называемого «героического периода», когда уже налицо были классовые противоречия. И с тех пор в различные эпохи формы демократии менялись в зависимости от смены господствующих классов и конкретной исторической обстановки господства того или иного класса. Демократии древних республик Греции и Рима, демократии в средневековых городах Италии и Германии, демократии в различных странах капиталистического общества имели различные формы и различные степени их применимости.

С каждым значительным общественным переворотом происходят изменения и в характере и в форме применения демократии, появляются новые учреждения, организации, отражающие происшедшие изменения в отношениях классов.

Меняются формы демократии, но существо ее в каждом классовом обществе остается. В республиках древней Греции демократия была властью рабовладельцев и торговцев, в средневековых городах демократия была господством нарождающейся буржуазии, в республиках капиталистических стран, начиная с Голландии и Англии XVII в., демократия всегда была формой господства различных групп буржуазии.

Следующим излюбленным приемом всех защитников буржуазной демократии является абсолютное противопоставление демократии и диктатуры.

Извращение и запутывание вопроса начинаются с самого понятия демократии. Сторонники капиталистического рабства, освященного демократией, понимают последнюю как формальное выражение власти большинства над меньшинством.

То, что при буржуазной демократии власть со всеми ее атрибутами принуждения (армией, полицией, чиновничеством, духовенством, тайной полицией) находится в руках буржуазии, что печать, типографии, все виды искусства, помещения находятся в руках буржуазии, наконец, подкупы и подачки — все эти и многие другие факторы в организации большинства при голосовании защитниками буржуазной демократии при рассуждении о демократии и диктатуре во внимание не берутся (хотя они-то прекрасно знают цену и силу этих факторов «демократии»).

«Забыв» о таких «мелочах», начинают превозносить демократию как выражение воли большинства народа и отождествляют демократию с подчинением меньшинства большинству и провозглашают правовой строй как высшую ступень демократии. «Изжила себя не только диктатура меньшинства, но и всякая диктатура. Основным лозунгом делается не просто «власть большинства народа», а раньше всего — правовой строй, законность, строгое соблюдение норм публичного и частного права... Теперь ее (законность) никуда не спрячешь, теперь от нее никуда не уйдешь; ее гонишь в дверь, она влетает в окно; она назойливо напоминает о себе, ибо нет ни одного класса общества, который не был бы заинтересован теперь в переходе от диктатуры к правовому строю», — так расхваливает буржуазную демократию меньшевик Далин.

Демократию социал-демократы обосновывают не существом и характером классовых отношений, а природой человека вообще, которая (демократия) коренится, видите ли, в самой природе человека как живого существа. «Человек по своей природе, — пишет Каутский, — не только социальное, но и демократическое существо, или, правильнее говоря, стремление к демократической деятельности является одной из сторон его социальной природы, которую он унаследовал от своих животных предков».

Совершив сей «научный» подвиг, открыв, что стремление к демократическому строю человек унаследовал еще от животных, Каутский по всем правилам метафизики и священного писания заявляет, что «диктатура и демократия несовместимы». Ясно всякому, что в этом «открытии» Каутского научности не больше чем в следующем четверостишии Саши Черного:

«А за крыльцом
Сосет рябой котенок суку;
Сей факт с сияющим лицом
Вношу как ценный вклад в науку».

Рудольф Гильфердинг, небезызвестный своими тоже «научными» открытиями в области так называемой хозяйственной демократии, отменяет всякую мысль о возможности оскорбления демократии словом «буржуазия»: «Исторически неверно говорить о «буржуазной демократии»... Теперь волеизлияние государства слагается из политической воли отдельных граждан».

Вот почти все основные «идеи» в защиту демократии вообще, т. е. буржуазной демократии, против диктатуры вообще, в особенности и главным образом против диктатуры пролетариата. Все это сказано прожженными врагами пролетариата, испытанными прохвостами из среды вождей социал-демократии.

Демократия — одна из форм государства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Раз это — государство, то при всех и всяческих его формах остается в силе решающее в государстве — сила, организованное насилие, принуждение, подавление всеми средствами, доступными государству.

Подавление и насилие над большинством народа — так было и есть при всех демократиях: и рабовладельческой, и феодальной, и буржуазной. Поэтому неверно, фальшиво звучит утверждение, что демократия есть сознательное подчинение меньшинства большинству.

Рассуждения апостолов буржуазной демократии о святости правовых законов стоят столько же, сколько и их рассуждения о прирожденности человеку чувства демократии.

Маркс еще в речи перед судом присяжных в Кельне заявил: «...но общество основывается не на законе. Это — фантазия юристов. Напротив, закон должен основываться на обществе, он, в противовес произволу отдельного индивидуума, должен быть выражением его общих интересов и погрешностей, проистекающих из данного способа материального производства»¹⁾.

Святость законов буржуазных государств разоблачена рабочим классом сотню лет назад. Вся история революционного движения пролетариата направлена, по существу, против самой основы буржуазных порядков, в том числе и против так называемых правовых, т. е. демократических, буржуазных, порядков и против буржуазных законов в целом.

«Закон свят для буржуа, потому что он — его собственное создание, издан с его согласия, и для его пользы, и для его защиты. Буржуа знает, что если бы отдельный закон и наносил ему ущерб, то все здание законов ограждает его интересы; более того, святость закона, святость порядка, установленного активной волей одной части и пассивно принимаемого другой частью, есть самая прямая опора социального положения буржуа... Рабочий слишком хорошо знает, слишком хорошо изведal, что закон — это жезл, который буржуа приготовил для него, и, не будучи вынужден к тому, не апеллирует к закону», — писал Энгельс в знаменитой книге «Поло-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 359. 1921.

жение рабочего класса в Англии». Таково содержание святости так называемого правового порядка буржуазии, за который с таким усердием многие годы ратуют социал-демократы.

Защитники буржуазной демократии до такой степени возводят демократию в абсолюты, что не хотят видеть исторических фактов и не хотят считаться с ними. Они считают, что всегда и всюду демократия знаменует собой прогресс и носителями ее являются только и всегда революционные силы общества.

Марксизм не отрицает, что буржуазная демократия в определенные исторические периоды была большим прогрессом по сравнению с предыдущими формами феодального и буржуазного господства.

Так было во времена первой Французской революции 1789—1793 гг., так было в Германии во времена борьбы за всеобщее избирательное право, так было во времена борьбы китайского народа за демократическую республику, против монархии, до измены Гоминдана.

Пролетариат всегда был в первых рядах борцов за демократическую республику, за свободы, предоставляемые этой формой буржуазного государства. «Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, мы стояли за демократию», — говорил Ленин на III всероссийском съезде советов.

В истории нередко бывает и так, что самые реакционные классы в критические для них моменты одеваются в тогу демократизма и выступают самыми ярыми защитниками демократизма. Это бывает так потому, что господствующие классы выбирают для себя ту форму государства, которая обеспечивает им наилучшим образом свое господство, свою диктатуру над большинством народа.

В Германии в 1848 г., с марта по сентябрь, вся феодально-реакционная масса активно поддерживала либералов, чтобы сломить сопротивление революционных масс.

Во Франции в 1848 г., с мая по декабрь, до выборов Бонапарта, реакционные слои активно поддерживали самых крайних либералов. Именно благодаря поддержке реакционеров либералы продержались некоторое время у власти. Энгельс в письме к Бебелю от 11/XII 1884 г. замечает, что «к власти приходит партия самая ручная (из революционных), сохраняющая еще способность управлять (в духе имущих) именно потому, что побежденные только в ней видят последнюю возможность спасения».

XX век — век империализма. Домонополистический капитализм со свободой конкуренции сменяется господством трестов, концернов, акционерных обществ.

С наступлением эпохи империализма происходят сильнейшие сдвиги в формах государственного устройства буржуазного общества.

«Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»¹⁾.

Характерным для эпохи свободной конкуренции был расцвет буржуазной демократии. В тяжелые годы для капитализма послевоенного кризиса, когда рабочий класс пошел в решительное наступление против буржуазии, последняя попыталась еще раз найти самую ручную партию из партий, именующих себя революционными. Такой самой ручной партией, обеспечивающей господство имущих классов, явилась партия социал-демократии.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 207.

Ленин в 1910 г. писал: «На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»¹⁾.

В годы послевоенной временной стабилизации капитализма буржуазия избрала как форму своей диктатуры метод «либерализма» в форме коалиции с социал-демократией.

Самый большой расцвет буржуазной демократии был вместе с тем временем наибольшего разоблачения сущности буржуазной демократии. Время демократии послевоенного периода было вместе с тем временем наибольшего разоблачения социал-демократии как ярой и откровенной защитницы капиталистического рабства под знаменем буржуазной демократии.

Разрушена, изобличена буржуазная теория абсолютного противопоставления диктатуры и демократии.

Сама буржуазия сыграла в этом разоблачении решающую роль. Как только обманутые социал-демократическими вождями рабочие массы пытались хоть в малой мере проявить свое «право» «равноправных» классов демократического государства²⁾, так немедленно они (рабочие) получали со стороны «демократического» государства решительный отпор всеми силами, включая армию. Примерами этого рода являются всеобщая стачка английских углекопов, восстание рабочих Вены, восстания трудящихся Испании и т. д.

На собственном опыте рабочие капиталистических стран убеждались, что между демократией и диктатурой при господстве капитализма принципиальной разницы нет. Демократия — одна из форм буржуазной диктатуры над рабочим классом.

Еще и еще раз рабочие убедились в правоте коммунистической истины «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии»³⁾.

В условиях буржуазного господства революционными массами в борьбе за демократию был выдвинут ряд требований, носящих (по своей форме), несомненно, подлинно демократический характер. К числу этих требований относятся всеобщее, прямое и тайное голосование, свобода слова, свобода собраний, свобода печати.

Внешне эти требования составляли признаки буржуазного парламентаризма. Но ни одно из этих требований ни одним буржуазным парламентом во всей истории демократизма и парламентаризма не было осуществлено на практике.

Буржуазия с чрезвычайным искусством сумела использовать эти демократические требования в целях укрепления своей диктатуры над рабочим классом. На бумаге, на словах в ряде стран (в Германии, отчасти во Франции) буржуазия признавала эти требования демократии, на деле, в жизни

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 7. 3-е изд.

²⁾ «Современная демократия отличается от всех прежних политических форм тем, что теперь масса трудящегося населения принимает участие в руководстве политикой», — писал Рудольф Гильфердинг. «Современное демократическое государство тем отличается от прежних видов государства, что использование государственного аппарата для целей эксплуатирующих классов не принадлежит к его сущности и не связано с ним неразрывно», — писал К. Каутский.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXI, стр. 393.

ни одно из них не только не проводилось, но в условиях капитализма и не могло быть проведено.

Самая система буржуазного парламентаризма с его разделением на власть законодательную и исполнительную сводила к минимуму, превращала в пустую формальность деятельность так называемых представителей народа.

Вся сила и полнота реальной государственной власти со всеми ее атрибутами находились в руках так называемой исполнительной власти. Власть парламентская, даже при том условии, что и в парламенте господствующей и решающей силой всегда являлись буржуазия и ее защитники из так называемых «социалистов» (буржуазная партия в рабочем классе), ограничивалась лишь и ограничивается общими разговорами и резолюциями, по сути дела не решающими коренных вопросов политики государства.

В подтверждение той истины, что парламент не решает важнейших государственных вопросов, Ленин указывает на тот факт, что ни в одной, даже самой демократической стране внешняя политика не делается открыто. То же самое в вопросах подготовки войны, в вопросах развития военной промышленности. Вопросы внешней политики, вопросы подготовки войны, работа полиции, особенно тайной, финансирование банками капиталистов и помещиков и целый ряд других важнейших и решающих вопросов экономической и политической жизни страны находятся вне сферы влияния парламента.

Всеобщее избирательное право тысячами ограничений, обходов, подкупов, репрессий и всеми возможностями и преимуществами, имеющимися у буржуазии, сводится к формальности, превращающейся на деле, по словам Маркса, в процедуру, дающую возможность решать один раз в три или шесть лет, какой член господствующего класса должен представлять и угнетать народ. «Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках», — пишет Ленин в «Государстве и революции».

В буржуазных демократиях всеобщее избирательное право является орудием господства буржуазии, и достигается это необыкновенно искусно.

Энгельс еще в свое время указывал, что в демократических республиках «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее». Энгельс же указывал на два способа, при помощи которых парламентаризм выполняет волю капитала: 1) посредством «прямого подкупа чиновников» и 2) посредством «союза между правительством и биржей». Ленин говорил, что «всевластие «богатства» потому вернее при демократической республике, что оно не зависит от плохой политической оболочки капитализма»¹⁾.

«Господство финансового капитала как и капитала вообще неустранимо ни какими преобразованиями в области политической демократии... Но это господство финансового капитала нисколько не уничтожает значения политической демократии, как более свободной и ясной формы классового гнета и классовой борьбы»²⁾.

В буржуазных республиках существует вопиющее противоречие между формальным равенством и действительным гнетом и эксплуатацией имущими неимущих. Теория чистой демократии «вызвана к жизни для того, чтобы прикрыть язвы капитализма, подкрасить империализм и придать ему моральную силу в борьбе против эксплуатируемых масс»³⁾.

¹⁾ Ленин «Государство и революция», стр. 19. Партиздат. 1934.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 38.

³⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 29.

При всех и всяческих демократических формах власть капитала, диктатура буржуазии остается неизменной.

Буржуазная демократия — только одна из форм диктатуры капитала.

«Демократия при капитализме есть демократия капиталистическая, демократия эксплуататорского меньшинства, покоящаяся на ограничении прав эксплуатируемого большинства и направленная против этого большинства»¹⁾.

Такова историческая сущность буржуазной демократии.

Тов. Молотов на XVI съезде ВКП(б), в отчете делегации ВКП(б) в ИККИ, говорил: «Господство буржуазии имеет тенденцию ко все большему применению метода насилия, что находит свое выражение в росте фашизма, в усилении фашизации буржуазного государства».

На эту тенденцию буржуазной власти к ликвидации остатков демократизма и фашизации капиталистического государства тов. Молотов также указывал и в своем докладе VII съезду советов: «Все «реформы» буржуазного государства, которыми так богат последний период, сводятся в конце концов к одному: к окончательному отстранению населения от влияния на государственный аппарат и к полному сращиванию государства с могущественными организациями монополистического капитала. Тем самым обнажается существо власти как буржуазной диктатуры, и она теряет всякие остатки видимости представительства интересов масс».

Развитие противоречий империализма и обострение классовой борьбы в странах капитала со все большей силой ставят перед рабочим классом вопрос о сущности буржуазного государства вообще и о сущности буржуазной демократии в частности. В этих условиях империалистическая буржуазия — истинный и главный хозяин современного капиталистического государства — открыто отказывается от всякой видимости демократизма и парламентаризма. Эти методы управления для буржуазии стали непригодны. Теперь больше чем когда-либо основы частной собственности ставятся под угрозу. Больше чем когда-либо буржуазия принимает меры сохранения и увековечения строя частной собственности.

Поскольку все пути, и парламентские в том числе, уже не удовлетворяют империалистическую финансовую буржуазию, государственный аппарат буржуазии превращается в террористическую организацию капитализма.

Фашизм является идеологией и политикой наиболее реакционной части империалистической буржуазии. Он находит наиболее яркое выражение в террористическом государственном аппарате, заостренно направленном против рабочего класса и его боевого авангарда — коммунистических партий.

Фашизм как обнаженная форма буржуазной диктатуры рвет со всеми и всякими демократическими свободами и парламентскими формами. Коммунисты — противники буржуазной демократии. Но в борьбе с фашизмом, этой системой политического бандитизма против рабочего класса и всех трудящихся, уничтожающей всякую демократию, коммунисты защищают остатки буржуазных свобод.

Не так давно буржуазия и ее союзники из социал-демократии в борьбе против СССР прибегали к лживому, клеветническому приему, что якобы они, борясь против СССР, защищают демократию, свободу и т. п. Теперь буржуазия сама порвала со всякой видимостью демократизма и свободы.

Диктатура буржуазии в настоящее время выступает как открытая террористическая организация против рабочего класса и его партии.

Буржуазия на заре своего восхождения на историческую арену, когда она еще только собирала силы для борьбы с феодализмом, выдвинула таких

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 29.

идеологов, которые являлись сторонниками свободы, демократии, которые издевались над тиранами и проклинали тиранию, высмеивали сторонников старого строя и боролись против его беззакония.

Лучшие умы, идеологи эпохи поднимающейся буржуазии: Спиноза, Монтескье, Руссо, Вольтер, Кромвель — создают политические системы, требующие демократизма. Демократические идеи становятся знаменем буржуазных революций.

Победившая буржуазия начинает свое господство с диктатуры, главная сила которой на время бывает направленной против сторонников старого строя, потому что феодалы были еще силой, угрожающей господству буржуазии.

Наступает бурный расцвет капитализма. Капиталистический способ производства побеждает всюду. Он прогрессивен, силы его велики, перспективы еще более величественны. «Крупная промышленность создала мировой рынок, подготовленный открытием Америки. Мировой рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и отодвигала на задний план все классы, унаследованные от средневековья»¹⁾.

В области политической в эпоху домонополистического развития капитализма под давлением рабочего класса широко развивается демократическая, парламентская форма правления. Домонополистическому капитализму соответствуют наиболее характерные для него в области политической надстройки — демократия, парламентаризм.

Но при всех и всяких демократических формах «современная государственная власть, это — только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»²⁾.

Эпоха империализма. На смену демократизму и парламентаризму в области политической идут реакция и устранение одного за другим всех элементов демократизма и парламентаризма. Буржуазия возвращается к исходной форме — к диктатуре. Но если в начале ее господства диктатура была прогрессивной и политически и экономически, то теперь диктатура буржуазии реакционна и экономически, и политически, и в области культуры.

Диктатура буржуазии как восходящего класса исторически была носителем прогресса. Современная империалистическая, фашистская террористическая диктатура реакционна во всем глубоком историческом значении этого слова.

Тогда диктатура была выражением растущей силы и мощи поднимающейся буржуазии; теперь диктатура буржуазии — выражение ее дряхлости, исторической обреченности и безвыходности существующего положения.

Товарищ Сталин на XVII съезде говорил, что победу фашизма «надо рассматривать так же, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, — как признак того, что она не в силах больше найти выход из нынешнего положения на базе мирной внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны»³⁾.

Такова диалектика развития буржуазной диктатуры и демократии.

¹⁾ Маркс и Энгельс. «Манифест коммунистической партии», стр. 17. Изд. 1935 г.

²⁾ Там же.

³⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 545. 10-е изд.

История поставила вопрос и практически его решила о новом типе диктатуры и демократии — о пролетарской диктатуре и демократии.

II

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический и переходный период, и государство этого периода не может быть не чем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата (Маркс).

Диктатура пролетариата — государство нового типа, принципиально отличающееся и по существу и по форме от всех предыдущих государств всей истории человечества.

К моменту образования буржуазного государства уже имелась капиталистическая экономика как его материальная база. В основных элементах буржуазная экономика сложилась еще в недрах старого феодального государства. Захватом власти буржуазией обычно завершается буржуазная революция.

Захватом власти пролетариата только начинается пролетарская революция. Пролетариату, захватившему власть, приходится заново создавать весь государственный аппарат, заново организовывать экономическую жизнь.

Рабочий класс должен разбить, сломать всю государственную машину буржуазии, весь государственный аппарат сверху донизу, не оставив камня на камне от него. Ломается и разбивается как система в целом буржуазный государственный аппарат, так и его отдельные звенья решительно и повсюду. Весь могучий государственный аппарат: армия, полиция, тюрьмы, чиновничество и т. п., — управлявший жизнью буржуазного общества в целях подавления и угнетения трудящихся, низвергается восставшим пролетариатом вооруженной силой.

В ходе низвержения и ломки буржуазной государственной машины вместо нее и против нее пролетариатом создаются новые органы власти, создается новое государство — пролетарская диктатура. Товарищ Сталин в работе «Об основах ленинизма» пишет, что пролетарская диктатура возникает в ходе ломки буржуазного порядка, в ходе экспроприации экспроприаторов, в ходе насильственной революции пролетариата: «Диктатура пролетариата есть не смена правительства, а новое государство, с новыми органами власти в центре и на местах, государство пролетариата, возникшее на развалинах старого государства, государства буржуазии»¹).

Завоевание и укрепление власти рабочим классом является основной задачей пролетарской революции.

Диктатура пролетариата — государственная власть рабочего класса. Исторической задачей диктатуры пролетариата является осуществление перехода от капитализма к коммунизму. В этот исторический период пролетариат как господствующий класс, как класс, держащий в своих руках государственную власть, должен окончательно сломить сопротивление эксплуататоров, должен создать новую, социалистическую экономику и уничтожить основу деления общества на классы — частную собственность на средства производства; в процессе завоевания власти, в ходе борьбы с эксплуататорами и их последышами во всех звеньях общественной жизни, в борьбе за создание основ социалистической экономики пролетариат перевоспитывает, переделывает сознание людей, воспитывая сознательных и активных строи-

¹) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 28. 10-е изд.

телей социализма. Известно классическое определение задач диктатуры пролетариата, данное Лениным: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением масс и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно»¹⁾.

Диктатура пролетариата — власть рабочего класса, не ограниченная никакими законами, власть, опирающаяся на насилие, власть, определяющая свою политику, исходя из задач защиты интересов пролетариата и борьбы с эксплуататорами, власть, черпающая свою силу в революционных массах пролетариата и его союзников из мелкой буржуазии, в первую очередь и главным образом имея в виду основного союзника — трудящееся крестьянство. О диктаторском характере своей власти пролетариат заявлял за многие десятки лет до ее захвата, повторил это во всеуслышание в период захвата им власти и неизменно проводил и проводит это в повседневной политической и экономической деятельности.

Рабочий класс — диктатор, властитель, он господствующий класс, в его руках аппарат государственной власти, созданный им в ходе революции, в ходе ломки буржуазной государственной машины. Диктаторский характер власти пролетариата был определен основоположниками коммунизма Марксом и Энгельсом. За диктаторский характер своей власти рабочий дрался на баррикадах 1871, 1905 гг. и в Октябре 1917 года.

Диктатура пролетариата — это деспотическое вмешательство в имущественное право и в буржуазные производственные отношения²⁾. «Рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру»³⁾. «Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии»⁴⁾.

«Диктатура пролетариата есть неограниченное законом и опирающееся на насилие господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс» («Государство и революция»⁵⁾).

«Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат»⁶⁾.

В приведенных высказываниях классиков марксизма-ленинизма с необычайной силой подчеркивается революционно-диктаторский характер власти рабочего класса. Основоположники марксизма Маркс и Энгельс, определив политическое существо власти рабочего класса как его диктатуры и определив исторические задачи этой диктатуры, в практике револю-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 191.

²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест коммунистической партии», стр. 40. Изд. 1935 г.

³⁾ Маркс «Политический индифферентизм». 1874.

⁴⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIV, стр. 311.

⁵⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 28.

⁶⁾ Там же, стр. 78.

ционной борьбы пролетариата, в революционном опыте масс искали формы, в которые эта диктатура должна сложиться.

На основе опыта Парижской коммуны Маркс и Энгельс еще раз убедились, что «рабочий класс не может просто овладеть государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей». «В особенности Коммуна доказала» это. Маркс и Энгельс в предисловии к «Коммунистическому манифесту» от 24 июня 1872 г. говорят, что именно опыт Коммуны показал, что программа «Коммунистического манифеста» «теперь местами устарела». Из опыта Парижской коммуны Маркс делает вывод, что пролетариат должен разбить, сломать буржуазную государственную машину, «такова как раз попытка наших геройских парижских товарищей»¹⁾. Это разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной народной революции».

Изучая опыт Парижской коммуны, Маркс писал: «Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса... она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда». Энгельс в предисловии к «Гражданской войне» К. Маркса писал: «Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую коммуну, это была диктатура пролетариата».

Политическая форма диктатуры пролетариата — советская власть — открыта Лениным на основе изучения великого опыта революций 1905 г. и февраля — октября 1917 г. Исторические факты и формы борьбы, говорит Ленин, решают, каковы будут формы диктатуры пролетариата. В эпоху перехода от капитализма к коммунизму опыт борьбы и строительства социализма дает разнообразие политических форм организаций пролетариата и органов власти, но сущность неизменно остается одна — диктатура пролетариата.

Советская власть является самой совершенной и всеобъемлющей формой диктатуры рабочего класса. Эта форма диктатуры, исторически себя оправдавшая, рождена в горниле двух революций — 1905—1917 годов.

«Не вдаваясь в утопии, Маркс от опыта массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии» («Государство и революция»).

Власть советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, являясь диктатурой, властью, не ограниченной никакими законами и опирающейся на революционное насилие, вместе с тем и в то же время, по самой природе, в ней же заложенной, является самой демократической и подлинно народной властью.

Самый последовательный демократизм для трудящихся государства пролетарской диктатуры проистекает из самого классового существа этого государства. Известно, что государство есть власть одного класса над другим. Советская власть является диктатурой пролетариата над буржуазией. Кроме того особенностью диктатуры пролетариата является то, что это союз рабочего класса с крестьянством. Советская власть как форма государства в существе своем представляет интересы пролетариата, а пролетариат — наиболее последовательный носитель и защитник интересов всех трудящихся.

Естественно, что советская власть, являясь диктатурой пролетариата над буржуазией, т. е. диктатурой большинства народа над его незначительным

¹⁾ Маркс. Письмо Кугельману. 12/IV 1871 г. М. и Э. Письма. Изд. 1923 г.

меньшинством, есть господство, власть, государство самого народа. Организуя и проводя в жизнь подавление эксплуататоров, пролетарское государство осуществляет это силой и участием народных масс. Таким образом, самый характер пролетарского государства, являясь ярко выраженной диктатурой над буржуазией, одновременно является диктаторством и демократией для народа.

Советская форма пролетарской диктатуры, писал Ленин, есть государство переходного периода, которое «неизбежно должно быть государством по-новому демократическим (для пролетариата и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии)»¹). Таким государством, по-новому демократическим и по-новому диктаторским, и является власть советов.

Для врага рабочего государства, для метафизика, ищущего «чистой диктатуры» и «чистой демократии», кажется противоречивым утверждение, что диктатура пролетариата и есть демократия, что самое решительное осуществление диктатуры есть в то же время проявление самого смелого, самого широкого демократизма для народа и чем сильнее и решительней диктаторский характер власти пролетариата над врагами его, тем больше создаются возможности дальнейшего расширения демократизма и тем больше происходит «завоевание демократии».

Это «противоречиво». Но такова жизненная правда диалектики Маркса—Ленина. Революционные эпохи вообще, даже эпоха буржуазных революций, являются моментами наибольшего развертывания демократизма.

Только то общественное движение революционно, где действуют народные массы. Пролетарская революция в этом отношении отличается от всех революций наибольшим участием в ней народных масс. Дальнейшим отличием пролетарской революции от других революций является то, что с победой буржуазной революции массы оттираются, устраняются от участия в государственных делах; пролетарская же революция после победы не только не устраняет массы от государственных дел, но все более расширяющееся участие народных масс в управлении государством становится условием и законом существования самого пролетарского государства.

Народность государственного аппарата, т. е. участие народных масс в повседневной работе всех звеньев (снизу и доверху) власти, является необходимой и неотъемлемой сущностью нового пролетарского государственного строя.

Диктатура пролетариата как государственный порядок складывается из верховной власти и всех нижестоящих органов власти и организации хозяйственной и политической жизни страны.

Буржуазия, разделяя законодательную и исполнительную власть, низводит законодательную власть до учреждения, занимающегося болтовней; она сосредоточивает всю полноту власти в руках так называемой исполнительной власти. «Она (буржуазия) доводит до совершенства исполнительную власть, сводит ее к самому чистому выражению» (Маркс), изолируя таким путем массы от всякого подобия практического участия в делах государства. Пролетарская же диктатура и все ее органы соединяют в себе и законодательную и исполнительную власть и тем самым придают каждому ее органу, состоящему из представителей народа, подлинную реальность власти. Сельский или районный совет, целиком состоящий из крестьян, выбранных самими же крестьянами, обладает политической властью в такой мере, что они, и не кто иной, управляют всей жизнью своего района. Каждый крестьянин знает, что сельский совет — это власть, решения которой имеют

¹) Ленин «Государство и революция», стр. 24. Изд. 1933 г.

обязательную силу для всех населяющих этот район. Крестьянин также знает, что если эта власть, им выбранная, плохо работает и не проводит в жизнь решений, наказов, которые ей дали на выборах, которые принимаются общими собраниями крестьян села, крестьяне вправе в любое время переизбрать этих людей и выбрать тех, кто может обеспечить защиту их интересов и устроить их жизнь.

Советы — наиболее совершенная организация, охватывающая поголовно все трудовое население. Советы — не просто административная организация. Советы — такая организация власти, которая обеспечивает активное участие в управлении государством каждого гражданина. «Советы являются непосредственными организациями самих масс, т. е. наиболее демократическими, и, значит, наиболее авторитетными организациями масс», — говорит товарищ Сталин.

Советы на местах, созданные самими массами, объединяются по территориальному и производственному принципу в районы, края, области, республики. «Советская власть есть объединение и оформление местных советов в одну общую государственную организацию, в государственную организацию пролетариата, как авангарда угнетенных и эксплуатируемых масс и как господствующего класса, — объединение в республику советов»¹⁾. Причем следует заметить, что специфической формой диктатуры пролетариата является республика.

Ленин особое внимание обращает в диктатуре пролетариата на ту сторону вопроса, которая характеризует ее как государственный строй, основанный на соединении власти местной и центральной.

«Теоретически особенно важно соединение диктатуры пролетариата с полнейшим местным самоуправлением»²⁾. Этот принцип построения государства, обеспечивающий пролетарский демократизм, обеспечивающий выявление и выполнение истинной воли народа, записан в «Программе ВКП(б)» как основной и первый политический пункт, характеризующий существо пролетарской диктатуры: «Пролетарская или советская демократия превратила массовые организации именно угнетенных капитализмом классов, пролетариев и беднейших крестьян — полупролетариев, т. е. громадного большинства населения, в постоянную и единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу и доверху. Тем самым советское государство осуществило, между прочим, в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху назначаемых властей».

Советская демократия не исчерпывается и не ограничивается только рамками советов. Весь строй жизни страны основан на демократических принципах, на участии самих масс в организации экономической и политической жизни страны. Фактическая демократия расширяется до невиданных в истории размеров, если учесть, что наряду с органами государственного аппарата существует множество других массовых организаций, в которых участвуют многие десятки миллионов людей: партия, профсоюзы, комсомол, добровольные общества, научные, литературные и другие организации — все они являются проводниками и формами демократии. Советская демократия складывается из органов государственной власти — советов — как основы всего государственного строя диктатуры пролетариата и массовых организаций, через которые партия и государство проводят идеи и претворяют в жизнь принципы советской, пролетарской демократии.

«Пролетарская демократия на место формального провозглашения прав и свобод ставит их фактическое предоставление прежде всего и больше всего

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 31.

²⁾ Лен. сб. XIV, стр. 237.

именно тем классам населения, которые были угнетены капитализмом, т. е. пролетариату и крестьянству»¹⁾.

Товарищ Сталин говорит, что «диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата плюс их претворение в жизнь населением»²⁾.

Особенное и характерное для советской демократии состоит в том, что на политическую арену выдвигается народ, сам народ в подлинном значении этого слова. Сам государственный аппарат построен так, что он необычайно тесно сближается с массами.

«По мере возникновения советов, последние, конечно, как всенародные революционные организации, стали несравненно выше всех парламентов всего мира»³⁾.

Все это и дало основание Ленину заявить, что «более демократического в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами, государства на свете еще не бывало»⁴⁾.

Советская власть осуществляет демократию для трудящихся сразу и последовательно. Советская демократия как тип пролетарского государства вводится не постепенно, путем реформ, а завоевывается с оружием в руках. «Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных», — писал Энгельс в 1873 году.

Самая суровая и самая последовательная диктатура является в то же время широкой демократией для трудящихся, ибо это есть диктатура, подавление угнетателей всеобщей силой большинства народа, рабочих и крестьян. Пролетарское государство — государство особого типа. Оно по н о в о м у диктаторское — против угнетателей народа, оно по н о в о м у демократическое — для пролетариев и неимущих вообще. Диктатура пролетариата является такой политической формой государства, которая по своему существу своему обеспечивает наиболее полную и притом высшую форму демократии.

Пишущие о нашей демократии, особенно специалисты правовых наук, часто сбиваются при рассуждениях о советской демократии на чисто формальную, юридическую точку зрения и забывают основное — жизнь, фактическую демократию. Фактическая демократия значительно шире, полнее и глубже всякого рода теоретических рассуждений о демократии.

Ни в какие правовые категории фактическая демократия не укладывается. Демократия включает в себя повседневную жизнь и практику трудящихся масс, их быт, их сознание достоинства гражданина СССР. Разве не является выражением широчайшего демократизма участие миллионов в первомайских и октябрьских демонстрациях, отношение рабочих к производству и их борьба за социализм, участие колхозников в жизни колхозов, в правлениях, в бригадах и пр., и пр.?

Все это в совокупности и составляет советскую, социалистическую демократию.

* * *

Пролетарское государство с момента его возникновения непрерывно развивается невиданными в истории темпами.

Исторической задачей диктатуры пролетариата является переход от

¹⁾ «Программа ВКП(б)».

²⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 118.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 185. «Речь о роспуске Учредительного собрания 19 (6) января 1918 г.»

⁴⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 349.

капитализма к коммунизму. На различных исторических этапах переходного периода перед диктатурой пролетариата по-разному встают экономические и политические задачи.

Сила врагов и собственная сила пролетариата в различные периоды неодинаковы. Поэтому методы борьбы и формы ее применения диктатурой пролетариата в разное время различны.

Претворение в жизнь пролетарского демократизма теснейшим образом связано с задачами, стоящими перед диктатурой пролетариата в различные моменты жизни советской страны.

Демократия пролетарская — не абстракция, не демократия вообще, а конкретная жизнь пролетарского государства.

Такие этапы в жизни страны, как гражданская война, период восстановления народного хозяйства, реконструктивный период, первая и вторая пятилетки, — все эти этапы значительно отличаются один от другого, каждый из них в последующем развитии знаменует все большие и большие завоевания социализма. Характер демократии и степень ее претворения в жизнь менялись с каждым из этих этапов, все более и более развиваясь: все более и более широкие народные массы втягивались в активную политическую жизнь управления государством. И каждый раз практика, опыт масс, степень их политической и культурной зрелости (Ленин говорил, что пролетарская демократия требует постоянного и значительного роста культуры масс) решают конкретные политические формы и степень проведения в жизнь фактической демократии.

С первых же дней Октябрьской революции 1917 г. опыт масс и классовая борьба решили, что пролетарская диктатура делает ряд изъятий из демократии. Зверское сопротивление буржуазии города и деревни, остатков помещиков, крупной чиновной бюрократии буржуазно-помещичьего государственного аппарата, всевозможные, открытые и скрытые, формы борьбы с их стороны против молодого советского государства, вынудили массы к тому, что буржуазия, помещики и их агенты были лишены гражданских прав. В октябре — ноябре 1918 г. Ленин в знаменитой книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» писал: «Лишение избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до Октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. Эта составная часть диктатуры явилась на свет не «по плану» какой-либо партии, а выросла сама собой в ходе борьбы» (стр. 63). В этой же книге Ленин писал, что изъятия из демократии, сделанные самой практикой революционной борьбы (известно, что советы с 1917 г. до лета 1918 г. жили без всякой конституции), не составляют логического признака самой диктатуры, — «это не входит необходимым условием в историческое и классовое понятие диктатуры». И, однако, практика, опыт масс, внес эту поправку к конкретным формам советской демократии, вернее сказать, опыт масс уточнил конкретное содержание пролетарского демократизма, в определенных исторических условиях, в условиях обостренной классовой борьбы. Теперь, после опыта нашей революции, эта «поправка», видимо, войдет в практику пролетарской диктатуры других стран, если этого потребуют исторические условия. В «Программе Коминтерна» говорится, что «советское государство пролетариата есть его диктатура, его классовое единовластие... Оно лишает своих классовых врагов политических прав». По этому вопросу Ленин высказывался неоднократно. Говорил он о нем при разработке «Программы ВКП(б)», подчеркивая всегда, что «лишение избирательных прав части граждан... относится только к эксплуататорам, только к тем, кто вопреки основным законам социалистической советской республики упор-

ствуем в отстаивании своего эксплуататорского положения, в сохранении капиталистических отношений»¹⁾.

Окончательное программное формулирование этого вопроса дано было в «Программе ВКП(б)», где говорится, что «лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии».

Партия, таким образом, совершенно ясно видела, что всеобщее избирательное право не было введено сразу же после революции в силу особых исторических условий. И тогда же совершенно определенно партия заявляла, что как только изменятся условия, «по мере того как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене»²⁾.

Ленин говорил, что «в самом недалеком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации экспроприаторов может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберет другие способы подавления сопротивления эксплуататоров и введет всеобщее избирательное право без всяких ограничений»³⁾.

Так исторически и теоретически был решен партией вопрос о всеобщем избирательном праве, о временном ограничении демократии и свобод.

Следующим важнейшим ограничением демократии (уже по другим мотивам и в другом порядке) является неравное избирательное право. По Конституции Российской социалистической федеративной республики, принятой в 1918 г., и по Конституции Союза советских социалистических республик, разработанной в 1923 г., рабочие на выборах пользуются некоторыми преимуществами по сравнению с крестьянством.

На с'езде союзных республик на всесоюзный с'езд советов от городского населения избирается 1 делегат на каждые 25 тыс. избирателей. От сельского населения избирается 1 делегат на 125 тыс. жителей.

Это неравенство исторически было продиктовано самой жизнью. Руководящая роль промышленного пролетариата как наиболее закаленного в революционной борьбе с эксплуататорами, наиболее организованного и просвещенного политически, как авангарда трудящихся в борьбе за власть советов была исключительно велика и очевидна в ходе самой борьбы за завоевание и упрочение советской власти. Это — с одной стороны; с другой — трудности вовлечения отсталой политически (по сравнению с рабочим классом) крестьянской массы в активную руководящую революционную борьбу и государственное строительство, распыленность и неорганизованность индивидуального крестьянства, колебания среднего крестьянства в ходе самой революции (пока крестьянство не убедилось на собственном опыте в силе рабочего класса как вождя всех трудящихся) — все это естественно создало как само собой разумеющееся преимущественное положение промышленных рабочих при выборах в советы. Практикой революционной борьбы это созданное и закрепленное преимущество рабочего было записано в советскую Конституцию. Об этой Конституции Ленин говорил: «Советская конституция не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны и во всем мире».

Это же положение нашло свое решение и в программе нашей партии,

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 94.

²⁾ «Программа ВКП(б)».

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 94.

где записано: «ВКП(б), раз'ясняя временный характер этих преимуществ, исторически связанных с трудностями социалистической организации деревни, должна стремиться к неуклонному и систематическому использованию этого положения промышленного пролетариата для того, чтобы в противовес узко-цеховым и узко-профессиональным интересам, которые выращивал капитализм среди рабочих, соединять также с передовыми рабочими наиболее отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также среднего крестьянства».

Вся история советской власти исчерпывающе доказала, что и это временное ограничение демократии, политическая целесообразность которого была подсказана историческими условиями и ходом революционной борьбы, оправдано целиком и полностью. Только руководящая роль промышленного пролетариата обеспечила сплочение всех трудящихся вокруг советской власти, обеспечила победу социалистического пути развития города и деревни.

Открытые и не прямые выборы советов, установленные Конституцией 1918 г., точно так же продиктованы были революционной целесообразностью, как наиболее правильные и обеспечивающие на всем предыдущем этапе руководящую роль рабочего класса, обеспечивающие укрепление диктатуры пролетариата. «Не прямые выборы в нелокальные, неместные советы облегчают с'езды советов, делают весь аппарат дешевле, подвижнее, доступнее для рабочих и для крестьян в такой период, когда жизнь кипит и требуется особенно быстро иметь возможность отозвать своего местного депутата или послать его на общий с'езд советов»¹⁾.

Таковые ограничения советской демократии были сделаны ходом революционной борьбы за укрепление диктатуры пролетариата, за упрочение социализма.

Эти временные ограничения оградили пролетарское государство от влияния на его политику чуждых, буржуазных, а также колеблющихся мелкобуржуазных сил страны и содействовали перевоспитанию трудящихся в социалистическом духе. Эти из'ятия из демократии содействовали развитию советской демократии и подготовке условий развертывания советского демократизма до конца. Из'ятия из советской демократии, сыгравшие великую историческую роль в развитии демократии, теперь, в условиях полной победы социалистического пути, исторически себя изжили.

Формы советского демократизма и степень претворения его в повседневной жизни народа определялись и определяются в каждый данный момент общими положениями страны, состоянием экономической жизни, борьбой классов и уровнем культуры трудящихся масс.

Пролетарская диктатура ставит своей главной задачей уничтожение классов, создание социалистической экономики и перевоспитание трудящихся в социалистическом духе. Выполнение этих задач определяет реальное содержание и формы демократии. На каждом историческом этапе пролетарской диктатуры избирается и развивается советская демократия в той форме и в той мере, которые больше всего обеспечивают выполнение этих задач. «Пролетариату нужно уничтожение классов — вот реальное содержание пролетарской демократии, пролетарской свободы (свободы от капиталиста, от товарообмена), пролетарского равенства (не равенства классов — на эту пошлость сбиваются Каутские и Вандервельды и Макдональды, — а равенство трудящихся, которые свержают капитал и капитализм)»²⁾.

В условиях империалистической интервенции и гражданской войны основной и решающей задачей пролетарской диктатуры было разгромить до

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 350.

²⁾ Ленин «О задачах III интернационала». Т. XXIV, стр. 398.

конца, уничтожить силой оружия сопротивляющуюся всеми мерами буржуазию города и деревни, разбить и выгнать вон из пределов страны империалистических интервентов. Этим задачам была подчинена работа всех государственных и общественных организаций, ибо это являлось вопросом жизни и смерти пролетарской диктатуры. Исходя из этих задач и в меру укрепления власти рабочих, разворачивались в тех условиях формы и принципы советской демократии. Однако даже в тех чрезвычайно трудных условиях, когда вся страна находилась на военном положении, советская демократия получила невиданный в мире размах. Выборы в советы, с'езды, конференции, деятельность профсоюзных, комсомольских организаций, комитеты бедноты, крестьянские конференции, субботники, культурно-просветительные организации, общие собрания рабочих и крестьян, печать нашли самое широкое и мощное развитие, в них участвовали десятки миллионов людей. В октябре 1921 г. на II всероссийском с'езде политпросветов Ленин говорил: «Обилием наших с'ездов мы превосходим все государства мира. Ни одна из демократических республик не имеет столько с'ездов, сколько имеем мы, да они и не могут допустить этого»¹⁾.

В 1918 г. в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин писал: «Только Советская Россия дала пролетариату и всему гигантскому трудящемуся большинству России невиданную, невозможную и не мыслимую ни в одной буржуазной демократической республике свободу и демократию, отняв напр., дворцы и особняки у буржуазии (без этого свобода собраний — лицемерие), отняв типографии и бумагу у капиталистов (без этого свобода печати для трудящегося большинства нации есть ложь), заменив буржуазный парламентаризм демократической организацией советов, в 1000 раз более близких к «народу», более «демократичных», чем самый демократичный буржуазный парламент»²⁾.

Фактическая демократия рабочих и крестьян развернулась с невиданной силой и глубиной. Демократия первых лет советской власти, демократия эпохи гражданской войны всем существом своим была направлена на победу над врагом военным путем, на укрепление фронтов гражданской войны. Именно эти особенности определили сочетание демократизма с непосредственно железной военной дисциплиной повсюду, подчинение непосредственно военным задачам всей другой работы. Военная обстановка гражданской войны в необычайно резкой форме показала всем рабочим и крестьянам вред и буржуазно-помещичью сущность требований демократии вообще, демократии для всех, равенства в политических правах для всех, свободы вообще.

В знаменитой речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», произнесенной 19 мая 1919 г. на I с'езде по внешкольному образованию, Ленин говорил: «Мы говорим всякому, кто в момент, когда дошло дело до свержения власти капитала во всем мире, или хотя бы в одной стране, кто в такой исторический момент, когда на первый план выступает борьба угнетенных трудящихся классов за полное свержение капитала, за полное уничтожение товарного производства, все, кто в такой политический момент обращается со словом «свобода вообще», кто во имя этой свободы идет против диктатуры пролетариата, — тот помогает эксплуататорам и ничего больше, он их сторонник, потому что свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман, как это мы в своей партийной программе заявили прямо»³⁾.

В той же речи по вопросу о неравенстве выборов между рабочими и

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 45.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 22.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 289.

крестьянами Ленин говорил: «Да, мы нарушили равенство рабочих с крестьянами и утверждаем, что вы, которые стоите за это равенство, — сторонники Колчака... всякий, кто подумает над конкретными условиями страны, особенно совершенно разоренной страны, тот это поймет».

Несмотря на все ограничения и особую трудность условий эпохи интервенции и гражданской войны советский демократизм, фактический и подлинный демократизм трудящихся, явился величайшим переворотом в истории человечества, поднявшим к активной политической, культурной и государственной деятельности миллионы задавленных капитализмом людей. Как молодое, как свежее, как бурно развернувшаяся кипучая энергия миллионов людей в труднейших условиях, какие когда-либо знала история человечества! Революции — локомотивы истории, писал великий Маркс. Только за годы гражданской войны подлинный демократизм сделал такие успехи, каких человечество не знало за всю свою многотысячелетнюю и многострадальную историю. Задачу военного подавления эксплуататоров вооруженный пролетариат выполнил блестяще.

На очереди стали новые задачи и формы борьбы как в области подавления эксплуататоров, так и в области упрочения завоеваний социализма. «По мере того, как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, — типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться не расстрел на месте, а суд»¹).

Типичными проявлениями упрочения социализма и уничтожения капитализма становится не военная борьба, а экономическая, хозяйственная и культурная деятельность. Наступает эпоха восстановления, возрождения народного хозяйства. Новая эпоха выдвигает новые задачи и новые формы дальнейшего развития пролетарской демократии. В гражданской войне крестьянство шло против помещиков, поддержало рабочий класс в великой исторической борьбе. С окончанием гражданской войны задача руководства рабочего класса крестьянством встает по-новому.

Неравенство рабочего класса и крестьянства в политических правах остается. Это неравенство остается на весь переходный период от капитализма к социализму. Задача руководства крестьянством на основе все большего укрепления союза рабочего класса с крестьянскими массами остается как важнейшее и решающее условие всего дела социализма. Но эта задача теперь стала по-новому. Решающим становится экономический союз — смычка пролетариата с крестьянством на основе помощи бедному и среднему крестьянству в восстановлении и развитии его личного хозяйства и всемерной защиты его от эксплуататорских посягательств кулачества. «Работа партии в деревне должна быть направлена преимущественно в сторону хозяйственно-организационную и культурно-просветительную, взамен предлагаемого ранее административно-принудительного и политически-агитационного подхода»²).

Восстановление промышленности и сельского хозяйства становится решающей задачей нового периода. Новая экономическая политика является генеральной линией партии, долженствующей обеспечить подъем хозяйства, все возрастающий удельный вес социалистических элементов в народном хозяйстве, ограничение и вытеснение капиталистических элементов из промышленности, сельского хозяйства и торговли.

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике создают новые и еще более благоприятные условия дальнейшего развертывания пролетарской демократии в городе и деревне. Метод убеждения и воспитания крестьянства, показ на деле, на опыте преимуществ путей

¹) Ленин «Очередные задачи советской власти». Т. XXII, стр. 460.

²) «Резолюция XI с'езда РКП(б)».

восстановления хозяйства, предлагаемых коммунистической партией и советской властью, перед капиталистическими путями становится главной формой политического руководства крестьянством.

Уже сами задачи, вставшие перед государством, и пути их осуществления определили бурный рост советского демократизма.

Новые экономические и политические задачи по-иному поставили вопрос взаимоотношения советских республик, расположенных на великой земле Российской социалистической федеративной республики. Сохраняя федеративный принцип объединения национальных республик, были образованы союзы советских социалистических республик, объединяющие в своих границах все родственные между собой национальности.

Союзы советских социалистических республик на принципах добровольности объединились в единую федерацию, в Союз советских социалистических республик. Образование СССР явилось величайшим историческим событием, обеспечивающим расцвет социалистической культуры, а также возрождение самостоятельной экономической и духовной жизни многонациональных народов советской земли.

Образование СССР сыграло крупнейшую роль в развитии советской демократии, в привлечении к государственной и всех видов общественной и культурной деятельности народных масс. Именно СССР обеспечил победу социалистической культуры по содержанию, сохраняя и развивая национальные особенности культуры каждого народа.

В декабре 1922 г. на съезде советов товарищ Сталин, намечая великие задачи советской власти в новый исторический период, говорил: «Чтобы разбить и ликвидировать разруху, необходимо сложить силы всех советских республик; необходимо все финансовые и экономические возможности республик бросить на дело восстановления основных отраслей нашей промышленности. Отсюда необходимость объединения советских республик в одно союзное государство»¹).

Партия и советская власть неуклонно следили за развертыванием пролетарского демократизма, всемерно содействуя его процветанию, все более и более превращая органы власти — советы — в подлинных представителей масс, неизменно усиливая в них пролетарское влияние. Особенно большую работу партия ведет в деревне, укрепляя через советы союз рабочего класса с крестьянством, вовлекая широкие народные массы в советы, сближая советы с крестьянством.

В решениях XII съезда партии (апрель 1923 г.) указывалось, что «существеннейшим условием улучшения советского аппарата и усиления его роли приводного ремня к крестьянским массам является вовлечение бывших красноармейцев, средних и особенно маломощных крестьян в хозяйственную, советскую и культурно-политическую работу». Укрепление советов всегда рассматривалось партией как коренное условие существования диктатуры пролетариата. Укрепление советского аппарата и всемерное улучшение его работы, сближение его с массами являлись и являются важнейшим условием успеха в экономической области. Наряду с культурно-политической и партийной работой в деревне укрепление советского аппарата являлось важнейшим условием подъема трудящихся масс на ту степень грамотности и политической сознательности, на ту степень умения культурно управлять и работать в различных областях хозяйства, которые дали возможность осуществить социализм в такой по преимуществу крестьянской стране, какой являлся тогда Советский союз.

Диктатура пролетариата — это и есть содержание советского демокра-

¹) Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 96. Изд. 1934 г.

тизма. Диктатура пролетариата по своему содержанию есть совокупность экономики и политики, культуры и воспитания, обеспечивающих в каждый момент господство рабочего класса над всей жизнью страны. В борьбе с «левыми» в 1918 г. Ленин писал: «Крайне характерно, что у авторов тезисов нет ни звука о значении диктатуры пролетариата в экономической области жизни. Они говорят только «об организованности» и т. п. Но это признает и мелкий буржуа, чужающийся именно диктатуры рабочих в экономических отношениях. Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма»¹⁾. Потребовались величайшие усилия, чтобы возродить разрушенное хозяйство, воспрепятствовать росту капиталистических элементов, сломить сопротивление классового врага росту новых, социалистических отношений.

Все эти труднейшие и важнейшие вопросы решались партией в непрерывной борьбе с антипролетарскими, с антипартийными уклонами внутри самой партии и в первую очередь с троцкизмом как с социал-демократическим (тогда еще) уклоном.

В ходе напряженнейшей борьбы социализма и капитализма крепла экономическая основа социализма, упорно и последовательно развивалась советская демократия. Против советской демократии ополчились враги рабочего класса. Они пытались восстановить крестьянство против советской власти. Враги пролетарской диктатуры пытались поссорить деревенскую бедноту с середняком, крестьянство — с рабочим классом. Враги обрушивались на лучших представителей, активистов из рабочих и крестьян, борющихся за укрепление советов. Путем террора, путем убийства из-за угла председель-совета, рабкора, селькора, председателя кооперации, комсомольцев, женщин-активисток враги пытались ослабить и сломить растущую мощь советской власти, пытались подорвать основы советской демократии — диктатуру пролетариата. Вместе с тем непонимание новой обстановки и неизжитые тогда еще в ряде случаев методы военного коммунизма у местных работников в условиях обостренной классовой борьбы нередко на практике приводили к перегибам в отношении к крестьянству и нарушению законов советской власти, составляющих основу демократии.

В 1925 г. в основных чертах заканчивается так называемый восстановительный период. На XIV съезде ВКП(б), в декабре 1925 г., товарищ Сталин говорил, что «если взять всю промышленность, и государственную и концессионную и частную, то в 1913 году вся промышленность давала на 7 миллиардов рублей валовой продукции, в 1924/25 году дала 5 миллиардов. Это — 71% довоенного уровня. Государственная и кооперативная промышленность составляла 79,6%, частная промышленность — 20,7%».

На основе огромных тогда достижений в области экономической партия принимает ряд новых и решительных мер по развертыванию советской демократии, укреплению советов и революционной законности. XIV партконференция (апрель 1925 г.) принимает решение «О революционной законности», в котором говорится, что «интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства, в связи с проводимой ныне политикой партии, требуют максимального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах власти».

В 1925 г. партия принимает целый ряд важнейших мероприятий по расширению советского демократизма, по привлечению к переВыборам в советы и к работе в советах широчайших народных масс. Особенно остро тогда был поставлен вопрос о расширении демократии в деревне. В мае 1925 г.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 526.

в докладе московскому активу о работе XIV партконференции товарищ Сталин говорил: «Задача насаждения советской демократии и оживления советов в деревне должна дать нам возможность переделать наш государственный аппарат, связать его с народными массами, сделать его здоровым и честным, простым и дешевым, для того, чтобы создать условия, облегчающие переход от общества с диктатурой пролетариата в общество безгосударственное, в общество коммунистическое».

Международная обстановка в 1925 г. резко изменилась. Наметился процесс частичной и временной стабилизации капитализма. Темпы мировой революции замедлились. Еще острее стала задача привлечения крестьянства к участию в построении социализма в СССР. Хозяйственный рост деревни и процесс расслоения крестьянства решительно требовали ликвидации пережитков военного коммунизма. Активность крестьянства возрастала необычайно быстро. Но в целом ряде районов середняк благодаря неумению и неправильным методам работы с ним подпадал под влияние кулачества.

Летом 1925 г. товарищ Сталин выступает с рядом докладов, в которых дает исчерпывающий анализ положения в стране и намечает пути дальнейшего движения вперед. Основное внимание в этих выступлениях он сосредоточивает на задачах развертывания советской демократии и особенно в деревне. Конкретной задачей демократии ставилось укрепление основного принципа диктатуры пролетариата — союза рабочего класса с крестьянством. «Насаждение советской демократии в городе и деревне и оживление советов на предмет упрощения, удешевления и морального оздоровления государственного аппарата, на предмет изгнания из этого аппарата элементов бюрократизма и буржуазного разложения, на предмет полного сближения государственного аппарата с миллионными массами, — таков тот путь, по которому должна пойти партия, если она хочет укрепить смычку по линии административно-политического строительства», — говорил товарищ Сталин в июне 1925 г. в Свердловском университете.

Решительным образом менялась практика работы в деревне. Старая практика, с остатками методов военного коммунизма, совершенно не удовлетворяла требованиям нового периода.

Установившиеся к тому времени порядки в деревне тормозили рост советской демократии и мешали работе по дальнейшему укреплению союза с крестьянством. Партия решительно пошла на устранение серьезных недостатков в работе советов, так как «советы из органов, близких и родных массам, рисковали превратиться в органы, чуждые массам, а руководство крестьянством со стороны рабочих, эта основа и крепость диктатуры пролетариата, рисковало повиснуть в воздухе»¹).

Партия вынуждена была добиться перевыборов советов, был сделан решительный шаг по пути расширения советского демократизма в деревне, в советы были вовлечены десятки тысяч крестьян. Эти мероприятия явились серьезнейшим шагом в деле укрепления диктатуры пролетариата — советов.

Троцкисты и зиновьевцы кричали и пугали рабочих, что партия заполняет советы крестьянами, что советы теряют лицо органов пролетарской власти. Каменев проповедывал тогда теорию, что нижние этажи власти затоплены кулачеством, и т. п. Политика троцкистско-зиновьевской оппозиции была направлена на разрыв союза пролетариата с крестьянством, на разрушение основы и крепости пролетарской диктатуры.

Партия разбила буржуазные, контрреволюционные взгляды перерожденцев. Партия под мудрым руководством товарища Сталина взяла твердый курс на развертывание советской демократии, на дальнейшую подготовку условий

¹) Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 162. 9-е изд.

к переходу союза пролетариата с крестьянством на более высокую ступень. Результаты правильной политики партии не замедлили сказаться.

Народное хозяйство страны быстро закончило восстановительный период. Уже в 1926—1927 г., т. е. к XV съезду партии, сельское хозяйство перешагнуло довоенный уровень, оно равнялось 106,6% по сравнению с 1913 годом. Промышленность по отношению к 1913 г. составляла 102,5%. В 1927—1928 г. сельское хозяйство имело уже 107,2%, а в 1928—1929 г. — 109,1% довоенного уровня. Промышленность в 1927—1928 г. имела 122%, а в 1928—1929 г. — 142,5% довоенного уровня. В народном хозяйстве решающим и ведущим фактором стала тяжелая индустрия. Удельный вес социалистической промышленности стал абсолютно преобладающим. Страна вступила в период социализма. Всем ходом роста классовой борьбы и социалистического строительства был подготовлен великий исторический перелом для сельского хозяйства.

1928—1929 годы решили окончательно и бесповоротно судьбу мелкого крестьянства. Оно решительно и бесповоротно становится на социалистический путь. Переходом деревни на путь социализма решен важнейший вопрос социалистической революции. Теперь основа хозяйства и в городе и в деревне стала однотипной — социалистической.

Окончательная победа социализма в деревне явилась новым и невиданным в истории советской власти источником нового подъема советского демократизма. Величайшую историческую роль в развитии демократизма этого периода сыграли политотделы МТС. Политотделы явились теми органами партии, которые сумели собрать вокруг партии все, что есть лучшего в деревне, сумели разъяснить миллионам крестьян новую полосу в жизни страны и великое новое, внесенное в жизнь крестьянства коллективизацией.

Народились и стали массовым явлением новые формы демократизма — социалистическое соревнование и ударничество.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 г. отметил, что «в деле развития пролетарского демократизма советское государство имеет значительное достижение. Так, рост социалистического соревнования и ударничества на заводах и фабриках и в колхозах, а также принятие массами встречных промфинпланов являются выражением новых и притом высших форм советской демократии».

В ходе борьбы с кулачеством за создание и укрепление колхозного строя советы окрепли еще больше. Они еще больше стали подлинно массовыми органами, объединяющими вокруг себя миллионы рабочих и крестьян.

Партия, проводя последовательно ленинскую политику на укрепление союза рабочего класса с крестьянством, на развертывание советской демократии, на построение экономического фундамента социализма, на ликвидацию последнего эксплуататорского класса — кулачества, подготовила экономические и политические условия для проведения великих реформ по развертыванию советского демократизма до конца. Решения VII съезда советов являются результатом всей предшествующей политики партии в укреплении диктатуры пролетариата. Эти решения — начало новой эры расцвета социалистической демократии.

Диктатура пролетариата и положение рабочей семьи

П. Олешинский

Рост в семье числа работников (работников зарабатывающих¹⁾) принадлежит к числу наиболее выдающихся фактов наших дней.

Носит ли этот рост характер случайный, временный, преходящий? Или он представляет собой выражение определенной закономерности, тенденции?

Как связано это явление с господствующими общественными отношениями, с положением рабочего класса в особенности?

Каковы те стороны общественной жизни, для которых этот рост числа работников в семье имеет в нашей стране особое значение?

Остановиться на таких вопросах уместно тем более, что германский фашизм, например, развил за последние два года бешеную кампанию против так называемых «двойных заработков», за «возвращение женщины к домашнему очагу» и т. п.

С другой стороны, мы не можем закрывать глаза и на «теоретическое обоснование», которое давалось до сих пор некоторыми нашими статистиками и экономистами росту числа работников. Между тем эти теоретические упражнения заслуживают, на наш взгляд, всяческого внимания.

Возьмем, к примеру, брошюру Г. С. Полляка «Бюджеты рабочих и служащих к началу 1923 г.». В этой работе Г. С. Полляк рассматривает «использование труда женщин и подростков» как «обычное средство поддержания хозяйственного равновесия семьи»²⁾.

В значительно более поздней работе — «Как живет рабочий в СССР», авторство которой принадлежит В. С. Овсянникову, мы встречаемся с еще более решительными выводами. Характеризуя уровень жизни рабочих Советского союза, статистик Овсянников считает само собой разумеющимся, что

«чем ниже заработная плата, тем меньше, очевидно, она может удовлетворить потребности рабочего и тем в большей степени он принужден искать других источников дохода. Основной заработок самого рабочего в этом случае пополняется заработками членов его семьи» и пр.³⁾.

Отправляясь от этого положения и относя заработки «второстепенных работников» к «другим источникам доходов» семьи, Овсянников приходит к обобщению, что доля заработной платы самого рабочего

¹⁾ В 1929 г. на рабочую семью в СССР приходилось в среднем 1,22 зарабатывающих, в 1930 г. — 1,32, а в 1934 г. — 1,44.

²⁾ Г. С. Полляк «Бюджеты рабочих и служащих к началу 1923 г.», стр. 45. Москва. 1924.

³⁾ В. С. Овсянников «Как живет рабочий в СССР», стр. 12. 1928.

«может служить весьма ярким показателем нормальности рабочего бюджета»¹⁾).

Список таких произведений можно было бы продолжить. Но нас занимают здесь главным образом не перечень таких авторов и даже не их работы. Теоретическое значение работ, о которых идет речь, не заслуживает внимания. Амуниция их авторов убога и неприглядна. Нас интересует здесь прежде всего то обстоятельство, что характерная для названных выше произведений оценка роста в СССР количества работающих членов семьи вовсе не является случайным достоянием какого-либо одного автора, но что она имеет в нашей литературе известное распространение.

Если верить приведенным выше положениям, то придется, не нарушая последовательности, принимать и вытекающие из них выводы. Первый вывод, который следует из этих не в меру широких обобщений, должен будет состоять в том, что лозунг германских фашистов о «возвращении женщин к семейному очагу» и фашистская борьба с «двойными заработками» должны представлять собой меры, которые «повышают долю заработка главы семьи в общем итоге дохода рабочей семьи», «нормализуют» рабочий бюджет и «поддерживают» рабочую семью. Второй вывод должен будет состоять, повидимому, в том, что рост в СССР числа зарабатывающих членов семьи свидетельствует об ослаблении «хозяйственного равновесия семьи», служит «ярким показателем» якобы ненормальности бюджета семьи, «вынужденной пополнять заработок главы семьи другими источниками дохода», и т. п.

Такие неожиданные выводы навязываются нам «теоретическими» положениями, из которых исходили Полляк, Овсянников и др. Как можно видеть, дело с количеством работников в семье встает теперь перед нами в таком виде, что либо «теоретические обобщения» наших исследователей рабочих бюджетов неверны, ошибочны, либо они верны и тогда должна быть признана правильной также и вытекающая из них оценка роста в СССР количества зарабатывающих на одну семью.

Так стоит вопрос.

Давая ответ на этот вопрос, мы не можем не обратить внимания прежде всего на то обстоятельство, что приведенное у Овсянникова, Полляка и др. объяснение роста количества зарабатывающих в семье возведено на степень «всеобщности», сохраняющей свою силу в любых общественных условиях. Авторы такого объяснения исходят как из непреложной истины, будто бы увеличение количества зарабатывающих в семье и уменьшение доли заработка главы семьи в общем итоге дохода семьи при всех и любых условиях вызываются одной и той же причиной: отсутствием «хозяйственного равновесия семьи», растущей недостаточностью заработка основного работника семьи для удовлетворения ее самых насущных потребностей. Между тем и увеличение количества работников семьи и уменьшение доли заработка главы семьи в общем итоге дохода семьи вызываются в условиях капиталистических отношений и в условиях строящегося социализма не одними и теми же причинами, а причинами, коренным образом разными. Как это нередко бывало и в других общественных вопросах, наши статистики возвели здесь в абсолют то, что является характерным для конкретных условий капитализма, распространяют выводы о явлениях, имеющих место при совершенно определенных условиях развития капитализма, на любые условия, вплоть до применения их к отношениям в СССР.

Забвение «качества» достигло у наших статистиков таких размеров, что при изучении такого явления, как вовлечение рабочей семьи в производство, они не заметили даже принципиальных изменений, которые произо-

¹⁾ В. С. Овсянников «Как живет рабочий в СССР», стр. 16. 1928.

шли в самом составе вовлеченных по СССР в сравнении с капитализмом. Фиксируя чисто количественную сторону явления, они закрывали глаза на существенные изменения его содержания.

Что при капитализме увеличение количества членов семьи, занятых в производстве, является известным показателем нормальности рабочего бюджета, — это верно. Что при капитализме рост количества членов семьи, занятых в производстве, выражает собой рост «использования труда женщин и подростков», — это тоже верно. Но особенность капитализма, которую нельзя упускать из виду, состоит, между прочим, в том, что вовлечение в производство женщин и малолетних происходит там наряду с выталкиванием из производства мужчин, наряду с массовой безработицей основных работников семьи в расцвете их жизненных сил. Другая особенность капитализма, которую также нельзя упускать из виду, состоит в том, что рост использования труда женщин и малолетних с неизбежностью ухудшает условия труда и условия найма для мужчин.

Рост разделения труда и развитие техники делают применение труда женщин, подростков и детей на капиталистической фабрике возможным в широких размерах. Учащающиеся колебание и перерывы в занятиях, вечная тревога за завтрашний день, низкая заработная плата основных работников семьи или безработица их, нужда и голод принуждают рабочих посылать на фабрику своих жен и детей. Для предпринимателя замена относительно дорогого квалифицированного или полуквалифицированного труда взрослых мужчин более дешевым трудом женщин и малолетних представляет большую выгоду. Такая замена является для капитализма принципом. В своей известной рукописи о заработной плате Маркс писал: «Всеобщий принцип современной промышленности. Заменять взрослых детьми, искусных рабочих — неискусными, мужчин — женщинами»¹⁾. Этот «всеобщий принцип» замены капитализм осуществляет с большой последовательностью. Общий же результат таков, что при капитализме «второстепенные» работники рабочей семьи выступают на рынке труда в качестве невольных конкурентов с основным ее работником. На заработную плату это оказывает влияние в качестве фактора, понижающего ее уровень, еще более усиливающего для рабочей семьи необходимость «искать других источников дохода». В таких условиях рост вовлечения членов рабочей семьи (женщин, подростков и детей) в наемный труд не может не происходить, и происходит сплошь и рядом, за счет лишения заработка главы семьи. Вовсе не случайно, что общему росту применения женского труда в капиталистических странах сопутствовал рост количества рабочих, оставшихся без работы.

Но то, что обнаруживало себя с такой очевидностью уже многие десятилетия назад, приобрело еще более острые формы в период всеобщего кризиса капитализма. Годы капиталистической рационализации и последовавшие за ними годы мирового экономического кризиса среди других показателей ухудшения положения рабочего класса озаменовались, между прочим, и тем, что удельный вес женщин среди рабочих промышленности не уменьшился, что при общем колоссальном росте безработицы эта последняя особенно широко захватывала мужскую часть рабочего населения. Нетрудно представить себе, сколько негодования и возмущения, в обстановке массовой безработицы особенно, должно поднимать в рабочих массах это вопиющее надругательство над самим рабочим, над его женой и детьми, над всеми его понятиями о семье, об отце семьи, об отношении к труду. И не только среди рабочих, но и среди служащих и мелкой буржуазии.

Нетрудно понять также, почему этот вопрос занял такое заметное место в фашистской социальной демагогии и в фашистской экономической

¹⁾ К. Маркс. Рукопись о заработной плате. Соч. Т. V, стр. 539 (подчеркнуто нами. — П. О.).

практике. Широковещательные обещания германских фашистов о ликвидации безработицы, о государственном регулировании труда и т. п. вылились затем в принудительное комплектование трудовых лагерей, в заключение десятков тысяч революционных рабочих в концентрационные лагеря и, между прочим, в так называемую борьбу с «двойными заработками». Шумиха, поднятая германскими фашистами вокруг «двойных заработков», возводила устранение их на уровень крупнейшей социально-экономической проблемы. Борьбу с «двойными заработками» фашисты изображали как меру «регулирования распределения возможностей труда с социальной и производственной точек зрения», как крупный шаг в системе «всевозможных государственных мероприятий» по укреплению семьи и т. п.

Что разумелось под этими «двойными заработками»?

При совершенной неопределенности этого понятия разумелось, в основном, наличие в семье двух или нескольких источников дохода.

Тайный смысл этой кампании, предпринятой в первые же месяцы прихода фашистов к власти, разгадать нетрудно. Он состоял во-первых, в том, чтобы обернуть проблему борьбы с безработицей и нищетой не как проблеме революционной борьбы с капиталом, а как «внутреннюю» проблему «распределения труда» среди самих же рабочих. Он состоял затем в том, чтобы под прикрытием звонких фраз по поводу так называемого укрепления устоев германской семьи, под прикрытием «заботы о социальном благополучии всех соотечественников и соотечественниц» и т. п. попытаться переместить вопрос с классовых пролетарских позиций на классовые буржуазные позиции. Ловкость маневра, достойная тех, кто его предпринимал!

Смысл кампании состоял, во-вторых, в том, чтобы дать в руки предпринимателей новое и, надо отдать справедливость, довольно значительное средство нажима на заработную плату рабочего, способ «прижать» беспокойных, молодежь особенно, создать еще один благовидный повод для хозяйской расправы с неугодными.

Дело шло о том, чтобы под видом так называемой борьбы с «двойными заработками» создать средство, которым мог бы пользоваться капиталист для достижения его, капиталиста, выгод. Однако провозглашенная фашистами «нетерпимость» «двойных заработков» была понята кое-кем слишком буквально, а самая борьба с ними приняла кое-где слишком стихийные формы. В ряде случаев местные организации стали применять крутые меры против отставных чиновников и офицеров, обладающих помимо своей пенсии еще каким-нибудь заработком. В других случаях стали подводить под «двойные заработки» доходы, основанные на прибыли с капитала. Самое же главное состояло в том, что во многих местах обнаружилось попытки местных организаций присваивать себе, а не капиталисту, право решать, кого надо отнести к лицам, имеющим «двойной заработок», кого нельзя, обнаружилось попытки нажима на хозяев и т. д.

Руководящая национал-социалистская печать подняла тревогу. «Deutsche Volkswirtschaft» за подписью своего редактора Г. Гунке посвящает «злоупотреблениям», имеющим место в борьбе с «двойными заработками», специальную передовую. В ноябре 1933 г. фашистское правительство в лице имперского министерства труда и имперского министерства народного хозяйства постылило с изданием специального закона о «проблеме двойного заработка и ее регулировании». Первые же свои строки этот закон посвящает тому, что «многие места самостоятельно предпринимали попытки уничтожить двойные заработки и заставить работодателей увольнять тех лиц, которые считаются имеющими двойной заработок. При этом часто исходили из определенных размеров дохода, который не должен превышать общий доход семьи. Иногда работодатели должны были заполнять сложные анкеты обо всех работающих у них по найму лицах. В других местах работающие

по найму должны были сами давать подробные объяснения о своем доходе и семейном положении в форме показания под присягой». «Во многих случаях, — говорится далее в законе, — органы, принимающие в отдельных местностях меры против лиц с двойным заработком, самовольно присваивали себе право решать, имеется ли налицо в данном случае двойной заработок и должно ли быть поэтому данное лицо уволено с работы». Выдвинувши затем весьма многозначительное заявление по поводу того, что дело-де идет о «чрезвычайно трудном и сложном вопросе», что «трудности борьбы с двойными заработками вытекают уже из самого определения этого понятия» и что «один лишь внешний факт двух источников заработка не решает проблемы», имперский закон дает ответ на основной вопрос: как должен решаться («регулироваться») сей вопрос, какой верховный судья призван этот «чрезвычайно трудный и сложный вопрос» распутывать и бескорыстно решать? Ответ дается категорический и не вызывающий никакого сомнения: «Вопрос о том, имеется ли налицо недопустимый двойной заработок, может быть разрешен лишь в каждом отдельном случае с учетом всех особых условий. Право решения принадлежит в частном хозяйстве лишь владельцу предприятия, а в государственных учреждениях — лишь их руководителю. Проблема двойного заработка всплывает обычно лишь тогда, когда производится прием на работу или увольнение рабочих и служащих. При этом долгом работодателя является при приеме отдавать предпочтение нуждающимся в зарботке соотечественникам и руководиться этой же социальной точкой зрения и при хозяйственно-необходимых увольнениях. Замена же лиц, имеющих двойной заработок, должна ограничиться лишь исключительными случаями. И здесь должен решать только работодатель. Всякое же вмешательство третьих лиц в права работодателя — хотя бы они и руководились наилучшими намерениями — недопустимо как несовместимое с принципами нового государства».

Надо отметить, что решение, которое дано здесь «регулированию» двойных заработков, вовсе не представляет собой какого-либо исключения, но находится в действительном соответствии с фашистскими «принципами нового государства». 17 мая 1934 г., например, гитлеровское правительство в лице так называемого президента имперского бюро трудового посредничества и страхования опубликовало «Инструкцию об ограничении приложения сельскохозяйственной рабочей силы в несельскохозяйственных предприятиях и профессиях». 24 августа 1934 г. гитлеровское правительство издало «Инструкцию о распределении рабочей силы» вообще. Первая из них вводит жесткие ограничения приема на работу в городах для работников сельскохозяйственного труда, относя к ним с беспощадностью всех, кто в течение последних трех лет (т. е. в годы кризиса) хотя бы 52 недели проработал в сельском хозяйстве в качестве сельскохозяйственных рабочих, сельскохозяйственной прислуги, странствующих рабочих, доильщиков или находился на иждивении своих родственников. Вторая инструкция направлена к ограничению применения на предприятиях и в учреждениях труда лиц, которые моложе 25 лет. Каждый из этих документов пестрит многими (и очень выразительными) подробностями, но при всем этом их объединяет один решающий принцип: надо ли допускать работника сельскохозяйственного труда (подобного тем, что перечислены выше) или не надо, возможен ли наем данного рабочего, который моложе 25 лет, или невозможен, решает вопрос «вождь предприятия» — хозяин.

А решает он его, конечно, так и только так, как ему будет выгоднее. Ибо разве не ясно, что рабочие и служащие, которые не достигли 25 лет, или которые в тягчайшие годы кризиса оказались хотя бы на 52 недели в деревне (а мало ли было таких!) или которых по тем или другим основаниям можно причислить к обладающим «двойным заработком» (а мало ли

и таких!), — разве не ясно, что все они целиком отданы на полный произвол предпринимателей? Предприниматель использует это свое положение в полной мере. Он располагает исключительной возможностью понижать зарплату до наиболее низкого уровня, так как в его власти решать, может ли данный рабочий претендовать на заработок вообще. Он может ухудшать условия труда, так как в его власти лишить рабочего всяких условий труда. Что же касается рабочего, то он в состоянии рабского бесправия, в которое подвергают его действующие «принципы нового государства», вынуждаясь на такие условия труда и заработка, какие угодны предпринимателю.

То обстоятельство, что гитлеровская печать, гитлеровские агитаторы и гитлеровские законы на все лады кричат об отцах семейства, о равномерном распределении труда, об укреплении семьи и т. п., ничего не меняет, напротив, только помогает предпринимателям вершить свои дела. Ибо они-то, хозяева, великолепно знают, что им нужно. Под предлогом необходимости выполнения закона они прижимают рабочего. Но если молодой рабочий или замужняя женщина под угрозой потери заработка станут работать дешевле других, капиталист всегда оставит на работе именно их.

Монополистический капитал Германии стремится к снижению заработной платы рабочих и к ухудшению условий их труда, чтобы проводить демпинг на мировом рынке, чтобы за счет рабочего добиваться выхода из кризиса. Кампания против «двойных заработков», законы «о регулировании приложения рабочей силы», «об ограничении приложения сельскохозяйственной рабочей силы в несельскохозяйственных предприятиях и профессиях» и т. д., и т. п. как нельзя более выполняют заказ хозяев, которым Гитлер и его банда служат.

Так, на проверку, «заботы» гитлеровского государства о семье оказываются самой ожесточенной атакой монополистического капитала на весь рабочий класс, на замужних женщин и молодежь особенно.

Тем менее фашистская пропаганда и фашистская практика способны поколебать капиталистический «всеобщий принцип» замены квалифицированного труда неквалифицированным, взрослых — малолетними, мужчин — женщинами. Тем менее они способны устранить безработицу среди членов рабочих семей, устранить занятость малолетних наряду с безработицей основных работников семьи, занятость матерей наряду с безработицей взрослых сыновей. Если фашисты и внесли в эту область что-либо новое, то оно состоит лишь в ухудшении положения рабочей семьи, в ухудшении условий заработка ее членов, в общем снижении уровня ее жизни.

В какое сравнение это может идти с тем, что происходит в Советском союзе? Разве условия, в которых происходит вовлечение членов рабочей семьи в производство при диктатуре пролетариата, не отличны от капиталистических условий коренным образом? Разве занятость жен, дочерей и сыновей рабочего в Советском союзе хотя бы похожа на ту занятость, которая имеет место при капитализме?

Начать с того, что в числе «занятых» работой членов семьи в странах капитализма сплошь и рядом находятся дети. В такой стране, как США, до сих пор нет федерального закона, охраняющего детский труд. Штат Висконсин в США не знает, например, никакого запрещения детского труда. Существование таких законов в ряде других стран не устраняет того общеизвестного факта, что миллионы детей работают на фабриках, на заводах, в рудниках, на плантациях. Советский же союз является единственной страной, где детский труд запрещен и где законы об этом запрещении со всей строгостью выполняются на деле. А это значит, что такие примеры, когда бы детским трудом заменялся труд взрослого работника и труд ребенка на фабрике выступал бы в качестве «средства хозяйственного равновесия семьи», являются в Советском союзе просто невозможными. Этот факт

уже сам по себе настолько значителен, что коренного различия между условиями вовлечения членов рабочей семьи в производство при капитализме и в СССР нельзя было не заметить еще с первых дней существования советской власти. Результатом исторических успехов развития народного хозяйства на социалистической основе, результатом быстрого роста численности рабочих, занятых в производстве, явилось быстрое сокращение безработицы, а затем и полная ее ликвидация. А какое значение это имело для рабочей семьи с точки зрения занятости ее работников в народном хозяйстве? Это имело, конечно, то значение, что число работников в семье значительно увеличилось.

Но суть дела состояла не только и не столько в этом количественном росте занятости, а в качественном ее изменении. Существо этих качественных изменений с наибольшей ясностью определилось в том, что оказались прежде всего занятыми наиболее работоспособные члены семьи, следовательно, лучшие ее работники, заработок которых имеет для семьи наибольшее значение. Какое влияние имел этот факт на подъем материального уровня жизни семьи, на создание прочной ее уверенности в завтрашнем дне и т. п., понять нетрудно. Если при этом оказывались занятыми в производстве не только главы семейств, но и другие члены семьи, если даже доля заработка главы семьи в совокупном ее «доходе» в некоторых случаях и сокращалась, то ведь надо же видеть глубочайшее различие, которое существует между увеличением доли зарплаты других членов семьи при безработице главы семьи (или угрозе безработицы) и увеличением доли заработной платы других членов семьи при полной занятости главы семьи. И кому же не известно, что это последнее условие создано и существует только в Советском союзе?

Говоря об условиях, в которых происходит вовлечение в производство членов семейств при капитализме и при диктатуре пролетариата, нельзя не видеть также различия в направлениях, в которых движутся уровни жизни рабочей семьи. Одно дело пополнение заработка самого рабочего заработками членов его семьи в условиях необеспеченности и неустойчивости положения рабочей семьи, в условиях понижающегося уровня жизни рабочего класса (а для капитализма, как известно, абсолютное и относительное обнищание рабочего класса является законом), и совсем другое дело, когда такое пополнение заработка происходит в присущих Советскому союзу условиях прочной уверенности в завтрашнем дне, отсутствия безработицы, наличия социального страхования, непрерывного роста заработной платы, непрерывного подъема уровня жизни рабочего класса. Это различие имеет существенное значение. Оно еще более оттеняет положение, что при капитализме вовлечение членов рабочей семьи (преимущественно детей, подростков, женщин) в производство имеет вынужденный характер, является последним средством в стремлении семьи как-нибудь поддержать свое трудовое существование. В то время как у нас, в Советском союзе, такое вовлечение членов рабочей семьи в производство выпадает собой здоровый процесс роста для рабочей семьи возможностей свободного применения труда своих лучших работников в расцвете их жизненных сил для еще более быстрого роста благосостояния семьи, для еще более полного удовлетворения ее растущих потребностей.

Что касается заработков самого рабочего и всех занятых членов его семьи, то росту этих заработков открывается в Советском союзе невиданный простор. Это и понятно: быстрый темп расширения производства вместе с переходом на более высокий уровень техники создает колоссальную потребность и широчайшую возможность для передвижек рабочих на все более и более квалифицированный, а следовательно, и значительно лучше вознаграждаемый труд.

Останавливаясь на условиях, в которых происходит вовлечение сыновей, дочерей или жен рабочих в производство при капитализме и в СССР, необходимо особенно подчеркнуть коренное различие интересов, которыми руководствуются при этом противоположные по своему типу владельцы предприятий, капиталисты в одном случае, пролетарское государство — в другом. Капиталист преследует свой частный интерес, интерес наживы от эксплуатации. Снижение заработной платы увеличивает норму прибавочной стоимости, повышает норму прибыли. Капиталист всегда стремится понизить заработную плату. Жен и детей рабочего он втягивает в производство лишь потому, что он может оплачивать их дешевле, потому, что это доставляет ему больше прибавочной стоимости и, следовательно, больше прибыли. В стоимость рабочей силы входит стоимость средств существования не только самого рабочего, но и его семьи. Если заработная плата оказывается ниже стоимости рабочей силы, если за заработную плату, равную полной стоимости рабочей силы, затрачивается труд не одного, а 1,2, 1,3 или 1,5 работника, то капиталисты оказываются еще в большем выигрыше. Необходимый семье минимум средств существования добывался раньше трудом одного работника, а теперь за тот же минимум начинают работать на капиталиста 1,2, 1,5 или даже 2 работника семьи. Во всяком случае ясно, что если бы при этом совокупная заработная плата, получаемая семьей, даже и повысилась, рабочая семья доставит капиталисту гораздо больше прибавочного труда чем раньше, эксплуатация рабочей семьи усилится. Касаясь этого вопроса, Маркс писал: «Здесь следует упомянуть также о массовом применении женского и детского труда, потому что при этом вся семья должна доставлять капиталисту большую массу прибавочного труда, чем прежде, даже если возрастает общая сумма заработной платы, получаемой этой семьей, хотя подобный случай отнюдь не представляет общего явления»¹). Это не может не оказывать своего влияния на дальнейшее снижение стоимости рабочей силы, дальнейшее снижение уровня заработной платы, общее ухудшение положения рабочего класса. И, тем не менее, пока господство в обществе принадлежит буржуазии и рабочие остаются угнетенным классом людей наемного труда, они всеми обстоятельствами вынуждаются посылать своих детей и жен на фабрику, доставлять капиталистам добавочные возможности усиливать эксплуатацию.

Осуществление пролетарской диктатуры не оставляет от подобных отношений и следа. Принципом нового строя является уничтожение всякой эксплуатации и рост благосостояния трудящихся. Уровень заработной платы определяется здесь не величиной стоимости рабочей силы, не отношениями спроса и предложения рабочей силы, складывающимися на рынке труда, не конкуренцией труда неквалифицированного с трудом квалифицированным, труда женщин с трудом мужчин, труда детей с трудом взрослых, как это происходит при капитализме, а определяется органами пролетарской диктатуры, ее социалистическим планом и на основе непрестанного роста производительности труда. Когда социалистическое производство вовлекает в свой круг членов рабочей семьи, то такой мотив, как большая дешевизна женского или детского труда, для него не существует вовсе. Не существует, так как различие в оплате за одинаковую работу, выполняемую женщинами и мужчинами, взрослыми и подростками, устранено диктатурой пролетариата с первых же шагов ее революционных преобразований. Социалистические предприятия руководствуются только такими мотивами, как растущая потребность в рабочей силе, подготовка необходимых предприятию квалифицированных кадров, повышение производительности труда и связанная с этим наиболее целесообразная расстановка людей, закрепление за пред-

¹) К. Маркс «Капитал». Т. III. Ч. 1-я, стр. 159.

приятием устойчивых кадров рабочих. Не приходится и говорить, что мотивы подобного рода, являясь руководящими для социалистических предприятий, как нельзя более отвечают интересам и запросам самого рабочего. Мы имеем здесь полное соответствие частных интересов каждого отдельного рабочего с интересами рабочего как класса ассоциированных производителей.

Могут еще заметить, что все сказанное выше о коренных различиях, существующих между вовлечением членов рабочей семьи в производство при диктатуре пролетариата и вовлечением при капитализме, применимо-де к последним этапам развития советской экономики и неприменимо к какому-нибудь другому, предшествовавшему этапу. Могут, возможно, утверждать, что высказанная Полляком, Овсянниковым и другими характеристика причин роста в СССР занятости членов рабочей семьи, будучи ошибочной для настоящего момента, в свое время являлась-де правильной и т. п. Подобные утверждения, находящиеся, между прочим, в кричащем противоречии с тем размахистым и абсолютным характером, который названные авторы своим выводам придавали, не соответствуют действительности. Спору нет, первые годы нэпа, так же, как и другие этапы развития советской экономики, придавали процессу использования в народном хозяйстве трудовых ресурсов рабочей семьи известные новые черты, вносили в этот процесс то или другое своеобразие. В 1921—1922 гг., например, в связи с переходом предприятий на хозяйственный расчет, мы имели известное сокращение численности рабочих, занятых в промышленности. В последующие годы эта численность занятых рабочих стала быстро возрастать. До 1930 г., к примеру, мы еще имели в СССР безработицу, хотя и быстро убывавшую. В 1930 г. безработица, как известно, была уничтожена. В такие, скажем, годы, как 1920, 1921, 1922, заметное место в бюджете рабочей семьи занимали «приработки» от ремесла рабочего по своей специальности, от «продовольственных экспедиций», от огородов и т. п. В последующие годы значение таких «приработков» стало очень заметно уменьшаться. На основе успешного восстановления хозяйства и подъема производительности труда быстро росла заработная плата. Увеличивалась численность рабочих в промышленности и на транспорте. Характерно, что росла занятость в первую очередь взрослых рабочих — мужчин. Это определило значительное увеличение в общем «доходе» рабочей семьи доли заработной платы вообще и доли заработной платы главы семьи в частности. Последующие успехи в развитии хозяйства при переходе к реконструктивному периоду, ликвидация безработицы, огромное разворачивание отраслей бытового и культурного обслуживания вместе с дальнейшим подъемом благосостояния рабочего класса создали условия, при которых, во-первых, в рабочей семье могли высвободиться для производительного труда новые и новые работники, во-вторых, социалистическое производство, предъявлявшее растущую потребность в рабочей силе, могло этим новым силам дать работу, найти им, с народнохозяйственной точки зрения, наиболее продуктивное применение. Отсюда дальнейший рост в семье количества занятых работников и вместе с тем такой рост, при котором повышается удельный вес занятости женщин.

Каждый из таких моментов, характерных для того или другого этапа развития нашей экономики, имеет существенное значение. Но к какому из них, спросим, могут быть применены оценки, подобные тем, какие были приведены нами в начале статьи? К которому из них позволительно будет применить положения, что доля заработной платы самого рабочего «может служить весьма ярким показателем нормальности рабочего бюджета», что использование труда женщин является «обычным средством поддержания хозяйственного равновесия семьи»? К периоду, когда еще не была ликвидирована безработица? Или к условиям использования труда женщин в СССР? Но делать подобные посылки — значило бы упускать из виду такой, скажем,

«пустяк», как овладение рабочим классом средствами производства со всеми вытекающими отсюда последствиями, упускать из виду иные чем при капитализме условия применения труда вообще, труда женщин и подростков в частности, отсутствие детского труда, рост жизненного уровня рабочего класса и т. п. Такое отвлечение подстать какому-нибудь меньшевистствующему статистику, но оно совершенно неприемлемо для сколько-нибудь добросовестного исследователя.

Наглядным примером абсолютной неприменимости буржуазных «масштабов» оценки роста в СССР занятости членов рабочей семьи может служить хотя бы вопрос об использовании труда женщин. О коренном различии причин, ведущих женщину к заводскому станку в капиталистических странах и в СССР, мы уже говорили. Но так же принципиально различны в обеих системах и условия, в которых женщине доводится свой труд прилагать.

Различие идет, во-первых, по линии общественных условий, которыми характеризуется положение женщины при капитализме и при диктатуре пролетариата. Главное состоит в создании не только формального, но и действительного экономического и социального равенства женщины с мужчиной. Такое экономическое и социальное равенство, как учат нас Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, осуществимо только на основе втягивания женщины в общественно-производительный труд и освобождения ее от «домашнего рабства». Но капитализм не может ни достигнуть участия основной массы женщин в общем производительном труде, ни освободить их от подчинения отупляющей и принижающей обстановки кухни. Он неспособен предоставить женщине даже полного формального равноправия с мужчиной. Фактическое неравенство женщины в буржуазном обществе является одним из важнейших социальных вопросов. Борьба женского рабочего движения за экономическое и социальное равенство представляет собой одно из наиболее ярких выражений классовой борьбы пролетариата. Как может правящая буржуазия «разрубить» гордиев узел женского вопроса, чем может она удовлетворить грозные требования дать женщине работу, образование, семью, отдых, если главным в женском вопросе является положение рабочего класса в обществе?

С приходом к власти германские фашисты подняли вокруг женского вопроса невообразимую шумиху. Центральное положение в этой кампании занимает лозунг «возвращение женщины к домашнему очагу». Основой для разрешения проблемы женского труда выдвигается печальной знаменитости сочетание трех К: Kinder, Küche, Kleider: «драгоценная сила женщины не должна отрываться от свойственной ей сферы», «женщина остается женщиной», «естественное назначение женщины состоит в служении тому тесному кругу, на котором вырастают наши крепкие деревья». И вся эта реакционная болтовня выдается за самоновейшее откровение, способное решить острейшую социальную проблему. Было бы, впрочем, большой наивностью полагать, что действительная цена этих «новых принципов» неизвестна их изобретателям. Ибо кому же в самом деле, как не им самим, лучше знать, что громкие вопли о домашнем очаге, о кухне, о семье потому и подняты, что вне домашней работы женщина не может далее находить никакой другой работы! Кому же, как не фашистским вдохновителям, лучше знать, что лозунг о «возвращении женщины к домашнему очагу» является маневром, рассчитанным на то, чтобы обмануть массы рабочих и работниц, чтобы отвлечь их внимание от бедствий, причиняемых непосильной эксплуатацией, массовой безработицей и создаваемой капиталистами конкуренцией женского труда с мужским! А пока что под прикрытием «высвобождения» женщины для выполнения ею своего «естественного назначения» и под предлогом борьбы с «двойными заработками» предприниматели снижают заработную плату и получают добавочные возможности пользоваться наиболее дешевым трудом.

Вовсе не случайно, что по переписи 1933 г., проведенной самими фашистами, когда они уже находились у власти, удельный вес женщин среди занятых рабочих несмотря на колоссальную безработицу мужчин был выше чем в 1928 г. Удельный вес женщин среди занятых в промышленности и ремеслах в 1928 г. составлял 22,2%, а в 1933 г. — 24,5%; по торговле и транспорту этот удельный вес выражался соответственно в 30 и 33,4%, по государственной и частной службе — в 28 и 33,4% и т. д.

Под сантиментальные причитания о драгоценных качествах женщины для семейного очага германский фашизм заполняет военные предприятия женским персоналом, загоняет женскую молодежь в лагеря принудительных работ, ведет милитаризацию женщин, губит тысячи пролетарок в фашистских застенках, «регламентирует» проституцию.

Так фашистская практика разоблачает фашистскую политику.

В условиях буржуазного общества, которое основано на частной собственности и на эксплуатации человека человеком, проблема женского труда, экономического и социального равенства женщины неразрешима. И не слишком ли просто представляют себе эту проблему фашистские Дон-Кихоты, когда они надеются покончить с ней указанием женщине на ее «природное призвание»?

Диктатура пролетариата действительно открыла женщине широкую дорогу к труду, к творческой деятельности, культурному росту и независимому существованию.

Различие идет, во-вторых, по линии характера, который благодаря этому приобретает занятость женщин при капитализме и в стране строящегося социализма. Наши статистики сопоставляют обычно размеры занятости женщин в народном хозяйстве СССР и капиталистических стран и констатируют огромный абсолютный и относительный рост этой занятости по СССР¹). Факт такого роста имеет исключительное значение. Но дело не только в размерах занятости, но и в том, какова она, какой работой женщины заняты. Для капитализма типична работа женщин на совершенно неквалифицированной или малоквалифицированной, наихудше оплачиваемой работе. Это, конечно, не случайно. Фактическое неравноправие и в обществе и в семье, продолжительный рабочий день вместе с необходимостью отдавать каждую свободную от производства минуту домашним хлопотам задерживают развитие женщины, не дают ей ни времени, ни других условий для сколько-нибудь значительного роста квалификации. Эти условия, задерживающие развитие женщины-работницы, диктатура пролетариата сламывает. Она открывает и расширяет широкие возможности для приложения и развития сил и способностей женщин. Ныне мы уже имеем в этом отношении результаты, заслуживающие того, чтобы они были известны всему миру. Не всем известно, например, что удельный вес женщин среди врачей в США составляет всего только 4%, а в Советском союзе он равен, по последним данным, более 60%. Не все знают, что среди работников такой квалификации, которая позволяет стать членом ИТР, еще в 1929 г. было 2,5 тыс. женщин, а в 1934 г. их было уже 95 тыс. Кстати сказать, в Соединенных штатах Америки, прославленных своим «демократизмом», среди более чем 226 тыс. инженеров в 1930 г. было ровным счетом 113 женщин.

Так что «занятость» бывает, как видим, разная.

Женщина, говорил товарищ Сталин, — большая сила. И сила эта растет не по дням, а по часам. Она растет в городе и в деревне, на производстве и за школьной скамьей. Достаточно отметить, например, что процент женщин

¹) По данным статистики ВЦСПС, общая численность работающих женщин на I/X 1928 г. составляла 2394,5 тыс. чел., а к I/VII 1933 г. — 7066,9 тыс. Удельный вес женщин среди всех работающих составлял при этом в 1928 г. 24,6%, а в 1933 г. — 33,7%.

среди учащихся вузов в 1928 г. составлял 28,1, в 1931 г.—28,3, а в 1934 г.—36,5. Среди учащихся техникумов процент женщин в 1928 г. был равен 37,6, в 1931 г.—38,8, а в 1934 г.—43,9.

Различие условий идет, в-третьих, по линии условий труда в собственном смысле слова. Если говорить о капиталистических странах, даже самых передовых, то регламентация применения труда женщин и государственная охрана материнства либо отсутствуют у них вовсе, либо в урезанном виде существуют формально. Пролетарское государство установило в этой области совершенно новый принцип. Оно сделало своим лозунгом не равный и не однородный труд женщины и мужчины, как могут иногда неправильно понимать, а целесообразное применение женских сил в условиях строгой и всесторонней охраны интересов женщины как носительницы материнства. Наряду с систематической работой по общему оздоровлению производства и по устранению специфических вредностей для работниц на отдельных участках мы имеем в СССР перечень более 30 разных видов работ, которые для женщины запрещены вовсе. Социальная охрана материнства и охрана детства относятся к числу важнейших моментов пролетарского трудового законодательства, разного которому не знает мир, а, как известно, принципы этого пролетарского законодательства не просто провозглашены, но осуществлены на деле: в работе предприятий, в прокурорском надзоре, в контроле профессиональных союзов, в деятельности широкой сети учреждений по охране материнства и детства.

Различие идет, в-четвертых, по линии бытовых условий. Бесспорно, что развитие капитализма ведет к созданию крупного капиталистического производства, занятого такими областями, которые составляли до этого неотъемлемую функцию работника, занятого в домашнем хозяйстве. Во всех значительных промышленных центрах создаются крупные пекарни, кухни, прачечные, столовые, кафе, водопровод, центральное отопление с проводом холодной и горячей воды, починочные мастерские и т. п. Недооценивать значения появления этих отраслей, «перенимающих» у домашней хозяйки массу тяжелых, нудных и мешкотных работ, не приходится. Необходимо, однако, особенно подчеркнуть, что развитию этих отраслей капитализм ставит (и не может не ставить) узкие границы. Пользование услугами таких предприятий не всегда доступно даже для наиболее высокооплачиваемых групп рабочих. При таких условиях вынужденное поступление женщины на фабрику вовсе не освобождает ее от тяжелого домашнего труда. Если при этом рабочая семья прибегает к услугам кухонь, прачечных, починочных мастерских и т. п. предприятий, то она подвергается эксплуатации вдвойне. Ибо при капитализме подобные учреждения основываются частными лицами, спекулянтами и ни с какой другой целью, как с целью наживы. Очень уместно будет вспомнить здесь слова Маркса по поводу того, что «всякий момент жизни и существования рабочего все более и более становится предметом эксплуатации». Об учреждениях, способных при капитализме разгрузить трудящуюся мать от работы по физическому уходу за ребенком, и говорить не приходится. В некоторых наших статистических изданиях можно иногда увидеть сведения о количестве, к примеру, детских садов или яслей по капиталистическим странам, сведения, приведенные для сопоставления с СССР. Но в какое сравнение эти учреждения могут идти с нашими? Разве возможно ставить рядом с детскими садами или яслями нашей страны капиталистические, немногочисленные детские учреждения такого типа, которые обслуживают по преимуществу детей богатых или где на одного работника приходится по 80 и более ребят, где нет питания, где дети собираются только на 2—3 часа, 2 или 3 раза в неделю? В Советском союзе действительно создаются такие условия, когда женщина имеет возможность участвовать в производительном труде при освобождении ее от многих и многих домашних

работ. Широчайший размах, который получило у нас развитие детских учреждений, общественного питания, коммунального обслуживания, городского транспорта, жилищного строительства, на которые пролетарское государство не жалеет никаких затрат, общеизвестен. Плановое развертывание этих отраслей входит неотъемлемой частью в общий план развития народного хозяйства. Без них не мыслим был бы тот рост вовлечения в производство, политический и культурный рост женщин, который мы имеем за годы революции вообще и за последние годы особенно.

Различие условий идет, в-пятых, по линии вознаграждения за труд. Общеизвестно, что за одинаковую работу с мужчиной женщина оплачивается при капитализме значительно ниже. По подсчетам Зомбарта, заработная плата женщины для одних и тех же видов труда составляет от трех пятых до трех четвертей заработной платы мужчины. Сплошь и рядом же заработная плата женщины в одинаковых условиях составляет половину мужской. По совершенно правильному замечанию Кучинского, «даже в тех отраслях промышленности, где работает большое число женщин, где женщины составляют большой процент всех рабочих, где женская работа уже в течение десятилетий имеет большое распространение, все же женщины не только зарабатывают в одних и тех же отраслях работы вообще меньше мужчин, но и работают преимущественно в хуже оплачиваемых отраслях»¹). Фабриканты и заводчики уверяют при этом, что «труд женщины по качеству неравноценен труду мужскому». Буржуазные философы подтверждают это тем, что «по природе своей женщина во всех областях стоит ниже мужчины». А буржуазные экономисты и статистики, у которых черпают свою премудрость Полляк и Овсянников, доказывают, что «очень часто женщина является лишь подсобной работницей, а ее заработная плата — добавочным заработком к основной заработной плате мужа или родителей»²). Единодушные, как мы можем видеть, трогательное. И смысл его состоит в том, чтобы «во всех отношениях» оправдать более низкое вознаграждение женщины за ее труд, оправдать повышенную эксплуатацию работниц. Нельзя, однако, не обратить внимания на то обстоятельство, что при буржуазных оценках женского труда как какого-то «второсортного» труда, а женской заработной платы как «добавочной» к мужской удельный вес женщин среди занятых рабочих странным образом может не уменьшаться, а, напротив, может увеличиваться как раз в те периоды, когда рабочая сила мужчин имеется в наибольшем избытке, в периоды, скажем, кризисов, в условиях застойной безработицы и пр. Этот убийственный факт как нельзя лучше обнаруживает и действительное отношение предпринимателя к женскому труду и цену обоснований более низкой оплаты этого труда. В Советском союзе действует принцип — «равная плата за равный труд». Оплата труда женщины производится на одинаковых основаниях и по одинаковым с мужчиной расценкам. Стоит просмотреть материалы наших профессиональных союзов, материалы статистики труда, чтобы увидеть, какие результаты она принесла, какое значение, в частности, для стимулирования дальнейшего роста квалификации работниц имеет одинаковая оплата труда женщин. Коренное различие условий вовлечения членов рабочей семьи в производительный труд при капитализме и в Советском союзе вызывает и совершенно различные последствия.

Говоря о капитализме, нельзя, конечно, не видеть того прогрессивного значения, которое имеет привлечение к производству женщин и подростков. Всякие принимаемые всерьез попытки «вернуть» женщин назад, к домашней работе, запретить им и подросткам промышленную работу являлись бы уто-

¹) Кучинский «Фабричный рабочий в американском хозяйстве», стр. 152. Гиз. 1930.

²) Зомбарт «Современный капитализм». Т. III. Ч. 1-я, стр. 473—474.

пическими и реакционными. Утопическими, так как они неосуществимы. Реакционными, ибо промышленная работа женщин и подростков разрушает старый, патриархальный жизненный строй, повышает самостоятельность женщин и молодежи, ускоряет их культурное и политическое развитие. Но это явление (привлечение членов рабочей семьи к производству) имеет при капитализме, как и сам этот строй, не простой и целостный характер, а двойственный, остропротиворечивый характер. Будучи в своей основе прогрессивным, втягивание женщин и подростков в производство является при капитализме вынужденным, вымученным голодом и нищетой. Когда жена и дети рабочего идут на фабрику, они попадают там в наиболее тяжелое положение. Вступление замужней женщины на путь наемного труда совершенно не освобождает ее от домашней работы, чем еще более отягчается ее положение.

В результате жены и дети рабочего подвергаются на фабрике мукам принудительного, самого неквалифицированного труда, развращаются и калечатся там, а семья не выбивается из нужды. Положение еще более осложняется неравномерным распределением труда между работоспособными членами семьи, работой до полного упадка сил одних при вынужденной праздности других. Под влиянием всех этих условий повышаются заболеваемость и смертность женщин, растет детская смертность, сокращается рождаемость, растет проституция, падает количество заключаемых браков, растут разводы, семья рабочего разрушается.

Противоречие это порождается самой основой капиталистического строя и ускоряет его неизбежную гибель. С этим противоречием кончает диктатура пролетариата. Привлечение женщин и подростков в производство при диктатуре пролетариата несет подъем и народному хозяйству и рабочей семье. Народному хозяйству оно открывает могучий источник новых сил для движения вперед обобществленного социалистического хозяйства. Рабочей семье оно несет (вместе с мероприятиями пролетарского государства в области бытового и культурного строительства) огромный рост заработной платы, получаемой семьей, рост благосостояния, более полного удовлетворения ее потребностей, культурный подъем всех ее членов, и взрослых и детей. Вместе с этим исчезает буржуазная форма брака, исчезает экономическая зависимость жены от мужа, изменяется положение не только жены, но и положение сына и дочери, в корне изменяется отношение к положению работницы и на производстве и в семье.

Оправдываются слова Маркса, что «в комбинированном рабочем персонале лица обоего пола и разнообразнейших возрастов, являющиеся зачумленным источником испорченности и рабства, пока оно выступает в своей грубой, непосредственно сложившейся капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, — что это же сочетание при соответствующих условиях должно, наоборот, превратиться в источник человеческого развития»¹⁾.

Это, конечно, не значит, что в области семейных отношений у нас все уже обстоит идеально. Кое-какие буржуазные пережитки еще дают себя знать. Они обнаруживаются и в отсутствии заботы родителей о своих детях, и в половой распущенности, и в отношении к женщине, и в ряде других отрицательных явлений, с которыми ведется непримиримая борьба. Но было бы действительной слепотой не видеть, как на основе успешной борьбы за социализм увеличивается в нашей стране продолжительность жизни, улучшается здоровье молодых поколений, растет рождаемость, растет благополучие семьи. При диктатуре пролетариата рабочий действительно обрел себе семью.

¹⁾ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 380—381.

Проблема культурного наследия*)

И. Луппол

I

Каждый общественный класс при выступлении своем на арену мировой истории неизбежно встречался с культурой, созданной в предшествующие эпохи, причем родимые пятна этой культуры явственно выдавали ее определенное социально-историческое происхождение. Создавая в процессе развития свою культуру — ибо в классовом обществе нет и не может быть культуры внеклассовой или надклассовой, — каждый класс тем самым изменял объем, содержание и характер общего культурного наследия, не делая его, однако, сплошным и единым по материалу массивом.

Культурное наследие, которым располагаем мы в наше время, обнаруживает ряд исторических классовых напластований. Уже по одному этому проблема нашего к нему отношения не может быть решена абстрактно догматическими приемами: она требует внимательного конкретно исторического рассмотрения. Только такое рассмотрение способно объяснить ряд имеющихся в общей массе культурного наследия погребенных пород, обвалов и новых образований; только при этом условии можно обнаружить редкие самоцветы и ценные самородки, заваленные «культурным слоем», который на языке археологов означает, как известно, отбросы и мусор от хозяйничанья не столь отдаленных поколений.

Само собой разумеется, в краткой статье это конкретно историческое рассмотрение можно представить только суммарно, путем показа лишь основных линий, вех и этапов отношения классов к культурному наследию. Чтобы не ходить далеко, мы ограничимся лишь двумя классами: буржуазией и пролетариатом, противоречие между которыми составляет основное классовое противоречие нашей эпохи.

Как класс, сознающий свои интересы и свои исторические пути, буржуазия выступила в ту знаменательную эпоху, которую немцы «по приключившемуся тогда с ними национальному несчастью» (Ф. Энгельс) называют реформацией, французы — ренессансом и итальянцы — чинквеченто. Под напором энергичных буржуа в здании европейского феодализма образовались первые и уже непоправимые трещины, сперва в Италии, вскоре затем в Англии и Голландии, несколько позже во Франции, наконец, в Германии и России.

Европа накопила к тому времени уже изрядное культурное наследие. Культура феодализма была не забытым «вчера», а цепким и весьма крепко сопротивлявшимся «сегодня». Она напоминала о себе на каждом шагу нередко величественными и великолепными храмами, впитавшими в

*) В сокращенном виде доложено на Международном конгрессе писателей в Париже в июне 1935 г.

себя всю творческую художественную энергию средневековых «малых сих», даже имена которых нередко оказывались преданными забвению. Она подавляла разум всей монастырской, схоластической премудростью, накопленной за сотни лет и заключенной в тяжеловесные инкунабулы. Она оглушала паству «божественными» хорами, устрашала смиренных овец адом, завлекала раем и обнадеживала чистилищем. Живопись, скульптура, музыка, архитектура да и все семь средневековых «свободных искусств» должны были отвратить взоры трудового человека от грешной земли, заставить его забыть о царстве земном и вознестись горе, к «царствию небесному».

Предназначенная для мирян литература питалась из того же источника. Полуфилософская книга «Сокровище», поэма «Образ мира», повести «Легенда об Алексее, человеке божьем» и «Рассказ о св. Колумбане» да и многие другие должны были доказать, что истина найдена и что она в руках у церкви. Эта «житийная литература» так же, как и бесчисленные «беседы души с телом», должны были убедить в бренности телесной оболочки, в суетности и нищете забот о ней и в необходимости спасения души. По меткому замечанию М. Горького, единственный положительный тип средневековой литературы — христос, «примиритель» и утешитель — призывал к тому же. Адрес спасителя так же, как и местонахождение всех спасительных средств, указывались точно: католическая церковь, эта единственная монополюс господствовавшая культурная организация вне конкуренции: *extra ecclesiam nulla salus*. Она сокрушала нечестивцев «суммами вероучителей», а наиболее закоренелых еретиков наставляла на путь истинный в застенках инквизиции и отправляла на тот свет «без пролития крови»: путем сожжения на кострах. Говоря о феодальной культуре, не следует забывать и этих ее «материальных предпосылок».

В сравнении с культурой церковников культура рыцарская была «невинной» и «благородной». Она выросла на том же феодальном древе и дала такие прекрасные и благоухающие цветы (красота и благоухание которых возрастают в глазах последующих поколений прямо пропорционально истекшему времени), как рыцарские добродетели: честь, оскорбление которой освящало убийство обидчика как в высокой степени благородный поступок; в е р н о с т ь, например верность жены мужу или невесты жениху (но отнюдь не наоборот), за нарушение которой женщина легко расплачивалась жизнью, а мужчина лишь украшался славой; х р а б р о с т ь, которая измерялась числом убийств и грабежей; великодушие, из сферы которого изымались лишь примерно девять десятых населения, и т. д. и т. п. Вокруг этих понятий, персонифицированных в образы, сдобренные довольно убогой и мало изобретательной фантастикой, вращалась рыцарская феодальная литература.

Состояние античного культурного наследия, которое застала на своей утренней заре буржуазия, было весьма плачевным. В глазах христианства античная культура была прежде всего языческой и уже по одному этому заслуживала всяческого искоренения. В конце IV века знаменитая Александрийская библиотека первая испытала на себе благосклонное отношение христиан, которые своим актом сожжения многих тысяч рукописей указали современным фашистам путь расправы с культурным наследием.

На протяжении многих столетий феодалы — церковные и светские — боролись с «пережитками язычества» так же, как и с высокой средневековой арабской культурой, воспринявшей ряд элементов античной науки. Но сила античной культуры была столь велика, что она просочилась и в средневековье. Католическая церковь поступила очень мудро, всячески подавляя ростки научной материалистической мысли античного мира — без-

божного Эпикура и все основанное на эпикурействе мировоззрение; она объявила Платона провозвестником христианства и приспособила к своим нуждам и потребностям великого Аристотеля.

Как отнеслась к этому наследству молодая буржуазия? С самого же начала она стала в оппозицию к феодальной культуре; чем дальше, тем больше эта оппозиция переходила в открытую и революционную борьбу. Истину мира буржуазия нашла не в божестве, а в самом мире, она отвратила свои взоры от небес, повернула их к земле, предпочитая синицу в руках журавлю в небе. Монопольному католицизму она противопоставила церковную реформу, связывая ее с национальными организациями и в самой свободе совести утверждая новое начало, начало конкуренции. Так появились «очищенные», рационализированные формы буржуазной религии, потомки рационалистических средневековых ересей.

Рамки феодального *orbis terrarum* распались; взоры буржуа, а вскоре и его руки простерлись далеко за пределы Средиземноморья; неизмеримо расширился географический и космографический кругозор. Мировоззрение, зажатое в тисках средневековой теологии, быстро приобрело характер невиданной дотоле и ничем не сдерживаемой натурфилософии, засверкало блесками материализма. Этика, потеряв религиозную опору, обнаружила всю свою относительность и оказала посильную помощь в «изгнании торжествующего зверя».

На место идеала средневековой культуры — человека-аскета, отшельника, святого, исчезавшего как личность в церковной «соборности», — был поставлен новый идеал — человек полной жизни, целиком земное, физическое существо, личность с ярко выраженными индивидуальными чертами.

Жизнерадостное мироощущение и свободомыслие не могли не сказаться и в искусстве и в литературе. Искусство освободило тело от одежд, облекло мадонн в человеческую плоть, заставило их улыбаться.

На полотнах и фресках живописцев, в мраморе скульпторов святые потеснились и уступили место языческим богам, полубогам и героям, а вслед за тем и реальным, земным существам, тем же буржуа, ремесленникам и даже крестьянам. От Рафаэля и Леонардо да Винчи к Микель-Анджело в Италии; от Брегеля мужицкого к Рубенсу и Ван-Дейку и дальше к Рембрандту и Терборху в Голландии и Фламандии; от Л. Кранаха к А. Дюреру в Германии тянется нить величайших и поныне служащих образцами мастеров искусства.

Литература уничтожающим, сатирическим смехом обрушилась на быт, нравы и самые святые устои феодального общества. «Последний поэт средневековья и первый поэт нового времени» — Данте — со своей «Комедией» уже сделал свое дело и отступил в историю. Сатира — едва ли не основной жанр литературы молодой буржуазии. Бокаччио с «Декамероном», Поджо Браччелини с «Фацетиями» в Италии, Раблэ с бессмертным «Гаргантюа», Деперье с «Новыми забавами» во Франции — отнюдь не вместилище эротики для буржуазных *esprits mal tournés* XX века. Их произведения — прежде всего острые социальные сатиры, имеющие определенную классовую направленность.

Буржуазное мышление XVI века еще очень конкретно, и бичуемые литературой пороки — менее всего «всечеловеческие» пороки, которые обличала церковь; они имеют совершенно точно указываемых физических, классовых носителей. Стяжательство, жадность, обжорство, разврат, ханжество — это пороки духовенства; напыщенность, чванство, амбициозность (вот она, рыцарская честь!), легкомыслие, коварство, измены (вот она, верность!), жестокость (прославленное великодушие!), взбалмошность, драчливость (рыцарская храбрость!) и беспросветная глупость — таковы в глазах буржуа качества дворянства. Та же литература покровительственно и с бла-

гожелательной улыбкой взирает на плутовство и даже пройдошничество ремесленников, инициативу и житейскую сметку купцов, обнаруживая тем самым новые представления о добродетелях и вообще положительных качествах.

Сатирическому жанру в литературе соответствует тонкая ирония и смешливый скептицизм в философии. От первых проблесков у Д. Бруно эта нить тянется через Монтэня к Гассенди, Бэйлю, Вольтеру, Дидро и, втягивая новые, опаздывающие со своим развитием страны, даже к «Бредням духовидца, подтвержденным бреднями метафизика» молодого Канта.

Отрицательное отношение молодой буржуазии к феодальному культурному наследству естественно и закономерно сочетается с положительным, почти энтузиастическим отношением к античному культурному наследству. Так выдерживает оно свое первое великое испытание через полторы — две тысячи лет после своего рождения.

Будучи языческой, эта культура не была христианской, больше того, она была антихристианской, и это говорило очень много восставшему против средневековья буржуа. «В спасенных при гибели Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность: перед светлыми образами ее исчезали призраки средневековья» (Ф. Энгельс). Как известно, все искусство эпохи молодости буржуазии как класса развивалось под знаком возрождения искусства античного. Само собой разумеется, возрожденная античность уже не была и не могла быть исторической античностью, но именно она вдохновляла искусство молодой буржуазии.

Ближайшие столетия, XVII и XVIII, внесли мало нового в отношения буржуазии к культурному наследству. Дойдя до ярко выраженного материализма и атеизма лишь во Франции накануне своей великой революции, буржуазия во всех тех странах, где она еще боролась с феодалами за власть, естественно, сохраняла и свои отрицательные позиции в отношении феодальной культуры, как церковной, так и светской. «Тартюф» и «Дон-Жуан» Мольера, «Монахиня» Дидро, на свой образец «Натан мудрый» Лессинга, «Разбойники» и «Дон-Карлос» Шиллера, «Венецианские эпиграммы» Гете — лишь немногие примеры такого отношения, сочетающегося со все тем же жизнерадостным свободомыслием.

Отношение же к античной культуре, оставаясь все таким же в принципе, входит в новую фазу. Первые, в известном смысле непосредственные, ощущения возрожденной античности уже пришли, и античная культура ассимилируется буржуазией, начиная играть подсобную, служебную роль.

Вместо маяка мастерства она превращается в объект подражательства, в прописи, по которым учатся писать красиво и величественно; но историю не проведешь, и вместо «Илиады» из-под пера Вольтера выходит лишь «Генриада». Общественное разделение труда зашло уже слишком далеко, и исчезли те социальные условия, то «нормальное детство» человечества, которое питало подлинно художественный эпос.

Из богатейшего арсенала античной культуры буржуазия черпает образы и понятия, желая этим скрыть свою ограниченность и возвеличить таким образом самое себя; из различных областей античной культуры она извлекает свои идеалы и стремится создать таким образом иллюзии вечности провозглашаемых ею — классовых и преходящих по своей природе — истин.

Так, выдвигая против церкви идею веротерпимости, она воскрешает — неизбежно в одеждах XVIII века — образ Велизария (Мармонтель); выступая против феодалов с идеями свободы и равенства, она призывает, смотря по обстоятельствам, то к счастливой Спарте, то к афинской демократии,

то к республиканскому Риму. Борясь против тирании, т. е. против абсолютистско-крепостнического государства, она вызывает в воображении читателя образ Брута (Вольтер).

Мелкая буржуазия идет еще дальше: устами своего апостола Ж.-Ж. Руссо она приглашает вернуться к первобытной культуре, а по существу выступает вообще против культуры. Уже испытывая все прелести капиталистической конкуренции, попадая под первые колеса этой новой джиггернаутовой колесницы, она предпочитает всем прелестям культуры «золотой век» человечества, чуждое всякому развитию, идиллически блаженное и, конечно, утопическое состояние.

Руссоизм — первая попытка испуганного мелкого буржуа нигилистически решить проблему культурного наследства и, как парадоксальный лозунг «освоения» первобытной культуры, попытка глубоко реакционная. При всем политическом революционаризме Руссо, при всех lamentациях его Эмиля решение им проблемы воздействия наук и искусств на нравы, неотделимое от его экономических концепций и пиетистско-религиозных взглядов, играет на руку реакции. И не зря Маркс определял «мелкобуржуазный социализм» как реакционную утопию.

На подступах к социальной революции, которая должна конституировать буржуазию как господствующий класс, она поднимается до вершин отмеренного ей в истории творчества. Она создает свою собственную литературу и искусство. Сперва это сентиментальный панегирик тихим, семейным добродетелям, вызывающим у читателей слезы умиления; она прославляет «чадолюбивых отцов», призывает милость к «побочным сыновьям» (Дидро), морализует на тему о «плодах хорошего воспитания», о «горячо любимой матери» (Грез). Домашний уют, сытая жизнь, благополучие, мелкие невинные страсти уже были однажды запечатлены голландской буржуазией на полотнах П. Де-Хоха, Ж. Терборха, Остаде, теперь их воспроизводят Грез и Шарден, затем они появятся, все более и более обнаруживая свою филистерскую природу, у Ходовецкого и даже у Гете в «Германе и Доротее».

Наконец, высший взлет — политически насыщенное искусство, гражданский пафос и революционная романтика в живописи, в театре, в литературе, и волна начинает быстро спадать.

II

После своей победы, сделавшись господствующим классом в капиталистическом обществе, буржуазия быстро возвращается к идеализму, теряя свои материалистические и атеистические одежды, забывая о своих вольнолюбивых мыслях. Никогда не признавая развития культуры как необходимого роста всей массы человечества (А. М. Горький), буржуазия на другой день после победы входит во вкус своего господства и останавливает трудовые массы у порога культуры горадиевским окриком: «Procul, o, Procul este profani!»

Французская и английская буржуазия в последующем не идет дальше межеумочного позитивизма и с восторгом подхватывает лозунг «обогащайтесь»; «немецкий бюргер лишь в молодости мечтает о свободе» (К. Маркс).

Отсюда, конечно, не следует, что, придя к власти, буржуазия моментально растеряла все свои творческие ресурсы. В ближайшие десятилетия она создала еще много великого, но, во-первых, изменилось ее отношение к культурному наследию, во-вторых, изменились характер и направление ее творчества и, в-третьих, она вызвала к жизни в культурной области те силы, которым суждено было стать впоследствии ее могильщиками и которые

являются важнейшим фактором в современной постановке проблемы культурного наследства.

Феодальная культура утратила теперь в глазах буржуазии свои оттачивающие черты. Став у власти или только приобщившись к ней в некоторых странах, буржуа подал церкви руку и быстро стал забывать свое героическое прошлое: волей или неволей он теперь утверждал преемственность и связь феодальной и капиталистической культур. Латая прорехи на платье парвеню, буржуа предпочитал заплаты из феодального бархата. В одежде романтизма тридцатых годов можно различить ткани, не только сотканные в поместьях феодалов, но и купленные на капиталистической фабрике.

Культура античная, вспыхнув в последний раз всем блеском и мощью ампира, была сдана на вечное пользование и владение ученым—академикам, педантичным профессорам, казенным учителям—и вошла вместе с «законом божьим» в необходимый ассортимент школьных знаний всякого благовоспитанного юноши, преимущественно из щедринских «мальчиков в штанах». В повседневном же обиходе взрослых античнообразный ампир уступил место филистерскому, эклектическому бидермайеру.

О культуре доклассовой, о мощном народном творчестве, о мастерстве народной словесности в подлинном смысле этого слова в приличных домах и литературных салонах ничего не было известно. Этим занимались, между прочим, наряду с антропологией и этнографией, в закрытых музеях и архивах немногочисленные, в глазах «общества» — чудаки, среди которых были такие ученые, как Баховен и Морган.

Однако в этот период буржуазия не утратила еще реального чувства жизни. Творчество лучших ее писателей этой поры глубоко и художественно реалистично, но как изменились характер и направление самого творчества! Некогда гордый индивидуум, восставший против «соборности» церковной и безличности рыцарской литературы, ныне обнаружил свою несостоятельность и банкротство. Вытесняя твердый, догматически убежденный рассудок, вступает в свои права размягчающая его рефлексия.

Литература—и притом в лучших своих образцах—обретает нового героя—«лишнего человека»; она мастерски смакует этот тип, до деталей разрабатывает отдельные его разновидности: от полузагадочного, почти демонического байроновского героя—«а он, мятежный, ищет бури, как будто в буре есть покой»—до безвольного резонера, прекраснородушного, но мягкотелого интеллигента, с одной стороны, и пройдохи в высшей потенции и с зловещим оттенком,—с другой. «Лишний человек» срединной поры господства буржуазии вытесняет плута и пройдоху Фигаро (который, по крайней мере, знал, чего хотел), для того чтобы несколько позже уступить свое место уже вовсе бездейному великодушному вору Арсену Люпену или стоящему на страже господствующего класса Шерлоку Холмсу, и, пожалуй, лучшим продуктом разложения классического буржуазного реализма оказывается—хотя уже несколько эпигонствующий, но все-таки еще придерживающийся позитивизма—«научно-экспериментальный» натурализм Золя.

Ведущие по своему значению литературные шедевры этой поры уже не утверждают прав буржуа на историческое бытие, нет, это произведения, которые критикуют самого буржуа и весь порожденный им строй. Каковы бы ни были личные намерения и социальные симпатии Бальзака и Флобера, в этом их критическом реализме—сила их творчества и тайна их величия. Они сумели художественно настолько адекватно отразить современную им действительность, что вскрыли ее непримиримые противоречия, противоречия, по существу, свойственные классовому обществу.

Власть буржуа не принесла ему удовлетворения, и плоть от плоти его—буржуазная интеллигенция—много потрудились над тем, чтобы солью посы-

пять его язвы, раз'едающим ядом самоанализа отравить его существование, уже не столь спокойное с первых же шагов деятельности рабочего класса.

Критический реализм и есть то наиболее ценное и лучшее, что было создано и могло быть создано в ту эпоху, пока буржуазия еще не стала социально совершенно паразитическим классом.

В эпоху же империализма загнивающая буржуазия в лице своей умственно обнищавшей интеллигенции уже не создает больше никаких новых культурных ценностей ни в искусстве, ни в литературе. Больше того, она теряет связь со своим революционным прошлым, теряя вместе с тем и право на великое культурное наследство.

В области философии влиятельное неокантианство, сохранившее еще в 60—90-х годах прошлого века значение либерального направления с выходом к этическому социализму, окончательно порывает с «вещью в себе» и переходит к открыто субъективно-идеалистическим позициям. На этих же теоретически реакционных позициях закрепляется и новейшая разновидность «позитивизма» с его наукообразной аргументацией—эмпириокритицизм Маха и Авенариуса. Строившая некогда пускай рационалистические и антиисторические, но революционные теории, буржуазия ныне вовсе отказывается от понятия причинности и закономерности или толкует их в махрово-идеалистическом свете. Вместо каузального метода рассмотрения явления и процессов она выдвигает методы чистого описания либо субъективных оценок, что означает уже полный отказ от теоретического мышления.

Мышление как таковое, мышление в категориях для нее слишком отдаст рационализмом, а этот последний ассоциируется с революционным по своему значению просветительством XVIII века; поэтому буржуазия ныне предпочитает ему «бессознательное», или алогические формы сознания, или реакционные формы иррационализма вообще. При этом, выросший на католической почве, интуитивизм Бергсона обнаруживает трогательную близость с вышедшим из школы Вл. Соловьева ортодоксально-православным интуитивизмом Н. Лосского, и оба неисповедимыми путями сближаются с проповедью замены интеллекта чувством, идущей от германских фашистских «теоретиков».

«Освободите от интеллекта!»—этот вопль несется и из рядов немецких экспрессионистов и из группы французских сюрреалистов. Некогда феодальная католическая церковь «освобождала» людей от интеллекта, ибо при свете его абсурдными представлялись религиозные догматы. В то время разум насильственно «согласовывали» с верой: «Credo quia absurdum est»,—говорил еще в III веке Тертуллиан; «Credo ut intelligam»,—развивал ту же мысль в XI столетии Ансельм Кентерберийский. Ныне буржуазные «мастера культуры» сами освобождают себя от непосильного для них гнета разума, ибо при его свете совершенно ясным становится тот тупик, в который завел культуру капитализм.

«Освобождение» от интеллекта внедряется все больше и больше в литературу, означая здесь полную безыдейность. Марсель Пруст и Джемс Джойс уже совершенно утратили остатки социальных устремлений, и Селин, окончательно раз'еденный рефлексией, своим героем «Путешествия на край ночи» блестяще доказывает русскую пословицу, согласно которой «рыба гниет с головы».

Не мудрено, что при таком положении судьба культурного наследства претерпевает существенную эволюцию. Накопленные самой буржуазией в эпоху ее политического и культурного под'ема ценности оказываются не по плечу эпигонам. Метко брошенное еще в конце XIX века слово «декаданс» прекрасно передает весь ее стиль, все отношение к ее же собственным ше-

деврам. Ныне они выступают лишь как точка отсчета при измерении глубины падения её культуры.

Зато радикально изменяется отношение буржуазии к феодальной культуре. В эпоху реакции, после Великой французской революции, тщетно трудились над возрождением средневековья Луи Бональд и Жозеф де Местр. Реминисценциями о восстановлении средневекового строя думали они пресечь победное шествие молодого капитализма. Тогда в их аристократических устах была естественна эта теория «феодального социализма». Но, как известно, народ быстро заметил «на аристократической спине феодальные гербы и стал разбегаться с громким и непочтительным смехом» (К. Маркс).

Ныне фашиствующая паразитическая буржуазия, смешавшись с дворянским охвостьем, пытается выступить с новым изданием этого «феодального социализма». Все смешались в общем кличе: «Назад, к средневековью!» Демашинизация в технике и демагогическая агитация за «корпоративность» в экономике, лицемерная идеализация средневековой сословной общины и ханжеская проповедь «культуры» сердца или чувства против культуры разума; антихристианин Ницше, в заблуждении принимавший христианство за религию равенства, со своими принципами расизма и аристократического иерархизма и православный ортодокс Бердяев с мистическими «доказательствами» идеальности средневекового строя; расистская биология и фальсифицированная история — все идет на потребу обращения человека вспять, к феодальной культуре. Мы присутствуем при своеобразном возрождении средневековья. Можно было бы обратить слова Энгельса, сказанные им о возрождении античности: перед изумленным Западом предстал старый мир — новое средневековье; перед призраками его исчезают светлые образы нового времени.

Некогда возрождение античной культуры означало забвение культуры феодальной; ныне возрождение средневековой, феодальной культуры означает забвение культуры античной. Современная буржуазия просто утратила чувство подлинного античного искусства и литературы; потеряно эстетическое чутье, как будто деформированы соответственные органы; утрачено ощущение пропорций; стиль *Sachlichkeit* в архитектуре, живопись последних экспрессионистов, проза М. Пруста и Джемс Джойса, поэзия некоторых сюрреалистов — достаточное и очевидное этому доказательство.

Фашизм в Италии пытается культивировать неоклассицизм, элементы этих процессов наблюдаются и в Польше. Но если в конце XVIII века античные образы Римской республики еще поднимали на котурны революции буржуазных деятелей, то фашиствующие неоклассики в своем желании подвести классическую базу под открыто террористическую диктатуру буржуазии, ориентируясь на императорский Рим, способны дать лишь полотна, которые выглядят как карикатуры на античное искусство.

III

Таковы господствующие идеи и настроения современного капиталистического общества — идеи и настроения господствующего в нем класса. Но, конечно, капиталистический мир не является миром единым, целостным. И даже в буржуазном его секторе можно проследить несколько направлений, теоретически намечающих различные пути отношения и использования культурного наследия прошлых эпох.

Тысячи представителей современной буржуазной науки и культуры просто не ставят перед собой вопроса об отношении к наследству — это вечные ученики, традиционалисты *bona fide*, всю жизнь твердящие зады старой культуры без всякого разбора, ее идолопоклонники, немножко оригина-

налы, в гораздо большей степени эклектики и уж во всяком случае эпигоны божьей милостью.

Беспринципность — основной их принцип, безыдейность — основная идея. Гордые сознанием, что они поддерживают на своих плечах двухтысячелетнюю культуру, эти хилые атланты в каждый момент готовы извлечь из прошлой культуры как из некоей шкатулки все то, что им будет приказано. Вчера они строили виллы в духе ренессанса и ратуши в стиле барокко, сегодня они возводят церкви из железобетона и стекла, но уж, конечно, в готическом стиле.

Но, поскольку основная линия дана и поскольку все взоры их устремляются только в прошлое, происходит великая фальсификация истории культуры, которую они безжалостно уродуют на прокрустовом ложе кругозора современного буржуа. Поэтому вся история философии превращается исключительно в историю идеализма. Великаны мысли древнего и нового мира превращаются в идиотических карликов: Аристотель становится автором учебника формальной логики для школьного употребления, Спиноза — благочестивым проповедником божественного глагола, Томас Мор — католическим святым, Фихте — узким шовинистическим националистом, Гегель — пруссаком и выразителем идеи богочеловека. В каждом классике мысли подчеркиваются и универсализируются как раз ретроградные, ограниченные эпохой черты. Kant-chocolade и Leibnitz keks становятся популярными проводниками усвоения философского наследства.

Та же деформация и в области истории литературы. Вольтер тщетно дожидается у себя на родине больше 50 лет академического издания собрания сочинений; юбилей Дидро проходит в глубоком молчании; та же участь забвения ожидает Лессинга; памятник Гейне разрушается; из Гете делают узкого и одностороннего филистера и точно подсчитывают, сколько еще лет осталось блуждать по миру «фаустовской душе»; Достоевский эпохи «Бесов» и Лесков эпохи «Некуда» и «На ножках» грозят задушить всю русскую литературу.

В непосредственном литературно-художественном творчестве веселые, жизнерадостные и несколько грубоватые плуты и пройдохи: Санчо-Пансо, Сганарели, шекспировские шуты и Фигаро — деформируются в утонченных и неврастенических, но зато цивилизованных «воров-джентльменов» с их неизменными спутниками и обязательно тонкими психологами — сыщиками. Другой путь их деформации — превращение в мелких мошенников, для которых дорогу к великим авантюрам открывает всего-навсего «хорошо сшитый фрак». Метафизика семейных добродетелей и маленьких страстей сентиментальных буржуа XVIII века разрастается в XX веке в философию универсального алькова и всеобщего адюльтера. Физическое жизнеощущение «Декамерона» вырождается в прямую порнографию.

Если таково в наши дни использование культурного наследства тысячами «культуртрегеров», то сотни «мастеров» вообще знать ничего не желают о каком-то там культурном наследстве. Внешне все выглядит у них крайне революционно. Они не намерены идти на выучку ко вчерашнему дню именно потому, что это вчерашний день, все же их помыслы устремлены в будущее: они «футуристы». Вчерашний день — это деревня, а «идиотизму деревенской жизни» — ведь об этом говорил даже Маркс! — они противопоставляют город будущего: они «урбанисты». Мир архаичен, он погряз в традициях старины, они же призывают к новому миру, изобретают новые формы жизни: они «новаторы». Реальная проза жизни сера и скучна, ритмы ее рассудочно подсчитаны, рационально измерены, бухгалтерски проанализированы, они же хотят подняться над этой скучной и скудной рассудочной реальностью: они «сюрреалисты»; замкнутость, сосредоточенность в себе

они хотят преодолеть экспрессией своего я, его творческой экспансией: они «экспрессионисты». А потому — долой все старое, все вчерашнее и даже сегодняшнее. Никакой культурной преемственности, никакой культуры вообще — да здравствует примитивизм, да здравствует детское «да-да»! — а что свыше этого, — то от лукавого: они «примитивисты» и «дадаисты». Все они, разбившись на отдельные группы, причем каждая группа вполне уместится на одном диване, будут как пауки ткать сами из себя нити будущей культуры.

Горе тому, кто попадет в такую паутину, но, к счастью, это только паутина, и сильному мыслью и чувством истинных ритмов социальной жизни не так уж трудно выбраться из нее.

Этот культурный нигилизм — не субъективная игра ума, не культурно-исторический анекдот. Все разновидности такого отрицательного отношения к культурному наследию закономерны и понятны в загнивающем капиталистическом обществе. Неудовлетворенность господствующей буржуазной культурой вызывает бурный, подчас прямо бунтарский протест.

Однако протестующий буржуа, взбесившийся от миазмов капиталистической культуры мелкий буржуа неспособны уже стать «героями нашего времени». Исторической мерой для их положительной деятельности отмерена была иная эпоха; эта эпоха к нашим дням, поистине, отошла уже в прошлое. Не перейдя в лагерь пролетариата, нельзя в наше время быть революционером даже при самых благих субъективных намерениях. Поэтому, поскольку буржуазные и мелкобуржуазные «новаторы» оставались на почве капиталистического способа производства, капиталистических принципов построения общества и государства, а следовательно, и на почве буржуазной культуры, они самое большее могли дойти лишь до позиций мешанского анархизма, но исход мешанского анархизма уже был предсказан историей в судьбе одного из первых «ниспровергателей» культуры — «единственного» Макса Штирнера.

А именно так обстояло дело с большинством буржуазных и мелкобуржуазных «новаторов» и «ниспровергателей». Как правило, они начинали с «революции» в области «формы», забывая о таком пустяке, как «содержание». Об этом говорил еще Г. Плеханов: «Литературный упадок всегда выражается, между прочим, в том, что формой начинают дорожить гораздо больше чем содержанием. Но содержание так тесно связано с формой, что пренебрежение к нему быстро влечет за собой сначала утрату красоты, а потом и полное уродство формы». Примеры такого анти-эстетического уродования формы в достаточном количестве дали футуризм в литературе и кубизм в живописи.

Не порывая с капитализмом и изнутри его силясь бороться с капиталистической культурой, футуристы уподоблялись Дон-Кихоту в его сражении с ветряными мельницами, и не мудрено, что, изрядно потрепанные, они через некоторое время возвращались «аки пес на свою блевотину». Конец главы итальянского футуризма, Маринетти, ныне упокоившегося в лоне фашизма и увенчанного лаврами академика, блестяще подтверждает этот закон.

Русский футуризм выглядел едва ли не наиболее революционно из всех футуристических отрядов: он пытался увязать новаторство в области формы с радикализмом в области социального содержания. От первых лет его движения сохранились стихи:

«Что Данте
С его адом!
Тут поперхнется и лира,
Душу, человеческую душу

Не угодно ли вам,
Завязанную бантом
На воротничке у банкира!»

Но и из русских поэтов-футуристов только те, несомненно, войдут в культурное наследство и увеличат творчеством своим общую сокровищницу культуры, кто сумел совлечь с себя ветхого Адама и влиться в революционные рабочие ряды, и прежде всего, конечно, Маяковский. Так и из рядов французского сюрреализма мужественно вырвался Л. Арагон, телом и душой, общественной деятельностью и творчеством перешедший в подлинно революционные ряды рабочего класса. Это — указание пути для всех истинных революционеров духа и мысли.

Без учета же социального содержания творчества, подлинной в нем классово пролетарской новизны, «футуризм» вырождается — и на своей родине уже выродился — в одну из подпорок фашизма; «урбанизм» не идет дальше поэтического обоснования убогого и безрадостного, коробкообразного городского строительства, оставляющего капиталистическую деревню во всем ее идиотизме; «новаторство» выглядит как трюкачество; «сюрреализм» и «экспрессионизм», быть может, сами того не сознавая, играют на руку самым реакционным проявлениям алогического мышления и интуитивистского сознания; «дадаизм» и «примитивизм», из мертвой хватки сверхурбанистической культуры кидаясь в объятия культуры первобытной, лишь щекочут нервы сытой буржуазии экстравагантностями экзотики, отнюдь ее этим уже больше не пугая и не эпатируя. Такая «отмена» ценностей старой культуры, отмена ее в «литературных манифестах» и в литературных кафе, само собой разумеется, ей нестрашна и на ее истории ничуть не отражается.

Среди этих тысяч идолопоклонников старой культуры и сотен «маэстро», пытающихся обойтись без нее, есть в современной культурной действительности небольшой отряд современных гуманистов, возрождающих лучшие традиции прошлого. Они являются прекрасными знатоками и ценителями прошлой культуры, истинно владеющими ключами к ней; они отвергают дешовые трюки литературного упадочничества; они не предаются содержанию в жертву форме и гармонически сочетают разум и чувство. Среди гниения старого общества, растерянности у одних и безысходности у других они сохранили веру и любовь к человечеству, не утратили на него надежд: они гуманисты и филантропы. Они понимают, какую угрозу для человечества составляют войны, это организованное избиение людей, и, верные старому девизу «Когда бряцают оружием, музы молчат», они настроены против войны: они пацифисты и антимилитаристы. Будучи сынами своих наций, они не терпят узко националистических шор, и, исповедуя всемирность культуры, они являются новейшими космополитами. К женщине они питают великое уважение и всем своим искусством защищают ее равные с мужчиной права: они феминисты. Социально чуткие, они видят, откуда идет угроза трудовым массам, всему человечеству, всей культуре, и они протестуют: вчера — против убийств и концентрационных лагерей в Германии, сегодня — против расстрелов рабочих в Австрии и Испании, всегда и везде — против разгула фашистов: они подлинные а н т и ф а ш и с т ы.

Мировой пролетариат ценит и уважает этот отряд мастеров культуры. Восставая против старого, капиталистического мира, приступая к его революционной перестройке, он с дружеским вниманием и с товарищеским участием протягивает руку этим борцам за человечество и культуру. Но он не может не сказать им следующее:

Вы любите человечество, вы истинные гуманисты и филантропы. Но человечество не едино: классовая борьба раздирает его, и эту классовую борьбу не могут примирить никакие сладчайшие звуки современных сирен. В классовом обществе нельзя любить человека надклассово, «человека вообще», это невозможно: это приводит к «непротивлению злу» Л. Толстого, к одной из обаятельных сирен, которая своей проповедью усыпляла классовое чувство пролетариата. Вы любите человечество и в том числе пролетариат как более других страдающий класс, но для вас, подобно тому как это было и для великих утопических социалистов прошлого, «только в этом качестве более других страдающего класса и существует для вас пролетариат» (К. Маркс). Мы вместе с вами за гуманизм, но мы за великий пролетарский гуманизм; мы вместе с вами за человеколюбие, но за ту пролетарскую любовь к человеку труда, которой нас учили и учат Маркс, Ленин, Сталин.

Вы ненавидите войну и ее приготовления — милитаризм; вы истинные пацифисты и антимилитаристы. Но, чтобы сделать ваше прекраснородушное миролюбие хоть сколько-нибудь эффективным, нужно уточнить понятие войны, нужно бороться не только с войной, но и с источниками, ее порождающими и ее питающими. Современная война — родная дочь капитализма и его последыша — империализма. Для того чтобы никогда впредь не было войн, нужно вспомнить старый, но еще полностью сохраняющий свою силу лозунг: «Мир хижинам, война дворцам!» Для того чтобы раз навсегда покончить с войной, нужно осуществить лозунг Ленина «Долой войну империалистическую, да здравствует война гражданская!» Мы тоже противники войны, но мы понимаем, что лишь осуществление этих лозунгов способно прекратить современные войны; мы тоже за антимилитаризм, но за антимилитаризм, направленный против истинных очагов войны.

Вы боретесь против зоологического национализма, против угара расистских теорий, за мировую дружбу и всемирную культуру, но нужно видеть зараженные звериным шовинизмом очаги, нужно предварительно уничтожить его микробы, не поддающиеся хотя бы нейтрализации. Мы тоже за мировую дружбу и всемирную культуру, но мы прежде всего за международную солидарность рабочего класса, за пролетарский интернационализм, за культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Вы боретесь за уважение к женщине, за ее социальные и политические права. Но, чтобы эмансипация женщины не осталась вечно неразрешимой проблемой феминизма, нужно понять, что эта эмансипация невозможна вне освобождения рабочего класса; нужно подчинить этот вопрос вопросу об истинном освобождении пролетариата, которое дается лишь в пролетарской диктатуре, и тогда вечный «женский вопрос» разрешится сам собой, как уже давно разрешен в СССР. Мы тоже за освобождение женщины, но за освобождение трудящейся женщины наравне и одновременно с ее отцом, мужем, братом, сыном.

Вы ненавидите фашизм и понимаете, что он несет с собой и уже принес гибель всей культуре. Но фашизм устоит и против созерцательного осуждения и против словесных протестов. Некоторые из вас уже переходят «от сопротивления по совести к массовому действию»; это — начало верного пути, и на этом пути пролетариат обещает вам свою железную помощь. Но нужно понять, что фашизм есть открыто террористическая диктатура современной буржуазии, что ей противостоит и может противостоять лишь диктатура пролетариата, и сделать отсюда все выводы. И первый вывод должен быть таков: нужно принять руку, протягиваемую вам революционным рабочим классом, нужно влиться в его ряды и вместе с ним, рука

об руку и плечом к плечу, драться за новый общественный строй, за сохранение всего ценного, что было в старой культуре, и за культуру новую.

IV

Буржуазия потеряла право на культурное наследство: она оказалась недостойной его. Единственным его наследником по праву истории является творец новой культуры — рабочий класс.

Рабочий класс — могильщик капиталистического общества. Еще в 1847 году было сказано: «Коммунистическая революция — это самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого имущественными отношениями; не удивительно, что в ходе ее развития совершается самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого идеями» (К. Маркс «Коммунистический манифест»). Но этот разрыв с идеей и системой частной собственности на средства и орудия производства, разрыв с идеей и системой эксплуатации человека человеком, ничего общего не имеет с мелкобуржуазно-анархическим нигилизмом по вопросу об отношении к накопленной культуре прошлого и настоящего времени.

Пролетариат выступает против эпигонствующего идолопоклонства культуры, но он решительно возражает и против огульного ее охаивания. Современный рабочий класс — не «голый человек на голый земле», и сама революционная теория пролетариата — марксизм — питалась, как известно, лучшим из того, что было в трех ее источниках: английской политической экономии, классической немецкой философии и французском социализме. Ленин и Сталин обогатили эту теорию, и не случайно говорили товарищи Сталин еще об американской деловитости и русском революционном размахе.

Для пролетариата вопрос о культуре — вопрос политический. В капиталистическом обществе его, законного преемника лучшего, что есть в человеческой культуре, к культуре не подпускают. Чтобы добраться до нее, он должен взять государственную власть в свои руки, конституировать себя как господствующий класс. Завоевание им государственной власти в процессе пролетарской социалистической революции есть для него и завоевание права на культуру. Ленин писал, что произведения Льва Толстого «всегда будут ценными и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув гнет помещиков и капиталистов».

«Друзья народа», русские эсеры и «тоже-марксисты», русские меньшевики, говорили о том, что для создания социализма требуется уже цивилизованность, для революции необходима уже культура рабочего класса, иначе-де все может погибнуть и «некультурный пролетариат» не справится со своей же собственной властью. Но Ленин отвечал им единственно правильно и мудро: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (В. Ленин «О нашей революции»). Изгнание помещиков и капиталистов и было для российского рабочего класса завоеванием предпосылок культуры, единственно правильным теоретическим и практическим решением этой проблемы.

В результате социалистической революции государственная власть переходит в руки рабочего класса, но культура и на другой день после революции остается той же, что была и накануне. Начинать строить новое общество, а стало быть и новую культуру приходится из тех кирпичей, которые были в старом обществе. «Без наследия капиталистической культуры, — говорит Ленин, — нам социализм не построить. Не из чего стро-

ить коммунизм, как из того, что нам оставил капитализм» (отчет ЦК VIII съезду РКП). «Нужно взять культуру, которую капитализм оставил, — говорит он в другом месте, — и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем».

Некоторые «чистоплюи» не желают знать ничего, что «запятнано буржуазным происхождением». Они поступают по принципу «Что может быть доброго из Назарета!» Такой взгляд является антиисторической, метафизической, антипролетарской точкой зрения. Он перекликается с мелкобуржуазным революционаризмом и должен быть преодолен. В том или ином виде он выдвигался в СССР в первые годы революции «Пролеткультом», в котором работали многие последователи разновидности философии Маха — эмпириомонизма А. Богданова, а также «Леф'ом», сосредоточившим в себе некоторых бывших футуристов; специально в живописи эта точка зрения с некоторыми нюансами защищалась В. Кандинским, впоследствии теоретиком немецкого экспрессионизма.

Рабочий класс быстро раскусил псевдореволюционные позиции этих групп и устами Ленина дал им надлежащую квалификацию. Их теории были теориями «выходцев из буржуазной интеллигенции, которые сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривали, как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии и в области культуры»; в их теории и практике «самое новейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное» (Ленин «Речь на I всероссийском съезде по внешкольному образованию»).

Старая культура необходима пролетариату не для того, чтобы сохранить ее в неприкосновенности или рабски преклониться перед ней; в ней есть много участков, пораженных тяжелыми и притом заразными болезнями. Кроме того, как известно, «в карете прошлого далеко не уедешь». Старая культура необходима для построения культуры новой, пролетарской, социалистической. Но и для этого всемирноисторического дела, посильного лишь пролетариату, необходимо знание культуры прошлых эпох, культуры буржуазного общества и даже обществ, ему предшествовавших. Об этом неуклонно напоминал Ленин: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (В. Ленин «Задачи союзов молодежи»). Таким образом, генезис пролетарской культуры прослеживается далеко в глубь веков, и свою культурную нить рабочий класс ведет от феодальной эпохи через эпоху абсолютистских бюрократических государств к эпохе капитализма. «Все эти пути и дорожки, — продолжал Ленин, — подводили и продолжают подводить к пролетарской культуре».

В общей культурной сокровищнице едва ли не ведущая роль принадлежит литературе, и поэтому позволено будет сосредоточиться в дальнейшем именно на литературном наследстве, тем более что рабочий класс с особым вниманием останавливает на нем свои взоры.

Велико познавательное значение художественной литературы. Для познания прошлого, причем не только единичных явлений, но и общих черт, быта, нравов, настроений длительных эпох, литература является прекрасным зеркалом. По выражению М. Горького, «она доказывает о человеке то, что я не вижу, не знаю о нем». Все великие писатели капиталистической культуры художественно отражали действительность, в художественной форме вскрывали неразрешимые при капитализме противоречия. Л. Толстого Ленин называл «зеркалом русской революции». «Толстой велик, — писал он, — как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, вредных, как целое, выражает как раз особенности нашей революции (1905 г.), как крестьянской буржуазной революции» (Ленин «Лев Толстой, как зеркало русской революции»).

Роль литературы в общем культурном наследстве увеличивается еще и потому, что она является могучим средством воздействия на мысль и чувства читателя, на его разум и волю. В этом громадное культурно-воспитательное значение литературы.

Само собой разумеется, велико эстетическое значение классического литературного наследства. В этом отношении овладение им необходимо как читательской массе, так и самим писателям. Большие мастера литературы умели не только наблюдать, но и творчески перерабатывая свои наблюдения, выражать их обогащенными содержанием и в совершенной форме, с занимательной фабулой и на мастерском языке. В этом смысл усвоения новыми поколениями старого литературного наследства.

Но, говоря о необходимости знания его, о необходимости учиться у классиков, Ленин никогда не призывал к эпигонству, к подражательству, к школьному и вечному ученичеству. Речь идет о критическом освоении культурного наследства и о переработке его с точки зрения революционного рабочего класса, речь идет о наследовании лучшего и ценного из того, что создано мастерами культуры. Рабочий класс состоит не из «Иванов, не помнящих родства», но и не из нищих, для которых «всякое даяние — благо».

Поэтому освоение культурного наследства не есть пассивный процесс впитывания рабочим классом всего, что сваливается на его плечи. Напротив, это есть активный, тоже творческий процесс, предполагающий известный отсев, известную расчистку всего культурного слоя, накопленного человечеством, в целях сохранения лучшего и наиболее ценного, между прочим, и в интересах самого культурного наследства, дабы оно могло поистине засверкать своими неувядающими цветами, в целях, далее, поднятия его на высшую ступень.

Обращаясь к молодым писателям, М. Горький говорит, что «учиться — не значит подражать в чем-то, а значит осваивать приемы мастерства. Овладеть приемом работы вовсе не значит укрепить его за собою на всю жизнь: только начини работать — и работа сама станет учить тебя, это знает каждый рабочий. Если бы учение сводилось только к подражанию, у нас не было бы ни науки, ни техники, да и литература не достигла бы того совершенства, которое обязательно для молодых писателей» (Горький «О литературе»).

В процессе такого критического освоения старой культуры не может не встать вопрос о критериях отбора, ибо этот отбор, этот великий суд пролетариата над живыми и мертвыми, не может руководствоваться случайными, чисто субъективными вкусами и настроениями. В истории мировой литературы известно большое количество гениальных произведений, кото-

рые отражают в себе идеологию классов, господствовавших еще в средние века («Комедия» Данте) или подвизавшихся в переходную к капитализму эпоху («Дон-Кихот» Сервантеса, весь Шекспир). Эта идеология не может не быть чуждой и даже враждебной рабочему классу, либо она вовсе не предполагает его бытия. При субъективном, «вкусовом» отношении, хотя бы и исходящем из лучших побуждений, чрезвычайно легко, по немецкой поговорке, «вместе с водой выплеснуть и ребенка». Результаты такого вульгарного подхода к важнейшему делу будут, несомненно, плачевны и для самого рабочего класса и для культурного наследия в целом. Наиболее ценное и лучшее в мировой литературе есть и наиболее существенное в ней, и предполагает оно не субъективное «отнесение к ценностям» и не моральную оценку так или иначе настроенного индивида, а объективную констатацию этой существенности. «Если перед нами, — говорит Ленин о Л. Толстом, — действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях». Действительно, как мы уже говорили, в классовом буржуазном обществе те писатели заслуживают названия великих, которые с наибольшим мастерством и наиболее адекватно отражали неразрешимые противоречия этого общества, не опускаясь до его апологетики; таковы, например, в политической экономии А. Смит и Рикардо в противоположность Ж.-Б. Сею и Родбертусу, в литературе — Бальзак в противоположность Е. Сю.

В области философской, теоретико-познавательной, марксизм выработал единственно верный критерий истинности наших представлений, истинности нашего знания. Этот критерий — практика. Еще девяносто лет назад в «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал: «На практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность, мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос».

В применении к литературному наследию это кроме того означает и выдерживание данным писателем, данным произведением практического испытания временем, серьезнейшего испытания, и не столь уже многие произведения мировой литературы выдерживают его.

Один клерикальный французский автор вызвался быть судьей в литературном наследию братьев Дидро — Дидье, ревностного каноника Лангского собора, и Дени, великого энциклопедиста. Дидье, по мнению этого автора, работал на «вечность», pour l'éternité, в то время как Дени — только для потомства, pour la postérité. Однако история, время рассудили иначе. «Вечность» литературного наследия каноника — лишь в воображении автора книги о нем: церковные проповеди его поистине канули «в вечность», в лету забвения, наследство же великого энциклопедиста «вечно» в единственно научном смысле этого слова, применительно к идейным ценностям, в памяти последующих поколений.

Уже на этом примере видно, что «испытание временем» не есть некое метафизическое понятие и предполагает наличие последующих поколений читателей, этих в данном случае своеобразных экзаменаторов. Но эти последующие поколения являются представителями определенных общественных классов, как таковыми же были и сами авторы литературных произведений и выведенные ими персонажи: даже формы литературного мастерства обнаруживают свое земное, историческое, социально-литературное происхождение.

И вот, осуществляя свой суд над культурным наследием, современный рабочий класс, всячески соблюдая надлежащую историко-литературную перспективу и не требуя от мастеров прошлого того, чего они объек-

тивно-исторически не могли дать, не может не ставить вопроса о том, какую тенденцию выражало в свое время то или иное художественное произведение. Дело не в личных классовых или политических симпатиях автора, не в количестве выведенных им реакционных уже для своего времени персонажей, а в идее произведения, в его социально-художественной тенденции, наконец, в той социально-художественной функции, которую имело в свою эпоху и в последующие времена данное произведение.

«Разнести в пух и прах» мастеров литературы прошлых эпох за то, что они к нашим дням устарели по своим идеалам, что в их произведениях много реакционного, — ничего не стоит, но тому, кто продельзает такую неблагоприятную операцию, действительно угрожает остаться «голым человеком на голой земле»; он отрезает себе все возможности подняться вверх по культурной лестнице. «Человек, — писал Ф. Энгельс по поводу книги П. Барта «Философия истории», — который судит о каждом философе не по тому ценному, прогрессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было необходимо преходящим, реакционным... — такой человек лучше бы молчал».

С точки зрения таких установок неравноценны Декарт и Мальбранш, Вольтер и Палиссо, Гольбах и Сен-Мартен, Бальзак и Поль-де-Кок, Мопассан и Жип, Гоголь и Полевой, и рабочий класс каждому из них отводит соответственное место в культурном наследстве. С этой же точки зрения неравноценны Шеллинг, молодой философ тождества, и Шеллинг, старый философ откровения; Гете «Фауста» и Гете «Германа и Доротеи»; Гоголь «Ревизора» и «Мертвых душ» и Гоголь «Переписки с друзьями»; Толстой, автор «Войны и мира», и Толстой, автор «Четырех евангелий»; даже Лесков, автор «Соборян», и Лесков, автор «Некуда» и «На ножах», хотя в каждом из них имеются черты, неприемлемые для современной мысли и действия.

При оценке литературного наследства с соблюдением строжайшей историко-литературной и историко-культурной перспективы мы не можем отвлекаться от вопроса о том, равнялось ли данное произведение во всех своих элементах или данный писатель во всех элементах своего творчества по будущему или по прошлому. Лучшим и наиболее ценным для нас является то произведение, которое, и в условиях своего времени наиболее адекватно отражая действительность со всеми непримиримыми для классового общества противоречиями, объективно ориентировалось на будущее. При этом мы твердо убеждены, что, конечно, далеко не всегда прямолинейно и непосредственно, не без борьбы и внутренних противоречий, но «все эти пути и дорожки подводили, и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре», и в области искусства и литературы — к социалистическому реализму.

В суждениях о судьбах литературного наследства, в этой своеобразной тактике рабочего класса в отношении прошлого мировой литературы, имея в виду как содержание ее, так и форму, самое мастерство, следует придерживаться тех объективных критериев, о которых говорил Ленин в своей статье о Марксе:

«Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики перелового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении... Движение в свою очередь рассматривается не только с точки

зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически».

V

При таких установках абсолютная удаленность от нас во времени того или иного литературного произведения значения не имеет. Напротив, может быть так, что произведение, более удаленное, является гораздо более художественно-ценным, чем произведение сравнительно недавнего происхождения. В глазах рабочего класса целый ряд произведений наиболее отдаленных от нас эпох: эпохи родового строя, античного общества, средневекового общества — обладает громадной историко-художественной ценностью и необходимо должны быть освоены в том смысле, в каком было сказано выше. Такие эпопеи античного творчества, как «Илиада» и «Одиссея», поистине являются вечными шедеврами, выдержавшими испытание тысячелетий и входящими в золотой фонд культурного наследия рабочего класса.

Из литературы, вернее, устного творчества, этих отдаленных эпох встают перед нами наиболее яркие и глубокие, художественно-совершенные типы героев, созданных мастерством трудового народа, — первый богоборец Прометей, Геркулес; из русского былинного эпоса — великан Сятогор, труженик и землероб Микула Селянинович, воплощение ума и тонкой сметки — Василиса премудрая, народный герой, одерживающий верх над всеми своими врагами, — Иван-дурак и знаменитый, имеющий родственников и в западном народном творчестве Петрушка, побеждающий попа, полицейского, чорта и даже смерть.

М. Горький в особенности много потрудился над выявлением и обоснованием громадного значения, которое имеет в культурном наследстве да и для современного искусства устное творчество трудового народа — фольклор. По его утверждению, начало искусства заложено в фольклоре. Тайна мощи образов фольклора, их непреходящего значения, их вечной свежести, их художественной силы заключается в том, что они рождались в процессе непосредственного участия их создателей в творческой, производительной работе, в том, что их создатели не знали еще разделения труда, не были сведены общественным разделением труда до уровня физических инструментов или придатков к машинам. В то время художественное творчество трудовых масс еще не было убито капиталистическим способом производства, над чем последний старается столь долго и изобретательно, но, к счастью, в известной мере безуспешно.

Если ставить себе задачу — познать «душу народа», то это возможно только путем изучения фольклора, а вовсе не религии. В устном народном творчестве художественно запечатлевается подлинная история трудового народа. Из культуры европейского феодализма рабочий класс в основном, как правило, возьмет не культуру господствовавших классов, не литературу церковников и рыцарей, а творчество народных трудовых масс. Первая сохраняет лишь познавательное значение, второе же имеет и познавательную, и культурно-воспитательную, и высокую художественную ценность. Его основанная на труде фантастика — неизменный спутник ранних литератур, в том числе и феодальной — неизмеримо богаче, талантливее и художественнее бездарной и дурманящей фантастики религиозно-церковной литературы или убогой воинственно-драчливой фантастики литературы рыцарской. Она поистине, хотя и бессознательно, ориентировалась на будущее, как это особенно ярко видно в сказках о «ковре-самолете», «жарптице» и даже «скатерти-самобранке». Под ее несомненным влиянием были созданы такие гениальные произведения, как «Гаргантюа и Пантагрюэль»

в XVI веке, «Мюнхгаузен» в XVIII веке, «Фауст» и «Прометей» Гете в конце XVIII и начале XIX века, сказки Пушкина в XIX веке.

Само собой разумеется, отсюда не следует, что должен быть дан лозунг копировать в наше время это народное творчество. Приведенные только что в названиях шедевры мировой литературы отнюдь не являлись простыми подражаниями. Их создание было в высокой степени оригинальным и единичным творческим процессом, но оно было как бы оплодотворено народной тематикой, фабульностью и мастерством.

В точном своем виде произведения народного творчества, конечно, неповторимы, ибо для создания их необходимы и соответственные общественные условия. Искусственные потуги дворянско-буржуазной литературы создать «эпос» не приводили ни к чему иному, кроме вымученных «псевдо-классических» поэм вроде «Генриады» Вольтера или, еще того хуже, «Мессиады» Клопштока и «Телемахиды» Тредьяковского. Лишь сатирический жанр в форме подобных поэм удавался ей тогда, когда был направлен на сокрушение реакционно-религиозных верований, например «Орлеанская дева» Вольтера или «Гавриилада» Пушкина, но и в этих последних произведениях налицо своеобразная ориентировка на будущее.

Однако рабочий класс может поставить задачу — дать своего рода синтез эпоса (безличного в своем историческом виде) и жанра с развитой индивидуализацией, ибо дело пролетариата есть поистине грандиозная эпопея, творимая конкретными личностями.

В странах, затронутых уже капиталистическим развитием, художественное народное творчество идет на убыль; дает себя знать закабальное трудовые массы общественное разделение труда. «Капиталистический строй, — говорит М. Горький, — убил в «маленьких» людях способности художников и творцов, этот строй не давал талантам ни места, ни возможности развернуться, расцвести» (Горький «О «маленьких» людях и о вслякой их работе»). Но мы уже видели, что буржуазия проделала значительный исторический путь. Она выступила как класс радикальный и революционный, по-революционному сокрушавший устои феодализма и феодальной культуры.

В этот период, период своего под'ема, она равнялась в своем движении на будущее; в этот период ее революционного развития и были созданы все наиболее ценные и лучшие произведения буржуазной литературы, заслуживающие быть перенесенными в литературный пантеон будущей культуры. «Революции никогда не являлись паузами в истории культурного роста человечества; революция — это процесс вызова к жизни новых творческих сил», — говорит М. Горький, и революционная по тому времени буржуазия успела создать мировые шедевры.

В следующий период ее эволюции, когда она стала в капиталистическом обществе господствующим классом, она никогда уже не поднималась в художественном творчестве на прежнюю высоту. От этого периода в культурное наследство рабочего класса в основном перейдут произведения, отмеченные критическим реализмом.

Таким образом, пролетариат, единственный класс, которому принадлежит будущее, заявляет о своих правах на буржуазное литературное наследство в составе буржуазной «под'емной» литературы и критического реализма. Его нисколько не «пугает» при этом и не беспокоит чуждая в классовом отношении идеология этой литературы. Тому, кто пытался выдвинуть эти «идеологические» соображения против классической и большой литературы прошлого, был дан решительный отпор.

Ясно, что особое внимание при этом рабочий класс направляет на ростки революционно-демократической литературы, видя в ней наиболее

острую художественную критику буржуазного общества, своего рода непосредственный подступ к литературе пролетариата.

Совершенно несомненно, что именно в СССР, где у власти стоит пролетариат, существует наиболее «практическое» и наиболее «действенное» отношение к классической и большой литературе прошлого: трудящиеся массы читают эту литературу больше чем в какой-либо иной стране. Об интересе к этой литературе, о спросе на нее у широкого читателя могут дать некоторое представление громадные, не снившиеся ни одной капиталистической стране тиражи изданий произведений классической литературы.

Так, на деле, оправдалось учение и вместе с тем указание Ленина о необходимости завоевания политических условий, для того чтобы массы стали читать и сумели оценить классическую литературу. «Чтобы сделать, — писал Ленин о Льве Толстом, — его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический труд».

Как уже было сказано и как ясно само собой, освоение культурного наследства, лучшего и наиболее ценного, что в нем есть, необходимо рабочему классу не как некая метафизическая самоцель, а как средство и база для создания новой, пролетарской, социалистической культуры. Пролетариат никогда не твердил задов, и его жизнь, все его существование, есть его деятельность, движение вперед, к коммунизму. В этом движении культуры, в том числе и литературе, принадлежит далеко не последнее место.

В нашу задачу, само собой разумеется, не входит хотя бы краткий эскиз культуры социалистической, но мы должны сказать, что в обрисовке первых контуров новой, советской, социалистической литературы великое классическое наследство делает уже свое дело.

Новая культура начинается с уважения к труду, к трудовому человеку, и это не может не отразить и новая литература. Жизнь его проходит в борьбе, в революционной классовой борьбе с враждебными силами старого общества за освобождение человека от эксплуатации человеком же, далее, в борьбе с природой в целях подчинения природы человеку — и эти процессы с их подчас трагическими эпизодами, но зато и с их торжеством побед отражает новая литература. Она отражает, наконец, не только героизм труда, но и неразрывно связанную с ней радость жизни, радость личной жизни строителей нового мира.

В этой творческой работе новой литературы, несомненно, оказывают помощь и, образно говоря, дружественную поддержку классики литературного наследства: их идейная глубина, их наблюдательность, их живой и жизненный (шекспировский!) реализм, их романтическое, но без отрыва от действительности художественное преувеличение образов, ибо, как говорит М. Горький, искусство имеет право на преувеличение; мастерство их искусства языка, фабулы, сюжета, их художественно выраженная тенденция, ориентированная на будущее; наконец, потенциальная действительность их мастерства, ибо пассивная роль противоречит искусству и недостойна его.

Не в том задача, чтобы каждый был Рафаэлем, а в том, такова мысль К. Маркса, чтобы каждый, в ком жив Рафаэль, нашел такие условия, которые позволяют ему понять и оценить его предка и развить свои собственные способности, стать Рафаэлем нового времени. Социально-политически эти условия даются социалистической революцией, освобождающей рабочий класс и через него все человечество; в культурном же отношении на основе такой революции эти условия создания но-

вого искусства даются критическим освоением культурного наследства.

Но и для самой революции сознательное, критическое освоение литературного наследства может дать дополнительные силы, дополнительную идейную и эмоциональную зарядку. Это прекрасно было выражено Лениным еще в год смерти Льва Толстого. «В его наследстве, — писал Ленин, — есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он раз'яснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божеской жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещицкому землевладению (написано в 1910 г.); он раз'яснит массам толстовскую критику капитализма... чтобы они научились... сплываться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком».

В этих словах литературное наследство даже такого «непротивленца злу насилием», каким был Лев Толстой, пролетариатом, по праву истории, ставится на службу революции. И в этом наиболее почетная и наиболее действенная социальная задача как современной литературы, так и литературного наследства.

Современный рабочий класс не только не отказывается от всего лучшего и ценного, что есть в культурном наследстве прошлых веков, но, будучи его законным наследником, готов оспаривать его и бороться за него со всеми, кто будет препятствовать его переходу к этому наследнику.

Рабочий класс силой отнимет культурное наследство у фашистских захватчиков, как отнимают трудовое добро у бандитов и грабителей, которые тащат это добро в кабак, или у социально опасных хулиганов, которые в бешенстве геростратизма хотят сжечь его на кострах.

Рабочий класс спокойно возьмет культурное наследство из рук буржуазных эпигонов, эклектических жрецов чистого искусства ради искусства и сухих педантов, которые неспособны ни оценить его, ни направить его к действию, ибо они спят на нем.

Рабочий класс не подпустит к культурному наследству анархических мечтан, взбесившихся мелкобуржуазных нигилистов и «ниспровергателей» старой культуры, как не подпускают к дорогим и тонким произведениям искусства озорных детей.

И рабочий класс товарищески пригласит к себе современных гуманистов, страдающих от фашистских издевательств над культурой, и предложит этим честным мастерам разделить с ним великое культурное наследство и под его водительством бесконечно обогащать его дальше; при этом рабочий класс, само собой разумеется, не откажется и от суровой, временами, критики и филантропических иллюзий. Так перейдет оно в наиболее надежные, достойные и благодарные руки — руки пролетариата, осуществляющего социалистическую революцию.

Пролетарская революция и проблема творчества

А. Деборин |

I

В своей беседе с первой американской рабочей делегацией в 1927 г. товарищ Сталин на вопрос делегации «Было ли бы правильным сказать, что Ленин верил в «творческую революцию», тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?» ответил следующее: «Я думаю, что сказать так было бы совершенно неправильно. Я думаю, что всякая народная революция, если она является действительно народной революцией, есть революция творческая, ибо она ломает старый уклад и творит, создает новый»¹⁾.

В вопросе американской рабочей делегации чувствуются отзвуки оппортунистов и реформистов, утверждавших и утверждающих, будто Маркс стоял на почве эволюционизма, тогда как Ленин выдвинул идею творческой революции и тем самым якобы отошел от Маркса. Товарищ Сталин разоблачил в этой своей беседе оппортунистов и реформистов, извращающих учение Маркса в угоду интересам буржуазии, подчеркнув, что и Ленин и Маркс всегда стояли за творческую революцию, поднимающую угнетенные классы против классов-угнетателей.

В чем, собственно, различие между творческой революцией в понимании Маркса, Ленина и Сталина, с одной стороны, и теорией «кульминационного развития экономических сил», отстаиваемой реформистами,— с другой стороны? Различие заключается в том, что творческая революция, как это разъясняет товарищ Сталин, ломает старый уклад и создает новый; эволюционное же развитие предполагает медленное, постепенное «штопанье» старого уклада, исключая тем самым революционное творчество. Творческая революция открывает новые пути и возможности развития, эволюционное же развитие, теория «ожидания кульминационного развития экономических сил» движется на старых путях, в рамках старого уклада, отрицая, в сущности, творчество качественно нового уклада, допуская лишь количественные изменения существующего.

В другой связи товарищ Сталин проводит различие между догматическим и творческим марксизмом. На VI съезде партии, накануне пролетарской революции, в один из самых ответственных и решающих моментов нашей революции, товарищ Сталин, намечая в своем докладе перспективы развития революции в нашей стране, обосновывает

¹⁾ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 267. 9-е изд. Разрядка моя. — А. Д.

необходимость направления государственной власти после завоевания ее пролетариатом к миру и к социалистическому переустройству общества. 9-й пункт внесенной по докладу товарища Сталина резолюции и выражал его мысль.

Против этого пункта возражал в духе троцкизма Е. Преображенский, предлагавший обусловить направление революции к социалистическому преобразованию общества наличием пролетарской революции на Западе. Пророческий ответ товарища Сталина гласил так: «Я против такого (т. е. предложенного тов. Преображенским) окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой абсолютной свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией, в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»¹).

Догматический марксизм исходит из буквы учения, творческий марксизм исходит из духа учения Маркса, из его метода. Оппортунисты II интернационала усвоили ряд догм, от которых они танцуют как от печки. Тем самым они превратили марксизм в мертвую, догматическую систему, лишив его живого революционного содержания. Достаточно вспомнить догму об уровне развития производительных сил и об отсутствии у пролетариата достаточного количества готовых культурных и администраторских кадров, способных управлять страной.

«Но почему нельзя повернуть дело так, — пишет товарищ Сталин, — чтобы сначала взять власть, создать благоприятные условия для развития пролетариата, а потом — двинуться вперед семимильными шагами для подъема культурного уровня трудящихся масс, для выработки многочисленных кадров руководителей и администраторов из рабочих»²). Догматический марксизм оторван от революционной практики: вместо цельной революционной теории он дает обетшальные догмы, выхолащивая из теории Маркса живую революционную душу.

Творческий марксизм Ленина и Сталина исходит не из готовых догм, а из критического и революционного духа марксизма. В условиях новой исторической эпохи сложился на базе марксизма метод ленинизма. Эпоха империализма, эпоха катастрофических противоречий (по определению товарища Сталина) требовала не только восстановления, но и конкретизации и дальнейшего развития критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики. Эта задача и была выполнена Лениным. Творческий марксизм, вооруженный методом ленинизма, не мог, естественно, мириться с догматическим толкованием марксизма, превратившим самую революционную и творческую теорию в оружие застоя и реакции.

Творческий марксизм, обогащенный огромным опытом мирового пролетарского движения и результатами научного анализа новой эпохи капитализма — империализма, родился или возродился на новом историческом

¹) Протоколы VI съезда РСДРП(б) 26 июля — 3 августа 1917 г.

²) И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 13. 9-е изд. Разрядка моя. — А. Д.

уровне в России. Его творцами являются Ленин и Сталин. Вскрывая «исторические корни ленинизма», товарищ Сталин подчеркивает, что Россия начала XX столетия находилась накануне буржуазной революции, которую она должна была совершить при более благоприятных условиях и с более развитым пролетариатом чем другие европейские страны. Естественно, что буржуазная революция в России должна была «послужить бродилом и прологом пролетарской революции» (Сталин), что она должна была перерасти в революцию социалистическую.

«Мудрено ли после этого, — пишет товарищ Сталин, — что страна, проделавшая такую революцию и имеющая такой пролетариат, послужила родиной теории и тактики пролетарской революции?»

Мудрено ли, что вождем этого пролетариата, Ленин, стал вместе с тем творцом этой теории и тактики и вождем международного пролетариата?»¹⁾

Ленин и Сталин всегда придавали огромное значение творческим силам рабочего класса. Товарищ Сталин, говоря об итогах пятилетки, очень ярко подчеркивает тезис о творческих способностях рабочего класса. Он говорит: «Итоги пятилетки разбили известный буржуазный «символ веры» о том, что рабочий класс не способен строить новое, что он способен лишь разрушить старое. Итоги пятилетки показали, что рабочий класс способен так же хорошо строить новое, как разрушать старое».

В своей борьбе с различными уклонами в партии товарищ Сталин всегда подчеркивал, что те члены партии, которые не верят в силы рабочего класса построить социализм или преодолеть те или иные трудности, в сущности являются врагами ленинизма. Так, в «Тезисах» к XV всесоюзной конференции ВКП(б) об оппозиционном блоке в ВКП(б) товарищ Сталин писал: «Некоторые части нашей партии, правда, малочисленные, испугавшись трудностей, испытывают усталость и колебания, впадают в отчаяние и культивируют упадочные настроения, заражаются неверием в творческие силы пролетариата и приходят к идеологии капитулянтства»²⁾. Неверие в творческие силы пролетариата питается упадочными чуждо-классовыми настроениями и равносильно капитуляции перед буржуазной идеологией и переходу в лагерь контрреволюции.

Ленин и Сталин всегда исходили из той мысли, что в недрах рабочего класса скрыты огромные, неисчерпаемые запасы творческой энергии, являющейся одним из существеннейших факторов в деле строительства социализма. Октябрьская революция, освободив труд, развязала и освободила революционную и творческую энергию пролетариата, дав ей свободный выход и создав условия для ее всестороннего проявления. В то время как социал-демократия всегда испытывала страх перед активностью и самостоятельной революционной инициативой рабочего класса, коммунистическая партия, руководимая Лениным и товарищем Сталиным, опиралась на творческую энергию пролетариата, стремясь к ее освобождению и развитию, к ее пробуждению и вдохновлению.

В статье «Как организовать соревнование?» Ленин говорит, что в народе много организаторских талантов. «Им надо помочь развернуться. Они и только они, при поддержке масс, смогут спасти Россию и спасти дело социализма»³⁾. В другой статье, под названием «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», Ленин пишет: «По мере роста сопротивления буржуазии и ее прихлебателей растет сила пролетариата и присоединяю-

¹⁾ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 11.

²⁾ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 311. 1928. Разрядка моя. — А. Д.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 167.

щегося к нему крестьянства. Эксплуатируемые крепнут, мужают, растут, учатся, скидывают с себя «ветхого Адама» наемного рабства по мере того, как растет сопротивление их врагов — эксплуататоров. Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, протыпающего к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья, рабочих и крестьян. За ними победа¹⁾.

В рабочем классе и крестьянстве — непочатый и богатейший родник талантов, говорит Ленин. При капитализме творческая сила пролетариата подавлена бесправием и нищетой. Только социалистическая революция призывает к жизни, к великой творческой работе многомиллионные массы. Сила и непобедимость Октябрьской революции заключаются в том, говорит Ленин, что они выводят трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни, что они пробуждают в них творческие способности, которые при рабском положении в капиталистическом обществе не могли проявляться.

В своей гениальной работе «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин говорит о советах как о продукте «народного творчества революционных классов», как о новом государственном аппарате, вызванном к жизни «могучим порывом подлинного народного творчества».

Таким образом, и Ленин и Сталин приписывают огромную роль народному творчеству, в особенности творческому порыву и энтузиазму рабочего класса, видя в творческих силах и способностях пролетариата залог победы социализма.

Творческая революция опирается, стало быть, на творческие способности революционного класса и его вождей, способных руководить этим классом при помощи творческой теории. Ленин и Сталин являются творческими гениями.

II

Основная характеристика гения сводится к способности творить новое; в этом его оригинальность, его особенность и отличие от тех, кто «не выдумывает пороха», кто ходит только по проторенным путям, кто живет, мыслит и действует по шаблону, по установленным трафаретам.

Гением является человек высшей одаренности, обладающий способностью открывать новые пути, разрешать проблемы, считавшиеся неразрешимыми или еще не разрешенными; гений налагает печать на свою эпоху тем, что ставит перед нею новые цели и дает ей новое содержание и новое направление, начиная тем самым новую страницу в истории человечества.

Отличие пролетарского гения от гениальных личностей других общественных классов состоит в том, что последние при всей широте их взглядов и при всей их одаренности ограничены узким горизонтом классового общества. Над нами довлеют идеологические иллюзии и извращенные представления о действительности, порождаемые материальными условиями их существования.

Гений же рабочего класса (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин) естественно свободен от указанных ограниченностей и иллюзий, а потому он и отли-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 157. Разрядка моя. — А. Д.

чается большим универсализмом, широтой и глубиной идей, которые недоступны самым выдающимся умам буржуазии.

Оставаясь самыми верными учениками Маркса и Энгельса, Ленин и Сталин внесли в сокровищницу марксизма много новых ценностей всемирноисторического значения, исходя в своем творчестве из самостоятельного изучения новой исторической эпохи, поставившей перед мировым пролетариатом новые проблемы, ответы на которые не могли дать Маркс и Энгельс в силу того, что они жили в другое время. Товарищ Сталин всегда резко выступал против цитатного, догматического марксизма, отстаивая творческий марксизм.

«Марксизм, — пишет товарищ Сталин, — есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может.

Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта при сохранении точки зрения марксизма, при сохранении его метода, а Зиновьев поступает наоборот, сохраняя букву и подменяя буквой отдельных положений марксизма точку зрения марксизма, его метод.

Что может быть общего между действительным марксизмом и подменной основной линией марксизма буквой отдельных формул и цитатами из отдельных положений марксизма?»¹⁾

Целый ряд теоретических вопросов и практических задач был поставлен и разрешен Лениным и Сталиным по-новому; исходя из принципов марксизма, они открыли новые пути, ведущие к социализму.

«Надо признать, товарищи, — говорит товарищ Сталин, — что именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности победы социализма в одной стране. Нельзя отнять у Ленина то, что принадлежит ему по праву. Не надо бояться правды, надо иметь мужество сказать открыто, что Ленин был первый из марксистов, который по-новому поставил вопрос о победе социализма в одной стране и разрешил его в положительном смысле.

Я этим вовсе не хочу сказать, что Ленин, как мыслитель, был выше Энгельса или Маркса. Я хочу этим сказать только две вещи. Во-первых: нельзя требовать от Энгельса или Маркса, какими бы они ни были гениальными мыслителями, чтобы они предусмотрели в период монополистического капитализма все возможности классовой борьбы пролетариата и пролетарской революции, открывшиеся спустя более чем полстолетие, в период развитого монополистического капитализма. Во-вторых: нет ничего удивительного в том, что Ленин, как гениальный ученик Энгельса и Маркса, сумел подметить новые возможности пролетарской революции в новых условиях развития капитализма и открыл, таким образом, истину о возможности победы социализма в одной стране.

Нужно уметь различать между буквой и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма. Ленину удалось открыть истину о победе социализма в одной стране потому, что он считал марксизм не догмой, а руководством к действию, он не был рабом буквы и умел схватывать главное, основное в марксизме»²⁾.

Все, что товарищ Сталин пишет о Ленине как гениальном ученике Маркса и Энгельса, относится также и к нему самому как гениальному ученику и продолжателю Маркса, Энгельса и Ленина. Подобно своим учителям, товарищ Сталин является гениальным творческим мыслителем, который тво-

¹⁾ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 510.

²⁾ Там же, стр. 379—380.

рит новые ценности, открывает новые истины, воплощая их в то же время в жизнь, т. е. связывая теснейшим образом теорию с практикой. Одной из самых замечательных черт творческой личности Сталина является неразрывное взаимопроникновение теории и практики, слова и дела, мысли и жизни, идеи и действительности.

При этом необходимо подчеркнуть ввиду упрощенного понимания многими принципа единства теории и практики, что требования, предъявляемые товарищем Сталиным к теории, сводятся к тому, чтобы она опережала практику, чтобы она руководила ею, чтобы она освещала революционное движение. Он резко осуждает «стремление практиков отмахнуться от теории», он бичует тех, кто преклоняется перед стихийностью, он не мирится с отставанием теории от практики, подхлестывая нашу теоретическую мысль, стимулируя и направляя ее по должному руслу.

Отличаясь гениальной прозорливостью, необычайной силой и глубиной анализа, чрезвычайной чуткостью ко всем, хотя бы малейшим изменениям и сдвигам в общественных отношениях — в нашей ли стране или за ее пределами, — товарищ Сталин улавливает, схватывает эти новые процессы часто еще в самом их зарождении и делает отсюда обобщающие выводы, которые вооружают пролетариат в его борьбе за социализм. Отличие творческого марксизма от догматического состоит в том, что последний или вовсе не замечает новых процессов, изменений исторической обстановки или же, замечая их, приспосабливается к ним, отстаивая при этом интересы буржуазии.

Творческий марксизм, учитывая новые факты и сдвиги, новые явления и изменения в исторической обстановке, видит свою задачу в дальнейшем развитии и обогащении марксистской теории на основе учета нового опыта и в использовании добытых результатов для изменения хода самой действительности. Самое существенное и важное для мыслителя и вождя — это способность и умение видеть новое, подмечать неизвестное, необычное. Вульгарное мышление вращается всегда в кругу обычных явлений, установленных канонов, заученных формул, ходячих истин.

Поэтому всякое новое явление, необычное событие, поскольку они не могут быть просто уложены в рамки уже известного, поскольку они не могут быть осмыслены с точки зрения шаблона, заученной формулы, вызывают в умах сумятицу, испуг и отчаянье. Особенно остро дают себя чувствовать подобные настроения в переломные периоды, когда требуется более или менее быстрая смена формул, когда сама мысль в соответствии с изменившейся действительностью должна подвергнуться «перелому», без которого невозможно сознательное поступательное движение.

С точки зрения социал-предателей, ленинизм не может не представляться неким «светопредставлением», ибо он опрокинул и опрокидывает ежедневно усвоенные ими взгляды. Но ленинизм есть творческий марксизм и в то же время ортодоксальный марксизм, понимая под ортодоксальностью верность революционному духу, сущности учения, верность революционной диалектике как методу марксизма. Сущность творческого марксизма в достаточной степени выяснена Лениным и товарищем Сталиным.

В своей статье «О нашей революции» Ленин с замечательной глубиной охарактеризовал тупость, закостенелость, педантство, рутинность деятелей II интернационала. Он говорит там об их «рабской подражательности прошлому», об их трусости, об их боязни мельчайшего отступления от немецкого образца, от усвоенного шаблона.

«Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством. Но даже и чисто теоретически у них всех бросается в глаза полная неспособность понять следующее соображение марксизма: они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот, они не могут себе представить, что этот путь не может быть считаем образцом *mutatis mutandis* не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории)»¹. Но отличие творческого марксизма от догматического и вульгарного состоит именно в том, что последний в лучшем случае отстаивает то, что он «видел до сих пор», определенный, привычный путь развития капитализма и буржуазной демократии, за пределы которых он выйти не может, в то время как творческий марксизм отличается максимальной гибкостью, широтой горизонта, при тщательном учете своеобразия новой обстановки, новых объективных условий, созданных историческим развитием.

Вульгарный марксизм считает «нормальные буржуазные отношения пределом, его же не преjdeши», как говорит Ленин. Узколобые теоретики II интернационала, не понявшие решающего в марксизме, его революционной диалектики, неспособны были понять, что в революции, связанной со всемирной империалистической войной, должны были сказаться новые черты, выходящие за рамки обычной «нормы», что ни в каких учебниках не могут быть предусмотрены все формы развития мировой истории. «Им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»².

Деятели II интернационала затвердили, что у нас нет объективных экономических предпосылок для социализма, говорит Ленин. Но им не приходило в голову, что создавшееся своеобразие революционной ситуации открывало народу «возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах», что возможны «видоизменения обычного исторического порядка», что если для создания социализма требуется определенный уровень культуры, то «почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы».

«Нам, — пишет Ленин, — наши противники не раз говорили, что мы предпринимает безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим»³.

«Мы начали не с того конца». Но как раз в этом «безрассудном» нарушении «нормального», т. е. обычного исторического, порядка и заключаются величие и гениальность вождей нашей социалистической

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 398—399. 2-е изд. Разрядка моя. — А. Д.

² Там же, стр. 399.

³ Там же, стр. 397.

революции. Согласно книжному, школьному, «нормально-рассудочному» пониманию, существует определенная, раз навсегда данная последовательность хода исторического развития капитализма к социализму. С этой точки зрения необходимо ждать, пока разовьются производительные силы, экономическое состояние страны до высшего уровня, когда становится возможным пролетариату совершить революцию.

Почему нельзя сначала завоевать политическую власть, а потом догонять экономически и культурно передовые страны? Такая перестановка «звеньев» означала подлинную творческую революцию в самом понимании марксизма по сравнению с господствовавшими до того взглядами во всех партиях II интернационала. Такой подход Ленина и Сталина к основным проблемам пролетарской революции, естественно, означал полный и окончательный разрыв с «нормальным» «марксизмом» II интернационала, приспособленным к «нормальным буржуазным отношениям».

Ленинский анализ империализма раскрыл новые явления и новые закономерности капитализма, которые открывали новые возможности и перспективы для пролетарской революции. Общий вывод, к которому пришел Ленин в своем анализе, гласит: «Империализм есть канун социалистической революции».

«Сообразно с этим, — учит товарищ Сталин, — меняется и самый подход к вопросу о пролетарской революции, характере революции, ее объеме, ее глубине, схема революции вообще».

Раньше к анализу предпосылок пролетарской революции подходили обычно с точки зрения экономического состояния той или иной отдельной страны. Теперь этот подход уже недостаточен. Теперь надо подходить к делу с точки зрения экономического состояния всех или большинства стран, с точки зрения состояния мирового хозяйства, ибо отдельные страны и отдельные национальные хозяйства перестали быть самодовлеющими единицами, превратились в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством, ибо старый «культурный» капитализм перерос в империализм, а империализм есть всемирная система финансового порабощения и колониального угнетения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли.

Раньше принято было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в отдельных странах, или, точнее, — в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства, как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, если система в целом, или, вернее, — так как система в целом уже созрела к революции.

Раньше принято было говорить о пролетарской революции в той или иной развитой стране, как об отдельной, самодовлеющей величине, противопоставленной отдельному, национальному фронту капитала как своему антиподу. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о мировой пролетарской революции, ибо отдельные национальные фронты капитала превратились в звенья единой цепи, называемой мировым фронтом империализма, которой должен быть противопоставлен общий фронт революционного движения всех стран.

Раньше рассматривали пролетарскую революцию как результат исключительно внутреннего развития данной страны. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь надо рассматривать пролетарскую революцию,

прежде всего, как результат развития противоречий в мировой системе империализма, как результат разрыва цепи мирового империалистического фронта в той или иной стране»¹⁾.

Таким образом, при империализме условия возможности пролетарской революции, пути и формы ее развития радикально изменились по сравнению с эпохой промышленного капитализма. Между «раньше» и «теперь» существует огромное различие. Деятели II интернационала остаются на старых позициях, не замечая всех новых изменений в структуре капитализма, которые несет с собой империализм. Тем самым социал-демократические партии стали, по существу, контрреволюционными партиями. Вывести мировое пролетарское движение на новый широкий путь исторического развития, открывающий перед пролетариатом величайшие перспективы, выпало на долю Ленина и Сталина, этих двух гениальных мыслителей нашего века.

III

В «Немецкой идеологии» Маркс развивает мысль, что труд в коммунистическом обществе примет, по сравнению с трудом в классовом обществе, совершенно иную форму. В этом именно смысле он там говорит об «уничтожении» или преодолении труда. «Разделение труда, — говорит он, — представляет нам... первый пример того, что пока люди находятся в стихийно развивающемся обществе, пока, следовательно, существует расхождение между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, — собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая подчиняет его себе вместо того, чтобы он владел ею»²⁾.

Развитие капиталистического общества благодаря разделению труда имеет своим результатом расщепление между капиталом и трудом, между производительными силами и индивидами, силами которых они являются. «Единственная связь, — говорит Маркс, — в которой они еще находятся с производительными силами и со своим собственным существованием — труд, — потерял у них всякую видимость самостоятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее». Для обеспечения самого своего существования и самостоятельности необходимо присвоение пролетариатом совокупности производительных сил.

«Самое присвоение этих сил уже представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства. Уже по одному этому присвоение некоторой совокупности орудий производства равносильно развитию некоторой совокупности способностей в самих индивидах. Далее, это присвоение обусловлено присваивающими индивидами. Только современные пролетарии, совершенно лишенные всякой самостоятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самостоятельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в связанном с этим развитием совокупности способностей»³⁾. Это присвоение должно носить универсальный характер. Оно, далее, обусловлено тем способом, каким оно должно быть совершено. «Оно может быть совершено лишь посредством объединения, которое в силу свойств са-

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 20—21. Разрядка моя. — А. Д.

²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 23. Разрядка моя. — А. Д.

³⁾ Там же. Соч. Т. IV, стр. 57—58. Разрядка везде моя. — А. Д.

мого пролетариата может быть только универсальным, и посредством революции, в которой, с одной стороны, низвергается власть прежнего способа производства и общения, а также общественного строя, с другой — развивается универсальный характер пролетариата и энергия, необходимая ему для осуществления присвоения, причем пролетариат сбрасывает с себя все, что еще осталось у него от его прежнего общественного положения.

Только на этой ступени самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в цельных индивидов и устранению всякой стихийности»¹⁾.

Таким образом, пролетарская революция, «присваивающая» совокупность производительных сил, тем самым развязывает неограниченную самодеятельность пролетариата и освобождает его способности и творческую энергию, скованные условиями существования в капиталистическом обществе. Человек становится цельным индивидом, свободным от господства над ним всякой стихийности. Он превращается в сознательного, самодеятельного творца и строителя жизни, труд превращается в творчество, в свободную творческую самодеятельность, при которой раскрываются все способности и вся творческая энергия человека.

Ленин и Сталин в новых условиях, созданных в нашей стране Октябрьской революцией, видят задачу социализма «в выведении трудящихся на дорогу самостоятельного творчества новой жизни» (Ленин). Социализм впервые создает возможность «втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами» (Ленин).

Творческая энергия буржуазии как господствующего класса, способного руководить обществом духовно и политически, иссякла. В свое время ее идеологи: философы, художники, поэты, политические деятели — вели общество вперед и создали много ценного во всех областях культуры, «опираясь» на рабство пролетариата. Ныне же созданная ими культура переживает глубочайший кризис, ибо представляемый буржуазными идеологами класс находится присмерти. Отражая «болезненное состояние» буржуазного общества, идеологи господствующих классов способны лишь на «большое творчество».

Любопытно, что теория одаренности, гениальности у них неизбежно связывается с болезненным состоянием творцов. Здесь не место входить в рассмотрение этих теорий. Мы хотели бы лишь подчеркнуть, что пролетариат в качестве молодого общественного класса, полного свежих сил, бурлящей крови, творческой энергии, один только и способен создать новую цивилизацию, высшую культуру, вопреки болтовне буржуазных теоретиков о том, что пролетариат способен только разрушать, но не созидать.

Вожди пролетариата представляют собой мозг и волю этого молодого класса, борющегося во всем мире за низвержение прогнившего общественного строя и установление своей власти, диктатуры для построения новой, социалистической культуры. На протяжении семнадцати лет существования советской власти в нашей стране пролетариат успел уже вернуть свои творческие силы и доказать всему миру, что он строит но-

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 58.

вый мир и творит новую культуру. Даже многие буржуазные деятели вынуждены ныне признать этот факт.

Однако г-н де Ман, один из представителей II интернационала, в своей книге «Социалистическая идея»¹⁾ доходит до того, что вообще отрицает за рабочим классом способность к какому-либо самостоятельному творчеству, признавая, что творческие способности присущи только буржуазии.

Он призывает поэтому рабочий класс к усвоению буржуазных «добродетелей». Этот социал-фашист только клеветает на рабочий класс, когда доказывает, что он неспособен к самостоятельному творчеству и что даже весь комплекс социалистических идей является продуктом творчества буржуазии. При таком «понимании» дела ни Маркс, ни Ленин ничего не создали, а пролетариату остается лишь осуществить в жизни то, что было выставлено буржуазией на ее знамени.

Подлинными творцами социализма и его теории являются, по мнению де Мана, идеологи буржуазии. «Социалист» де Ман, далее, сознательно закрывает глаза на великие творческие процессы, которые совершаются в нашем Союзе, где творцами новой цивилизации и новой культуры является пролетариат, руководимый творческим гением товарища Сталина. За последние одиннадцать лет наша страна совершила в области строительства социализма такие чудеса, о которых нельзя было и мечтать. Но какое дело до всего этого «социалисту» де Ману!

Подобно Шпенглеру и другим фашистским теоретикам он видит подлинную основу и источник всякой культуры в религиозных и метафизических системах, с которыми неразрывно-де связано творчество в области искусства, философии, литературы и т. д. Господство науки и техники, утверждает он, является базисом не культуры, а цивилизации. В эпоху цивилизации религия и метафизика сменяются атеизмом, материализмом и научным познанием. Но это обстоятельство есть, мол, явный признак упадка культуры, ее заката.

«Русская культура, — пишет Нольтениус, — переживает ныне переходную фазу от высшей ступени (Hochkultur) культуры к цивилизации. Какая еще из старых европейских культурных наций может гордиться таким искусством, какое было бы (на пороге нашей современной эпохи) равноценно творениям великих русских мастеров? Но волна интеллекта разрушительно действует в России. Церковная реформация — коммунизм или ленинизм — и социальная революция самого радикального характера разрушают все ценности и порядки. Они, наверное, вызовут к жизни могучую технику и науку, но Достоевских не будет больше, подобно тому, как в Европе нет больше Шекспиров, Рембрандтов и Бетховенов»²⁾.

Что и говорить! Бетховен, Рембрандт, Шекспир были великими людьми, но Нольтениус глубоко ошибается, полагая, что там, где развиты наука и техника, — там нет места великому искусству. В средние века, например, несмотря на безраздельное господство религии и метафизики для подлинного искусства не было подходящей почвы. Расцвет искусства начинается с эпохи Возрождения, исторически примыкавшей к древне-классическим образцам во всех областях человеческого творчества.

Буржуазия в качестве нового общественного класса некогда вступила в борьбу с религиозным мировоззрением во имя прав разума личности; она была вынуждена вступить на путь научного познания мира и развития техники; тогда же она одновременно породила и могучее искусство. Но если в эпоху своего расцвета, в эпоху борьбы с феодализ-

¹⁾ Hendrik de Man «Die sozialistische Idee», 1933.

²⁾ Fr. Noltenius «Materie, Psyche, Geist», S. 453. 1934.

мом, буржуазия в качестве революционного класса оказалась способной на великое творчество во всех областях, то ныне, в эпоху своего упадка, когда она исторически сыграла свою роль и должна уступить руководство жизнью пролетариату, она уже не выдвигает из своей среды Бетховенов и Рембрандтов или таких могучих гениев, как Шекспир и Гете, ибо творческие силы ее иссякли.

В жизни буржуазии нет образцов могучих характеров, героической борьбы за великие идеалы, гениальных вождей, способных вести человечество вперед, пытливых искателей живой правды, творцов новых ценностей и универсального идеала, дающего возможность осмыслить новую эпоху и наполнить ее богатством содержания, форм и красок, строить новый мир и новую культуру, как это мы видим на примере Советского союза.

Любопытно, что когда современные плакальщики по мистической культуре начинают аргументировать, они упадок культуры иллюстрируют более всего на примере западноевропейских стран, переживающих эпоху кризиса и разложения литературы, музыки, театра, философии и т. п. Буржуазные идеологи в огромном своем большинстве считают ныне живым источником культуры мистические переживания, уходящие своими корнями в иррациональный мир, в темное царство бессознательного, в потусторонний мир, где человек находит — радость, счастье и полноту бытия. Но интеллект не мирится с существованием темного царства таинственных, мистических¹⁾ сил, скрывающих от человека подлинную правду жизни. Поэтому современные мистики считают науку, интеллект, разум разрушителями всего мистического, всего таинственного, а тем самым и фундамента культуры. Наиболее ярким выражением интеллектуализма идеологи современной буржуазии считают марксизм-ленинизм.

Шпрангер выставил тезис, согласно которому «культура прекращается там, где прекращается аскетика». Это очень любопытный тезис; он полностью гармонирует с современной политикой буржуазии, требующей от пролетариата максимального отречения от удовлетворения своих самых насущных потребностей во имя... спасения ее политической и экономической власти над пролетариатом. «Социалист» де Ман тоже стоит на точке зрения «аскетизма». К числу добродетелей буржуазии он относит, помимо «правдивости», бережливость, умеренность, воздержание, — словом, аскетический образ жизни. И он, как уже было сказано, зовет рабочих к усвоению этих буржуазных добродетелей.

Но массы ничего не хотят знать об аскетизме, восклицает в отчаянии Нольтениус. «Так как они отличаются малой восприимчивостью к духовным наслаждениям», говорит он, то они предаются «культуре» тела. Это великолепно! Другой «философ» (речь идет о Мюллере) пробирает рабочих за «эгоизм брюха». Они должны были бы предаваться чистым духовным наслаждениям, а не думать о своих материальных потребностях. Интересы духовной культуры должны стоять выше всякого «материализма». Но, как он ни старается опорочить материализм и унижить рабочих, он вынужден признать два неоспоримых и важных факта:

¹⁾ Мимоходом заметим, что мистика происходит от греческого слова *mysteo* — я закрываю глаза перед действительностью. Другие, как например Отто (в книге «Das Heilige»), полагают, что термин мистика связан с племенем *mus*, словом, сохранившимся в саяскрите. *Mus* же означает обманывать, воровать. (См. Lange-Eichbaum «Genie, Irdisch und Ruhm», 1928). Как видит читатель, лингвистика — не бесполезная вещь. Оказывается, что мистика — это воровское племя, обманщики...

крайний упадок буржуазной культуры — дегенерацию искусства, упадок вкуса, опошление театра и вообще общий духовный упадок и вырождение.

Второй факт, который он вынужден констатировать, хотя и не видит связи между ними, это то, что рабочие при всем «эгоизме брюха» стремятся уже в рамках буржуазного строя развить свои творческие способности и заложить основы своей культуры. Результатом классовой борьбы, крайне обострившейся в послевоенную эпоху, явилось полное отмежевание и отрыв рабочего класса от своей нации, говорит он. «У рабочих родилось даже стремление к созданию собственной пролетарской культуры (*Arbeiterkultur*): пролетарской литературы, пролетарской музыки, рабочего театра, пролетарского спорта и т. п. Рабочего держали вдали от культурных достижений. Но так как он, вопреки своему материалистическому мировоззрению, не может существовать без духовной пищи, то он должен был обратиться к средствам самопомощи и стремиться к какой-нибудь замене, которая могла бы удовлетворить его духовные потребности»¹⁾. Но отчуждение рабочего класса от нации привело к торжеству материализма и к утере пролетариатом «идеалов высших ценностей». Таким образом, этот фашиствующий инженер, с одной стороны, утверждает, что рабочий исповедует «эгоизм брюха», а с другой стороны, вынужден признать его стремление к удовлетворению духовных потребностей, к самостоятельному творчеству в области духовной культуры.

Мы считаем лишним заниматься здесь подробной критикой омерзительного «произведения» этого фашиствующего профессора, выступающего во имя бога и религии против материализма, являющегося для него «могильщиком культуры». Теперь уже стало очевидным для широких кругов трудящихся и интеллигенции западноевропейских стран, что подлинными могильщиками культуры являются фашисты всех оттенков и направлений. Если Мюллер голословно утверждает, что материализм и культура взаимно исключают друг друга, что материализм враждебен культуре, не только искусству, но и науке, то мы имеем все основания противопоставить его грубой лжи историческую правду, которая говорит, что религия и культура действительно несовместимы, как огонь и вода, и что материализм всегда являлся сознательно или стихийно фундаментом всякой подлинной культуры. Выставляя тезис, что низвержение материализмом бога и религии привело к утере человеком смысла жизни, он в то же время вынужден признать, что религия обанкротилась, потому что она «стала партией». В чем же видит он выход из современного положения, из того кризиса, который переживает в частности Германия? В духовном возрождении, в возврате к культуре, в развитии «высшего типа человека» и в достижении взаимного доверия между предпринимателями и рабочими...

Русский коммунизм, пишет дальше Мюллер, не может разрешить социальный вопрос, ибо коммунизм отрицает «духовность человека» и семью. При таких условиях единственным спасением является самовоспитание человека к культуре. Массы нуждаются в новой идее труда. Образовавшаяся в духе человека пустота должна быть заполнена не сурогатами вроде «сокращения рабочего дня» и «увеличения доходов», а новой духовной установкой в отношении идеи труда, в отношении подчиненных как помогающим соработникам, в отношении начальства как справедливому судье, в отношении отечества как надежному убежищу земного счастья. В воспитании этого нового типа человека и заключается вся проблема. Это проблема культурного человека. «Начинается эпоха истинной культуры:

¹⁾ W. Müller «Totengräber der Kultur», S. 92. 1933.

рождается высший человек с верой и идеалами! В этом пафос будущего. А потому: назад к культуре!», — так заканчивает Мюллер свой «труд».

Таким образом, лозунг «Назад к культуре» при сопоставлении с лозунгом «Назад к варварству», как он формулируется другими представителями фашизма, обнаруживает их одинаковое содержание. В сущности, все разговоры о культуре и рождении нового типа человека, в сочетании с «новой идеей труда», как основой «новой культуры», имеют своей целью противопоставление буржуазной «философии культуры» коммунистическому учению о культуре. «Новая идея труда» на самом деле ничего нового не дает. Она только лишний раз иллюстрирует «убеждение» буржуазии и ее идеологов в невозможности культуры без наемного рабства, без эксплуатации.

Рабство — вот основа и фундамент той «философии культуры», которая провозглашается Мюллером как некое новое слово, но которая так же стара, как и само классовое общество. Воспитание «нового типа человека» должно сводиться к пробуждению в душе рабочего доверия к предпринимателю, уважения к начальству и любви к отечеству. Это полицейский «идеал культуры», и нет, конечно, ничего удивительного в том, что современные фашисты возрождают полицейские идеалы и играют роль могильщиков культуры. Кроме болтовни о «совершенствовании бессмертного духа» наш «философ культуры» ничего положительного о подлинном содержании культуры, конечно, сказать не мог. И это вполне естественно, если принять во внимание, что для него как и для его единомышленников культура является орудием эксплуатации, средством воспитания рабочих в любви и уважении к капиталистам и начальству. Но тем самым этот «философ» разоблачил своими собственными писаниями всю глубину падения нынешней буржуазной культуры и доказал несовместимость и непримиримость ее с существованием пролетариата как носителя новых идеалов, новых ценностей и новой культуры, принципиально отличной от буржуазной культуры.

IV

На III всероссийском съезде советов, состоявшемся через несколько месяцев после Октябрьской революции, Ленин заявил следующее: «Перед победившим пролетариатом открылась земля, ныне ставшая общенародным достоянием, и он сумеет организовать новое производство и потребление на социалистических принципах. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления»¹⁾.

Таким образом, возрождение и обновление мира возможны лишь на основе социалистического общества, на основе «присвоения совокупности производительных сил», которое, как выражается Маркс, равносильно «развитию совокупности способностей». Великие силы революции,

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 225. Разрядка моя. — А. Д.

возрождения и обновления, заложенные в трудящихся массах, освобождаются лишь при социализме, когда все завоевания культуры, подобно материальным силам общества, становятся общим достоянием, а не привилегией богатых, как это имеет место в капиталистическом обществе.

Ленин и Сталин поставили перед нашей страной титаническую задачу — превратить экономически отсталую страну в коммунистическое, бесклассовое общество на базе высших достижений науки и техники и одновременно превратить безграмотную страну в страну высочайшей культуры. Сталинский лозунг об овладении передовой наукой, техникой и всем культурным наследством прошлого, чтобы затем на основе этих достижений могло расцвести великое самостоятельное творчество во всех областях культуры, ставит перед нашей страной поистине титанические задачи. «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем» (Ленин). Мало этого, плоды науки, техники, искусства должны доставаться «поголовно всем трудящимся», как это подчеркивает Ленин.

Без усвоения и критической переработки всего созданного человечеством в области культуры нельзя строить пролетарскую культуру. Об этом Ленин говорит вполне определенно. Таково же и мнение товарища Сталина. «Без ясного понимания того,—говорит Ленин,—что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹).

Но в задачи социалистического и культурного строительства входит еще и непосредственное изменение самого человека. Борясь за социализм, он борется против собственных недостатков, изменяя мир, он вместе с тем изменяет и свою собственную природу, освобождаясь, как говорит Маркс, от всей старой мерзости и все более возвышаясь до уровня стоящих перед ним исторических задач, приобретающих универсальный характер.

Мы повсюду подчеркиваем значение и роль творческих способностей и сил рабочего класса, опираясь при этом на Ленина и Сталина. Мы приводили выше высказывания Ленина и Сталина о творческой революции, о творческой энергии, скрытой в глубинах народных масс, об условиях освобождения этой энергии и ее возможного дальнейшего безграничного развития. Сейчас мы должны заняться этой проблемой более детально и главным образом в связи с теми «теориями», которые имеют в настоящее время хождение среди буржуазных идеологов «новейшей формации». Многие из этих идеологов, примыкая к Ницше, объявляют, что власть, господство должно принадлежать творящим, все же «не-творящие», а к ним принадлежат рабочие, или вернее, они и образуют класс «не-творящих», должны быть переведены на положение солдат и в правовом отношении²). Что фашизм осуществляет эту солдатскую культуру, известно всем. Но нам представляется необходимым остановиться на «теоретических» основах этой солдат-

¹) Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 387.

²) «Arbeiter sollten wie Soldaten empfinden lernen», пишет в «Воле к власти» Ницше (см. Friedrich Mess. «Nitzsche der Gesetzgeber». S. 380—381. 1930.

ской культуры, выдаваемой фашистами за высший идеал и достижение германского духа.

В своей книге «Ницше-законодатель» Месс пишет, между прочим, следующее: «Необходимо установить правовое отношение между творящими и трудящимися. Дело сводится к тому, чтобы предоставлять в распоряжение творящих для выполнения задуманных ими дел (Werke) рабочую силу трудящихся в наиболее целесообразной форме. Творящие ставят задачу, трудящиеся не пользуются при этом никаким влиянием»¹⁾. Существует естественный закон, продолжает он, согласно которому власть, т. е. господство над природными ресурсами, принадлежит творящим.

Иначе говоря, господами естественных сил должны быть те, кто в состоянии производить из них новые ценности. Но, по мнению Ницше и Месса, не только рабочие, но и представители умственного труда, в сущности, выполняют чисто рабские функции. «Даже самый дифференцированный умственный труд есть отправление рабской функции и не дает никогда преимущества на право выбора ценностей»²⁾. В социальной системе «творящий» представляет активный элемент, трудящиеся — реактивный элемент, и это должно получить свое выражение в законе, регулирующем это их взаимоотношение.

Если «творящие» развивают положительную творческую энергию, то рабочие способны якобы лишь к проявлению отрицательной творческой энергии, выражающейся в насильственных действиях против первой. Спартакизм, т. е. коммунизм, говорит Месс, является воплощением нигилизма, сопротивления и противодействия творческим силам общества. Настоящий спартаковец не желает положительных ценностей. Он не желает работать, он лишен более утонченных потребностей как физических, так и духовных. Но эта его нетребовательность является сильнейшим его оружием в борьбе с «творящими». Спартакизм, или коммунизм, есть лишь воля к разрушению, есть нигилизм, это прямая противоположность активным и творчим. Таким образом, общество распадается на два полюса: на творящих и нетворящих, разрушителей, нигилистов.

Кто же, спрашивается, эти «творящие»? Нетрудно догадаться, что это капиталисты, предприниматели, которых возводят в творцов ценностей, в творцов культуры, противопоставляя их рабочим, рабам, долженствующим выполнять в качестве бессловесных животных приказание «творящих». Теория «творящих» и «нетворящих» (трудящихся) нарочито создана в целях обмана масс, в целях оправдания господства капиталистов. Возведенные в ранг «творящих», капиталисты приобретают известный «иммунитет», ибо кто же, кроме «варваров» и «нигилистов», может выступать против творцов культуры?! Но это очень слабая и грубая защита капитализма. Ибо кто же, в самом деле, поверит, что капиталисты творят какие-то ценности, а работники физического и умственного труда ничего не создают, никаких ценностей не творят! Но как бы лжива ни была эта «новая» теория, она составляет краеугольный камень фашистской практической политики, и поэтому приходится нам ею заниматься. И то сказать, ведь и «социалист» де Ман утверждает, что рабочие должны учиться труду у буржуазии, что именно она является во всех отношениях творческим классом, т. е. «творящим».

Новый «законодатель», Месс, чувствуя, что он хватил через край, пытается смягчить свою дикую, лживую теорию внесением «поправки», кото-

¹⁾ Fr. Mess «Nitzsche der Gesetzgeber», S. 372.

²⁾ «Auch die differenzierteste geistige Arbeit ist Sklavenverrichtung und giebt niemals Anwartschaft auf Wertwahlrechte» (Mess «Nitzsche der Gesetzgeber», S. 374).

рая сводится к указанию, что между творящими и трудящимися не существует-де резкой, непреходимой противоположности, что «каждый трудящийся является в известной, хотя часто в очень малой степени, и творящим». Но эта поправка никакого значения не имеет, раз трудящиеся, спартаковцы, коммунисты, оказывают «сопротивление творческим силам» и олицетворяют принцип разрушения.

В противоположность фашистским «философам» мы утверждаем, что только трудящиеся являются творящими. Поэтому противопоставление творящих трудящимся является просто бессмыслицей. Что труд является источником материальных ценностей и что, стало быть, рабочие являются единственными «творящими» в этой области,—это такая азбучная истина, которая не требует дальнейших доказательств.

Что касается участия рабочих и крестьян в научном и техническом творчестве вообще, в различные эпохи истории, то укажем хотя бы на следующие факты. Гутенберг, изобретший книгопечатание, был шлифовальщиком стекол. Михаил Фарадей—гениальный ученый физик-экспериментатор—был сыном кузнеца, и сам в молодости был переплетчиком. Михаил Ломоносов был сыном крестьянина, Кант был сыном шорника, а Фихте—сыном и внуком деревенского ткача. Великий математик и астроном Карл Гаусс был сыном мелкого ремесленника. Физик Ом, открытия которого составляют фундамент всей современной электротехники,—сын слесаря. Пельтье—автор важнейшего открытия в области учения о термоэлектричестве («явление Пельтье») — сын сапожника, а сам часовщик. Румкорф, изобретатель индукционного прибора (катушка Румкорфа), был сам рабочим и вышел из рабочей семьи. Стёрджон — физик, изобретатель электромагнита, один из первых конструкторов генератора и электродвигателя, автор ряда теоретических исследований — сын сапожника и сам сапожник. Харгрёвс — изобретатель прядельной машины («Дженни») — был по профессии плотником. Кромптон — изобретатель мюль-машины — был сыном ткача. Ньюкоммен — изобретатель атмосферической паровой машины, предшественник Уатта — был сыном плотника. Тревитик — изобретатель цилиндрического котла, паровой машины высокого давления, действующего парового насоса и др. — сын машинного мастера. Георг Стефенсон — изобретатель паровоза — сын горнорабочего и сам в молодости рабочий. Тельфорд — знаменитый архитектор, возведший ряд гидротехнических сооружений, мостов и т. п., — сын бедного крестьянина, сам батрак. Пастух Грамм — создатель динамомашины — был столяром. Хирам Максим — изобретатель станкового пулемета, газового регулятора, регенератора, карбюратора, насосов, счетчиков, грелок, бездымного пороха, воздушной и морской торпеды — был рабочим, токарем по дереву и т. д.

Говорить после этого об «органической» неспособности рабочих к научному и техническому творчеству, как это делают представители буржуазии,—значит просто лгать. Мы думаем, что удельный вес рабочих и крестьян в создании не только материальной, но и научной и технической культуры даже в эпоху капитализма чрезвычайно высок. К сожалению, никто этим вопросом серьезно не занимался.

В своем известном письме, адресованном «Рабочему парламенту», заседавшему в 1854 г. в Манчестере, Маркс, между прочим, писал:

«Миллионы рабочих Великобритании первыми заложили реальную основу нового общества—современную промышленность, которая преобразует разрушительные силы природы в производительные силы человека. Английский рабочий класс с непобедимой энергией, в поте лица своего и с напряжением мозга, вызвал к жизни материальные возможности облагородить труд и повысить его производительность до такой степени, чтобы сделать возможным общее благоденствие.

Создав неистощимые производительные силы современной промышленности, он выполнил первое условие освобождения труда. Теперь он должен выполнить другие условия. Он должен освободить эти благодетельные силы от постыдных оков монополии и подчинить их общему контролю производителей, которые до сих пор позволяли обращать против себя создаваемые ими ценности и превращать их в орудие собственного угнетения.

Рабочий класс победил силы природы; теперь он должен победить людей. У него достаточно сил для успешного завершения этого дела»¹⁾.

Говоря о том, что рабочие победили силы природы, что они создали современную промышленность и пр., Маркс, без сомнения, имеет в виду и всю современную технику, включая сюда технические изобретения и открытия.

Таким образом, почти все технические изобретения, обусловившие промышленный переворот и открывшие собой новую эпоху в истории человечества, были сделаны не «творящими» купцами, предпринимателями, капиталистами или банкирами, а талантливыми или даже гениальными рабочими: кузнецами, «механиками», ткачами, столярами, сапожниками и т. п. Это обстоятельство имеет само по себе огромное значение, поскольку оно лишний раз свидетельствует об огромных творческих силах «простонародья». Социализм же открывает для их развития и проявления самые широкие возможности, совершенно невиданные перспективы.

Кому не известно, что у нас имеется огромная, организованная 800-тысячная армия изобретателей и рационализаторов, отдающих свою творческую энергию на дело выполнения великих задач социалистического строительства. Если при капитализме все открытия и изобретения носят стихийный и «случайный» характер, то при социализме они вводятся или могут быть введены в русло планового творчества, ибо находится тот, кто ищет.

При капитализме трудящиеся массы были лишены возможности творить в «высших» областях культуры: философии, науке, литературе, поэзии, музыке, живописи и т. п., ибо для творчества в этих областях требуется, помимо таланта, значительное образование и большая подготовительная школа. Задавленные нуждой и гнетом трудящиеся не могли подняться до этих вершин, а буржуазия сознательно «культивировала» в массах невежество, всевозможные предрассудки, не допуская их к образованию. И тем не менее отдельные могучие таланты выбивались наверх и творили великие ценности.

V

Но что такое творчество? Что такое гениальность? Этими вопросами весьма усердно занимаются ныне многие буржуазные мыслители и ученые, которые, кстати сказать, окутали эту проблему густым туманом мистики. Под творчеством одни понимают беспричинное порождение нового, первозданного. Это понимание теснейшим образом связано с религиозными представлениями о творении мира богом. Другие, как например Бек в своем труде «Творческая философия», исходят из необходимости создания «новой культуры» на основе метафизики духа, или метафизики, в отличие от логического и алогического.

Дух, говорит он, по своей природе и сущности метафизичен, т. е. сверхлогичен. Философия духа покоится на метафизическом основании. Духовное, пишет он, стоит над временными и субъективными мнениями, оно только тогда приобретает вечную ценность, когда оно имеет своим источником сверхчеловеческую и сверхвременную сущность. И вот подобно тому,

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 260.

как логические истины благодаря логическому а priori имеют значимость независимо от опыта, так и духовная действительность имеет вечное значение благодаря априоризму духа.

Все это одна пустая словесность, без какого-либо конкретного содержания. Сам автор отказывается от дальнейшей конкретизации и какого-либо обоснования этого сверхлогического «духовного априоризма» на том основании, что в наше время привыкли мыслить логически, а средствами логики доказать эту бессмыслицу нельзя, с чем мы полностью согласны.

В металогическом априоризме заложены универсальный орган познания и синтетическая функция творчества. «Творческая философия» Бека представляет собой попытку преодоления логоса и жизни в высшем, абсолютном единстве, в некоем сверхлогическом «творческом синтезе». Это есть попытка преодоления «философии жизни» и логизма¹⁾. Его металогика составляет особую разновидность интуиции, которую он называет «супралогической интуицией». «Идея творческого в смысле нашей философии,— говорит он,— есть не что иное, как чистая форма, совершенное реальное выражение первозданной духовности. Она содержится в каждой подлинно творческой функции, в ней конституируется вечный смысл синтеза. Она не имеет никаких логических признаков, она может быть постигнута только духовно, как чистое единство»²⁾. Гениальность есть высшее выражение духовной жизни, абсолютно иррациональное явление этой жизни. Но в отличие от Шопенгауэра, видящего сущность гениальности в стремлении к интуитивному и художественному созерцанию вечных идей, Бек подчеркивает момент активности, момент творческой продуктивности, «динамического формирования жизни», но понятое чисто мистически.

Мы останавливаемся на Беке так долго только потому, что он, во-первых, выражает общую тенденцию современной буржуазной философии к иррационализму и интуитивизму и, во-вторых, что он, опять-таки в согласии с фашизмом, проповедует необходимость создания «новой культуры» на базе «духовной аристократии», в противоположность «духовной демократии».

Однако «аристократ духа» Бек не может отрицать, что «продуктивная способность» есть общечеловеческая функция и что каждый человек в той или иной степени может быть «творящим», творцом. Но он противопоставляет «гениальную оригинальность» «человеческой оригинальности». Как будто гений не человек, а бог! Как будто гениальность не присуща именно человеку!

От «супралогического интуитивизма» переходим к иррационалистическому интуитивизму Бергсона, базирующемуся на понятии *élan vital*. Жизнь в своем существе есть творческое развитие. В органической природе ничто не повторяется, а есть только деятельность, и притом или становящаяся деятельность, т. е. возникновение непредвиденных форм движений, или деятельность без становления, т. е. автоматизированное и строго детерминированное развитие. Двигательной силой развития является *élan vital*, т. е. взлет жизни. Эта сила «жизненного взлета» есть стремление к творчеству. Она составляет внутреннюю причину всякого творческого развития. Не только Бергсон, но и все современные неоромантики отрицают какую бы то ни было творческую роль разума, человеческого мышления.

¹⁾ Friedrich Beck «Schöpferische Philosophie». S. 121. 1933.

²⁾ Там же, стр. 162.

Материя и жизненная сила (*élan vital*) — два вечно борющихся друг с другом начала. Жизненная сила есть, по существу, движущий принцип творческого развития. Но она не может быть абсолютно творческой, так как она встречает на своем пути материю как силу, противодействующую ее направлению, ее целям. Стало быть, как мышление, так и материя являются, согласно Бергсону, статическими факторами, противоречащими и противодействующими всякому творческому развитию.

Учение Ницше о творчестве и гениальности вытекает, вообще говоря, из его принципиального противопоставления инстинкта интеллекту. Гений отличается от обыкновенного человека своим инстинктом, своей интуицией, которая, как и у Бергсона, составляет движущую силу творчества. В основе гениальности лежит бессознательно иррациональное начало; оно-то и побуждает гения к творческой деятельности. Смысл и цель культуры для Ницше и его современных последователей сводятся к созданию сверхчеловека, являющегося гением воли к власти¹⁾. Повидимому, подобными «гениями» воображают себя вожди фашизма вроде Гитлера. Народная масса мыслится ими как совокупность людей, выполняющих рабские функции и составляющих основание социальной пирамиды, возглавляемой и увенчиваемой новой аристократией сверхчеловеков — «героев».

VI

Карл Иоэль заявляет, будто Энгельс считал гения, великого человека «проклятием человечества». По его мнению, девятнадцатый век, в отличие от восемнадцатого, объявил гению открытую войну²⁾. Этим будто бы объясняется трагическая судьба Бодлэра, Верлена, Маларме, Клейста, Майнлендера, ван-Гога, Вейнингера, Гельдерлина, Мопассана, Ницше и др. В результате к концу девятнадцатого века гениальные личности почти совершенно исчезли, вымерли. Философ Иоэль крайне поверхностно подошел к столь интересному вопросу. Оставляя в стороне вопрос о том, все ли из названных имен могут быть причислены к гениальным людям, мы считаем нужным подчеркнуть, что вырождение великих талантов и гениальных личностей среди буржуазии нашего времени отражает эпоху упадка капиталистического строя в целом и вместе с тем ее творческой энергии, ее творческих сил. Этот факт, в сущности, косвенно подтверждается и самим Иоэлем.

Творческая личность отражает в своих творениях потребности, стремления и «характер» представляемого ею социального класса (или того или иного слоя его) через свою индивидуальность, психология которой более или менее аналогична с социальной психологией этого класса или слоя.

Возьмем Канта. Ланге-Эйхбаум делает о нем, правда, с точки зрения психиатра, следующие правильные замечания: «Позади объективности, безличности и холодности его произведений скрываются слабая эмоциональность и аффективность; страсти его слабы, эротика весьма незначительна, жажда борьбы малая... Разум (*die Ratio*) сильно развит: ум абстрактный, мало наглядности; он не является оптическим типом (*kein visueller Typus*), мышление типизирующе-логическое (шизотимическое). Отсюда его интеллектуализм и рационализм. Кант был от природы натурой депрессивной и робкой. Его склонность к меланхолии доходила до пресыщения жизнью. Эта робость и застенчивость, или, как Мюллер-Фрейнфельс выражается, мелко-

¹⁾ В раннюю эпоху своей деятельности основными типами гениев Ницше считал художника, философа и святого (см., кроме сочинений Ницше, W. Brock «Nitzsches Idee der Kultur», S. 64 — 83; 1930).

²⁾ Karl Joel «Wandlungen der Weltanschauung». B. II. S. 288. 1934.

буржуазность, вместе с приверженностью к справедливости, правдивости и любви к истине, — коротко говоря, робкое, боязливое приспособление к окружающему миру, скрываются позади категорического императива»¹⁾.

Очевидно, что между идеологом и представляемым им классом существует определенная «конгенность», что типические черты класса находят свое выражение в индивидуальной психологии идеолога. Личный характер Канта: слабая эмоциональность, аффективность, робость, бессилие, депрессивность, приспособление к окружающему миру, боязнь борьбы, слабость воли и гипертрофия абстрактного разума — все эти индивидуальные черты личности и характера Канта являются в то же время типическими чертами германского бюргерства его времени.

Маркс в своей характеристике «Критики практического разума» Канта подчеркивает, что в его философии отразились слабость и бессилие немецкого бюргерства, дошедшего только до «доброй воли». «Кант успокоился на одной лишь «доброй воле», — говорит Маркс, — даже если она остается безрезультатной, и перенес осуществление этой доброй воли, гармонию между нею и потребностями и влечениями индивидов в потусторонний мир»²⁾. Далее, Маркс подчеркивает соответствие между доброй волей Канта и бессилием, придавленностью и убожеством немецкого бюргерства, вытекавшими из его экономического положения.

«Характерную форму, которую принял в Германии основанный на действительных классовых интересах французский либерализм, — продолжает Маркс, — мы находим у Канта. Ни он, ни немецкие бюргеры, приукрашивающим выразителем интересов которых он был, не заметили, что в основе этих теоретических мыслей буржуазии лежали материальные интересы и воля, обусловленная и определенная материальными производственными отношениями; поэтому он отделил это теоретическое выражение от выражаемых им интересов, превратил материально мотивированные определения воли французской буржуазии в чистые самоопределения «свободной воли», воли в себе и для себя, человеческой воли, и сделал из нее таким образом чисто идеологические моральные постулаты и логические определения. Немецкие мелкие буржуа отшатнулись поэтому в ужасе от практики этого энергичного буржуазного либерализма, лишь только он проявился в форме ли террористического режима или бесстыдной буржуазной наживы»³⁾.

Таким образом, каждый класс выдвигает только таких вождей и идеологов, которые отражают его собственную «природу», не только его интересы, но и его идеи и психику, теснейшим образом связанные и обусловленные его положением в обществе, его чаяниями и стремлениями, надеждами и ожиданиями.

В своей работе «Две тактики социал-демократии и демократической революции» Ленин, характеризуя различие между резолюциями большевистского съезда и меньшевистской конференции, состоявшихся в 1905 г., пишет, между прочим, следующее:

«Резолюция съезда, в двух словах характеризуя общественно-экономическую основу революции, все внимание переносит на резко определенную борьбу классов из-за определенных завоеваний и на первый план выдвигает боевые задачи пролетариата. Резолюция конференции, длинно, туманно и путанно описывая общественно-экономическую основу революции, очень неясно говорит о борьбе за определенные завоевания и абсолютно оставляет в тени боевые задачи про-

¹⁾ W. Lange-Eichbaum «Genie, Irrsinn und Ruhm». S. 123. 1928.

²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 174.

³⁾ Там же, стр. 175—176.

летаризма. Резолюция конференции говорит о ликвидации старого порядка в процессе взаимной борьбы между элементами общества. Резолюция съезда говорит, что мы, партия пролетариата, должны произвести эту ликвидацию, что настоящая ликвидация есть только учреждение демократической республики, что эту республику мы должны завоевать, что мы будем бороться за нее и за полную свободу не только с самодержавием, но и с буржуазией, когда она будет (а она непременно будет) пытаться отнять у нас наши завоевания. Резолюция съезда зовет на борьбу определенный класс за точно определенную ближайшую цель. Резолюция конференции рассуждает о взаимной борьбе разных сил. Одна резолюция выражает психологию активной борьбы, другая — пассивного зрительства; одна проникнута призывом к живой деятельности, другая — мертвенным резонерством¹⁾.

Эта мастерская характеристика двух различных «психологий», психологии активной борьбы и психологии пассивного зрительства, будучи характеристикой лиц, является вместе с тем и характеристикой определенных социальных групп и классов: пролетариата и мелкой буржуазии.

В другом месте, в полемике с Бундом (в 1906 г.), Ленин говорит: «Революция есть удел сильных!» Свобода дается только сильным. Слабые всегда будут рабами. Если вы хотите революции, вы должны быть сильны! Всякие разговоры о слабости, о слабости пролетариата рассматривались Лениным как предательство революции. И этот замечательный, глубокий, золотой тезис «Революция есть удел сильных!» мог быть выставлен только сильным, могучим вождем могучего класса, бесстрашным полководцем великой армии бесстрашных бойцов.

«Революции, — пишет Ленин, — локомотивы истории, говорил Маркс. Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, сточки зрения узкой, мещанской мерки постепенного прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе. Предоставим оппортунистам «освободенской» буржуазии сочинять, из страха перед революцией и из страха перед прямым путем, обходные, окольные компромиссные пути. Если нас силой заставят волочиться по таким путям, мы сумеем исполнить свой долг и на мелкой будничной работе. Но пусть сначала беспощадная борьба решит вопрос о выборе пути. Мы окажемся изменниками и предателями революции, если мы не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь. Пусть оппортунисты буржуазии трусливо думают о будущей реакции. Рабочих не испугает мысль ни о том, что реакция собирается быть страшной, ни о том, что буржуазия собирается отшатнуться. Рабочие не ждут сделок, не просят по-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. VIII, стр. 49. 11-е изд. Разрядка всюду моя. — А. Д.

дачек, они стремятся к тому, чтобы беспощадно раздавить реакционные силы, т. е. к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства»¹).

В приведенных пламенных строках Ленина охарактеризован революционный народ, прежде всего пролетариат и его вожди. В этих строках опять-таки дают себя резко чувствовать пламенный революционный темперамент, могучий, цельный характер, необычайная сила, решительность, смелость, энтузиазм, вера в творческие силы пролетариата, в его революционную активность, беззаветность и бесстрашие передового бойца. От вождей Ленин требует широты горизонта, смелости в постановке революционных задач, беспощадной и беззаветной борьбы за поставленные цели, отказа от всяких сделок и компромиссов с врагом, клеймя слабость и колебания, бесхарактерность, ибо «революция есть удел сильных!» Ленин противопоставляет «стойкость пролетария» «бесхарактерности мелкого буржуа». Надо ли доказывать, что стойкость, твердость, решительность, непримиримость, смелость и т. п. пролетария, как и дряблость, бесхарактерность, боязливость, неустойчивость мелкого буржуа определяются их положением в обществе, всей совокупностью материальных и социальных условий существования этих обоих классов, — словом, что эти определения являются не только субъективно-психологическими, но и социальными «атрибутами» определенных классов!

Отличие же идеолога, вождя партии и класса от рядовых деятелей состоит в том, что идеолог, вождь «идет впереди стихийного движения, указывая ему путь», умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь поднимать стихийность до сознательности»²).

Ни один класс в истории, говорит Ленин, не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, которые руководили бы им. Подлинные вожди и идеологи класса суть те великие люди, гениальные личности, которые, опираясь на соответствующий класс, осуществляют стоящие перед ним исторические цели и задачи, осуществляют его идеалы, являясь в то же время идеальным воплощением и олицетворением типических качеств и черт представляемого ими класса. Разве можно себе представить, чтобы пролетарская революция была совершена и руководима бесхарактерными людьми, со слабой волей, лишенными пролетарской стойкости, непримиримости, твердости, решительности и инициативы?

Пролетарская революция, являясь по самому существу самой радикальной из всех имевших место в истории революций, требует вождей железной воли и гениального ума — великих творцов, какими и являются Ленин и Сталин. В этих образах перед нами особенно резко проявляется неразрывная связь личности с ее творчеством и руководимым ею классом, ибо для совершения данного дела, для осуществления данных целей требуется наличие таких качеств, которые «под силу» только определенным вождям, способным «субли-

¹) Ленин. Собр. соч. Т. VIII, стр. 104—105. 2-е изд. Разрядка моя. — А. Д.

²) Там же. Т. IV, стр. 341.

мировать» творческий гений класса. При таких условиях понятно, что личный гений Ленина или Сталина представляет собой потенцированный гений класса и что между вождем и классом существует определенная конгениальность.

VII

Проблема гениальности, одаренности и творчества с самых давних пор занимала человечество. На эту тему написаны тысячи книг и статей. Но до сих пор научного разрешения проблемы мы не имеем несмотря на существование ряда, вообще говоря, ценных работ, в том числе и экспериментальных. Вопросы, подлежащие разрешению в связи с этой проблемой, могут быть сведены к четырем основным вопросам:

1. Что такое творчество вообще? 2. Что такое гений? 3. Каково взаимоотношение гения и таланта? 4. Каково взаимоотношение гения и социальной среды? Проблему наследственности и связанные с ней смежные вопросы мы оставляем здесь в стороне. Как уже было сказано, по каждому из этих вопросов имеется обширная литература. Мы в этой связи остановимся лишь на втором и четвертом вопросах.

Начнем с вопроса о сущности гения. У римлян, как известно, гений — особый дух, гений-хранитель, под покровительством которого находится человек. Каждый город или союз людей имел своего гения. Это внешняя по отношению к самому человеку сила, которая им руководит. Мало того, гений — это тот «дух», который порождает человека (*qui genuit*). На протяжении дальнейшей истории понятие гения проделало сложную эволюцию, в рассмотрение которой мы входить не будем. Современное буржуазное понятие гения сложилось в восемнадцатом веке. Но оно сохранило до настоящего времени мистический привкус, с которым уже боролись французские материалисты в лице Гельвеция.

Три особенности в воззрениях буржуазных мыслителей и писателей на гения следует особо подчеркнуть. Первое, что гений есть откровение божества, и второе, что гений творит не сознательно, а инстинктивно, интуитивно, бессознательно. Это значит, что творит, собственно, не данная гениальная личность, а гений в личности, особый дух, над которым сам человек, в сущности, не властен. Наконец, почти все старые теории (в том числе и Канта), за небольшими исключениями, исходят из того, что гениальность присуща только художникам, поэтам, но отнюдь не ученым, философам, политикам и т. п.

Среди французских материалистов XVIII столетия вокруг вопроса о гениальности боролись две точки зрения: точка зрения Гельвеция и точка зрения Дидро. Гельвеций¹⁾ отвергал в явлении гениальности все таинственное, божественное внушение, иррационализм и интуитивизм. Существенное в гениальности он усматривал в комбинирующей способности к изобретениям и открытиям. Дидро занимал противоположную позицию. Для него сущность гения сводилась к «*l'activité de l'âme*», к особому рода инспирации, к деятельности инстинкта, «к творческой силе, подобной силе всемогущего в природе».

Взгляды Гельвеция заслуживают особого внимания благодаря их ясности, глубине и простоте. Нам кажется, что Гельвеций в анализе проблемы гениальности ближе к истине, чем великое множество других писателей и философов, писавших на эту тему, хотя полностью согласиться с его взглядами мы не можем.

«Слово гений, — пишет он, — происходит от *gignere, gigno*: я порожаю, я произвожу; оно всегда предполагает измышление, и

¹⁾ Гельвеций «Об уме». Русский перевод. 1917.

это — единственное качество, принадлежащее всем различным гениям. Измышления или открытия суть двоякого рода. Некоторыми из них мы обязаны случаю: так например открытием компаса, пороха и почти всеми открытиями в науке.

Существуют другие открытия, которыми мы обязаны гению: тут под словом открытие подразумеваются новая комбинация, новое соотношение, замеченное между известными предметами или идеями. Название гения дается в том случае, если идеи, вытекающие из этого соотношения, богаты истинами и полезны для человечества»¹⁾.

Гений, говорит Гельвеций, — это сверкающая молния, освещающая собой горизонт. Сила его заключается в той степени совершенства, которого достигают его открытия, и в плодотворности их для развития мысли и жизни. Звание гения присваивается человеку, открытия которого касаются предметов, общих и интересных для человечества. Чтобы получить титул гениального человека, «нужно родиться» в тот момент, когда благодаря своим талантам и открытиям человек может создать эпоху — в науке ли или в мире общественном.

Ум всегда предполагает изобретательность. Он представляет собой собрание новых идей и комбинаций. Гениальность есть высшая способность изобретательности и образования комбинаций. Гений связывает между собой большее число истин или идей и образует большую целостность из них чем другие. Но соединение большего числа истин предполагает и большее число комбинаций. Кроме этого от гения требуют объединения в одном принципе, в одной точке зрения бесчисленного множества истин.

Что же касается изобретательности, то «она обнимает и большой кругозор; она предполагает, следовательно, и большее упорство, торжествующее над всеми трудностями, и то дерзновение характера, которое прокладывает новые пути». Гельвеций проводит тонкое различие между талантом, светлым умом, обширным умом, проницательным умом и гением. Человечество не обязано ни таланту, ни светлостному уму какими-либо новыми открытиями. «Светлые умы не раздвигают границ нашего мышления». Талант есть способность ясной передачи идей другим людям. Обширный ум есть способность обозревать множество предметов. Проницательный ум касается немногих предметов, но углубляет их и «проходит в глубину то пространство, которое умы обширные проходят на поверхности». Гений — это прежде всего глубокий ум. Это — «умень сводить идеи, понятные сами по себе, к другим идеям, еще более простым и ясным, пока, наконец, не доходишь до последнего возможного разрешения. Тот, кто мог бы знать, — цитирует Гельвеций Формей, — до какого предела каждый человек доводит этот анализ, тот имел бы перед собой скалу глубины каждого ума»²⁾. Что же касается здравого смысла, то он не предполагает никакой изобретательности, никакого ума; ум начинается там, где кончается здравый смысл.

Если светлый или проницательный ум сам по себе еще не есть ум глубокий, следовательно, не есть еще гениальный ум, то это не исключает обратного, т. е. того, что гениальный ум не может совмещать в себе светлость и проницательность. «Гений подобно смелому мореплавателю ищет и открывает неизвестные области». В этом состоит его сущность и его призвание. Он освещает путь, по которому идет человечество ощупью, как бы в потемках ночи. Он идет впереди всех других.

Гельвеций подробно анализирует, далее, роль воображения и чувства

¹⁾ Гельвеций «Об уме», стр. 315. Русский перевод. 1917.

²⁾ Там же, стр. 347.

в творчестве человека. Сущность воображения состоит в новом сочетании и соединении образов, оно является изобретателем образов, подобно тому как разум является изобретателем идей. В своем чистом виде воображение применяется в художественном творчестве. Но на низшей ступени развития оно играет большую роль в качестве единственного органа познания, стремясь объяснить все явления природы при помощи образов, покуда этот род познания не сменяется опытом и наблюдением — разумом. В философии и науке воображение играет ничтожную роль. Здесь оно служит лишь для того, чтобы придать отвлеченным принципам и идеям больше ясности и изящества.

Под страстью Гельвеций понимает непрерывность однородных чувств: «Лишь вполне определенным страстям обязан человек теми пылкими душевными движениями и теми порывами, которые называют чувствами.

Человек одушевлен этими страстями, когда в его душе царит лишь единственное желание и властно повелевает другим подчиненным ему желаниям»¹⁾.

Сильные страсти побуждают к совершению мужественных, героических поступков и к созданию великих идей. «Сильным страстям мы обязаны изобретением и чудесами искусств, и их следует считать плодотворным зародышем и могущественным двигателем человека на великие дела». В этом пункте Гегель примыкает целиком к Гельвецию, говоря, что ничто великое в мире не совершается без сильных страстей. Страсти, говоря словами Гельвеция, составляют творческое семя ума. Только сильные страсти порождают великих людей. Страсти же, в свою очередь, движутся интересами — интересами ли личными или социальными, классовыми.

«Поддерживая постоянное брожение наших идей, они оплодотворяют эти самые идеи, которые в холодных душах остаются бесплодными и подобными семенам, брошенному на камень.

Страсти, сосредоточивая наше внимание на предмете нашего желания, заставляют нас рассматривать его с точек зрения, неизвестных другим людям, и заставляют героев задумывать и выполнять смелые предприятия, которые кажутся и должны казаться толпе безумными до тех пор, пока удача не докажет их мудрости.

Вот почему, как говорит кардинал Ришелье, слабая душа считает невозможными самые простые проекты, тогда как самые великие кажутся легкими для сильных душ; перед ними горы опускаются, тогда как для слабых холмики превращаются в горы»²⁾.

Гельвеций, говоря о героизме, делает одно интересное замечание, имеющее непосредственное отношение к нашей теме. Он говорит, что подлинный героизм возможен только в таком общественном строе, где интерес личный совпадает с интересом общественным. Нас здесь не интересует, в какой форме Гельвеций представлял себе эту гармонию личного и общественного интереса. Он не был ни социалистом, ни коммунистом. Очевидно, с нашей точки зрения, что такая гармония может существовать только при коммунизме, и поэтому естественно, что высшая степень героизма достигается только на его почве.

В учении Гельвеция о гениальности следует подчеркнуть еще один важный момент, который на первый взгляд может показаться в устах французского мыслителя XVIII столетия неожиданным: Гельвеций утверждает, что каждый класс имеет своих гениев. Вот его подлинные слова. «В самом деле, — говорит он, — если отдельные лица, составляющие общество, группируются

¹⁾ Гельвеций «Об уме», стр. 326.

²⁾ Там же, стр. 197. Разрядка моя. — А. Д.

в различные классы, которые для того, чтобы слышать и видеть, обладают различным слухом и различным зрением, то ясно, что один и тот же писатель, каким бы он ни был гениальным, не может равно нравиться им всем и что нужны свои авторы для каждого класса»¹⁾. Естественно, что в отношении великих исторических деятелей, политических вождей, это указание Гельвеция имеет сугубое значение.

Теперь обратимся к Канту. Для него «гений есть талант (природное дарование), который предписывает искусству правила. Так как талант,— продолжает он,— в качестве прирожденной продуктивной способности художника сам принадлежит к природе, то можно еще так выразиться: гений есть прирожденная склонность души (*ingenium*), через которую природа предписывает искусству правила»²⁾.

Не соглашаясь с Кантом в вопросе об ограничении гениальности сферой художественного творчества и о принадлежности таланта к природе, отвергая его антиисторизм и натурализм (Кант говорит о природе, игнорируя совершенно общественные условия), остановимся на других моментах в его определении гениальности. Первой особенностью гениальности он считает оригинальность. Поэтому нельзя «научиться» гениальности, нет таких правил, которые могли бы сделать человека гениальным. Его произведение, его творчество должно служить образцом и не может быть продуктом простого подражания. Гений в своей области делается законодателем; правила абстрагируются от результата его творчества, и таланты могут испытывать свои способности, руководясь как образцом его творениями. Сам же творец не знает, какими путями он пришел к идеям своего творчества, так как самое творчество лежит вне логического мышления: оно не укладывается в понятия. Здесь Кант делает крен в сторону мистицизма и иррационального, ссылаясь, между прочим, на понятие *genius* — руководящий дух³⁾.

В другом месте Кант пишет следующее: «Что-либо изобрести — нечто совершенно другое, чем что-либо открыть. Ибо то, что открывают, предполагается уже прежде существовавшим, оно только еще не было известно, например Америка до Колумба. Но то, что изобретают, например порох, совершенно не было известно до изобретателя, сделавшего его. И то и другое есть заслуга. Но можно также что-либо найти, чего совершенно не искали... тогда в этом нет никакой заслуги. Таким образом, талант изобретения есть гений. Но это имя присваивается всегда только художнику (*dem Künstler*), т. е. тому, кто умеет что-либо делать, а не тому, кто только много знает; но при этом художнику, не подражающему только, а способному создавать свои произведения первоначально (*ursprünglich*); далее, только такому художнику, произведение коего образцово, т. е. когда оно заслуживает в качестве примера стать предметом подражания. Следовательно, гений человека — «образцовая оригинальность его таланта» (в зависимости от того или иного рода продуктов искусства)⁴⁾. В дальнейшем Кант развивает идею, согласно которой органом гениальности является сила воображения, ибо только она имеет творческий характер и менее других способностей подчинена принуждению правил. Говоря об искусстве и художниках (*Künstler*), Кант имеет в виду, как мы видели, и изобретателей, а не только

¹⁾ Гельвеций «Об уме», стр. 358.

²⁾ Immanuel Kant «Kritik der Urteilskraft». S. 160, § 46. Vorländer.

³⁾ Он пишет: «Daher denn auch vermutlich das Wort Genie von Genius, dem eigentümlichen, einem Menschen bei der Geburt mitgegeben schützenden und leitenden Geist, von dessen Eingebung jene originalen Ideen herrührten, abgeleitet ist» (Кант. Там же, стр. 161).

⁴⁾ Immanuel Kant. «Antropologie in pragmatischer Hinsicht». S. 146, § 57. Vorländer.

художников слова или живописцев,— словом, всякого, кто способен сделать, создать что-нибудь новое и оригинальное.

На этом основании Кант отказывает в звании гения ученому,—например Ньютону, которого он ставил, вообще говоря, очень высоко, ибо Ньютон, как и всякий ученый, только открыл, но не изобрел то, что в природе существует и без него, а с другой стороны, наука есть область, где каждый может научиться всему, что открыл Ньютон. Иначе говоря, Ньютон мог передать все свои знания людям, а художник этого не может, ибо «Гомер или Виланд не могут сказать, как их фантастические и в то же время полные смысла идеи складываются в их головах, так как они сами этого не знают и никому другому сообщить этого не в состоянии».

В этой связи интересно остановиться на другом вопросе, затронутом Кантом в его «Антропологии». Это вопрос о предсказаниях, гаданиях и пророчествах.

Кант бичует римских поэтов за то, что они брали на себя миссию гадать и пророчествовать о будущем. Каким образом, пишет он, поэты могли прийти до того, чтобы считать себя вдохновенными (или одержимыми) и способными гадать о будущем и хвастаться тем, что они в своих поэтических припадках (*furor poeticus*) имеют внушения,— это может быть объяснено только тем, что поэт должен ждать благоприятного момента для наступления внутреннего настроения, при котором живые и мощные образы и чувства как бы сами притекают, а он сам держится при этом пассивно.

Гадание и пророчество Кант справедливо отвергает, признавая лишь научные предвидения (*Praevisio*). Способность предвидения интересует нас больше чем какая-либо другая, говорит он, так как она является условием всякой возможной практики и осуществления целей. Воспоминание — видение прошлого — совершается в намерении сделать благодаря ему возможным предвидение будущего. Эмпирическое предвидение есть ожидание сходных случаев и нуждается только в воспоминании наблюдаемых событий, как они обычно следуют друг за другом, а повторные опыты создают известные навыки в этом деле.

Кант, разумеется, совершенно прав, отрицая за поэтами, при всей их гениальности (а речь идет о гениях), права и способности вещания и пророчества о будущем, считая, что возможно лишь предвидение на основе науки. Но самую способность предвидения он представляет себе слишком упрощенно. Верно, что для того, чтобы предвидеть, надо уметь видеть и прошлое и настоящее, верно, что способность предвидения является условием всякой возможной и действительной практики. Но не совсем верно, что научное предсказание, или предвидение, ограничивается «воспоминанием наблюдаемых событий и ожиданием сходных случаев», хотя они и являются условиями возможности делать предсказания.

Это неверно по отношению к природе. В области социальных явлений дело обстоит еще сложнее, ибо здесь мы имеем дело с предсказанием наступления таких новых явлений или событий, которые до сих пор не имели места, хотя они, конечно, являются необходимым результатом прошлого. Научное предвидение смены, например, одной социальной формации другой, совершенно новой, на основании изучения законов развития старой формации, предвидение ее основных контуров и пр. не может быть подведено под простое «воспоминание наблюдаемых событий». Поэто-му мыслители и ученые, поднявшиеся до такой ступени предвидения нового, еще не бывшего, являются гениями. А если они еще и создают, формируют этот новый мир, то они тем паче являются гениями. В качестве художников (*Künstler*) — строителей целого нового мира — они с избытком удовлетворяют даже поставленным Кантом условиям.

Теория гениальности Шопенгауэра примыкает к теории Канта, но оч

идет вместе с тем своим путем, приближаясь к Платону. Его теория — чисто созерцательная. Тот род познания, говорит он, которое созерцает все существующее вне и независимо от всяких отношений, одно действительно в мире существенное, истинное содержание его явлений, не подвластное никакой перемене и поэтому на все времена с равной истиной познаваемое, т. е. идеи, составляющие непосредственную об'ективизацию сущности мира — воли, — этот род познания есть искусство, творение гения.

«Искусство повторяет воспринятые чистым созерцанием вечные идеи, существенное и непреходящее всех явлений мира, и, смотря по веществу, в котором оно их повторяет, оно является искусством образовательным, поэзией или музыкой. Познание идеи — его единственный источник, сообщение этого познания — его единственная цель»¹⁾.

Шопенгауер проводит резкую грань между наукой и искусством. Наука рассматривает объект в различных его отношениях и связях с другими объектами, она следует «закону основания». Совершенно иное назначение у искусства. «Оно выхватывает объект своего созерцания из потока мирового течения и ставит его изолированным перед собою; и это отдельное, бывшее в оном потоке исчезающей частицей, становится для него представителем целого, эквивалентом бесконечного множества в пространстве и времени; поэтому оно останавливается на нем одном; оно задерживает колесо времени: отношения перед ним исчезают; его объект — только существенное, идея. Поэтому мы прямо можем его определить как род созерцания предметов, независимо от закона основания, в противоположность прямо следующему за ним познаванию, представляющему путь опыта и науки. Этот последний род познания можно сравнить с бесконечной горизонтальной бегущей линией; а первый — с пересекающей оную в любом данном пункте отвесно. Идущий следом за законом основания есть разумный род воззрения, который в практической жизни, равно как и в науке, только имеет значение и силу; смотрящее помимо содержания означенного закона есть гениальное воззрение, которое в искусстве одно только имеет значение и силу. Первый род воззрения принадлежит Аристотелю, второй, вообще говоря, — Платону...»²⁾.

Таким образом, существо гения, по Шопенгауеру, состоит в преобладающей способности к созерцанию вечных идей и к полному забвению собственной особы и ее отношений. Отсюда вытекает и «совершеннейшая об'ективность» гения. Он должен быть «чистым познающим субъектом», ясным оком мироздания. Для гения познавательная способность есть солнце, озаряющее мир. Ученый, с точки зрения Шопенгауера (как и Канта), не может быть гением. Другое дело философ. В той мере, в какой философия является искусством, а философия есть, с его точки зрения, именно искусство, а не наука, философ есть художник и, следовательно, может подняться до вершины гениальности.

Шопенгауеровская теория гениальности теснейшим образом связана с его теорией познания и с метафизикой. Вся его теория проникнута созерцательностью. Основной порок ее коренится, далее, в приятии им учения Платона о существовании вечных идей, созерцание которых составляет сущность познания. Если для Шопенгауера гениальность есть способность раствориться, теряться в созерцании и освободить познание от служения воле, то здесь, очевидно, связь его тео-

¹⁾ Артур Шопенгауер «Мир как воля и представление», стр. 222. Перев. А. Фета. 1888.

²⁾ Там же, стр. 222—223.

рии гениальности с его метафизикой, требующей уничтожения воли, отречения от жизни.

Мы считаем, в противоположность Шопенгауэру и современным его последователям, что гениальность, поскольку речь идет о познавательной стороне дела, опирается не на познание изолированного объекта, а на познание связи, сущности и закономерности мира. В этом смысле и великий художник в творимых им произведениях дает в единичном, в индивидуальном образе типовые, общие закономерности и всесторонние связи индивидуального с неким целым. Естественно, что индивидуальный образ воплощает или должен воплощать в себе существенное, сущность этого целого. Что касается отношения познания к воле, шире — к практике, то познание беспредметно, если оно не содействует изменению мира.

Совершенно иную постановку вопроса находим мы у Гегеля, идеолога буржуазии в предреволюционную эпоху. Несмотря на то что его теория «всемирноисторических» личностей облечена в специфически гегелевскую терминологию и идеалистическую мистику, мы у него находим много правильного и глубоко верного. Обращает на себя внимание прежде всего, что Гегель подходит к проблеме великих людей с точки зрения истории, а затем, что для него историческая личность есть деятель, в сущности революционер, а не великий созерцатель.

Мы позволим себе передать его теорию на обыкновенном человеческом языке, не отступая в то же время, по возможности, от гегелевского текста, но только опуская слова вроде идеи, понятия, мирового духа и пр.

Гегель говорит следующее: выступление великих личностей в истории связано с разрушением существующей формы действительности, себя исторически изжившей¹⁾. Здесь возникает великая коллизия между существующими, признанными законами и правами, с одной стороны, и между возможностями, противоположными этой системе, нарушающими и разрушающими ее основы и действительность и вместе с тем скрывающими в себе новое содержание, которое существенно и необходимо. Эти возможности становятся историческими...

Великие исторические личности, которые ухватываются за новую, высшую форму действительности и делают ее своей целью, осуществляют ее, являются героями. Они заимствуют свои цели и свое призвание не из спокойной, существующей системы, не из освященного хода вещей. Их оправдание не коренится в существующем состоянии, в данном строе, а имеет совершенно другой источник. Это «скрытый дух», который стучится в двери настоящего, который до поры до времени живет в подполье (*unterirdisch ist*), который еще не стал действительностью, но стремится стать ею, для которого существующий мир представляет собой только скорлупу, включающую в себе другое ядро, чем то, которое принадлежит еще скорлупе. Но все, что отклоняется от существующего: намерения, цели, мнения, так называемые идеалы — в одинаковой степени отлично от существующего.

Деятельность носителей новых идеалов идет вразрез с существующими отношениями. Однако общие принципы и хорошие основания, представления, различающиеся от существующих, сами по себе не служат еще их оправданием. Истинной целью должно являться определенное содержание, и всемирноисторические личности, или герои, суть те, которые стремятся

¹⁾ На гегелевском языке это звучит так: «Формы действительности, развившей полностью свое понятие...»

не к мнимому и воображаемому, а к необходимому и правильному, те, которые знают, что необходимо для данной эпохи и что действительно созрело. Их удел — знать, что составляет необходимую высшую ступень мира, и это сделать своей целью и всю свою энергию употребить на ее осуществление. И они правы, потому что они проникательны, ибо они знают истину своего времени, а другие собираются вокруг их знамени, ибо они высказывают то, что созрело. Они являются в своем мире самыми проникательными и лучше других знают, что надлежит делать. И то, что они делают, есть истинно правильное.

Другие должны следовать за ними, потому что они чувствуют, т. е. если не вполне сознательно, то инстинктом чувствуют их правду. Их речи, их деяния — самое лучшее, что может быть сказано и сделано. Таким образом, великие исторические личности могут быть поняты только по занимаемому ими месту, но самое удивительное в них — это то, что они себя делают органами «всеобщего», т. е. исторической необходимости, выражая потребности объективного процесса развития.

Таково истинное отношение этой личности к объективному процессу развития. И этим отношением определяются сила, могущество, власть этих личностей, и поскольку они имеют цель, соответствующую потребностям эпохи, и стремятся к ее осуществлению, — на их стороне абсолютная правда.

Призвание вождей, или всемирноисторических личностей, по терминологии Гегеля, состоит прежде всего в том, чтобы осуществить поставленную историей цель; в этом они находят для себя полное удовлетворение. Они лучше других знают бессилие существующего, которое еще блещит, но составляет уже видимость действительности.

Но люди, т. е. новый класс, скажем мы, испытывают недовольство, неудовлетворенность; они относятся отрицательно к существующему, не будучи, однако, в состоянии высказать в ясной и определенной форме, чего они хотят. Исторические личности суть те, которые первые говорят людям, т. е. передовому классу, что именно они хотят.

Они стремятся только к осуществлению поставленных историй и ими самими, поскольку они познали ход истории, целей. Достижение цели дается неутомимым трудом. Ставя себе такие цели, они достаточно смелы, чтобы идти против мнения всех противников. Они не ищут личного счастья, а борьбы и труда во имя осуществления цели. Их деяния составляют их личность; их страсти — а ничто великое в истории не было создано без сильных страстей — заполняют, так сказать, всю их природу и образуют их характер. Но эти страсти, как выражается Гегель, суть «страсти их цели», т. е. они вложили весь свой характер, свой гений, все свое существо в эту цель. Поверхностному взгляду дело представляется так, будто они следуют только своим страстям, но то, что они хотят, — это осуществление необходимой цели. И в этой цели, в этом «всеобщем», как говорит Гегель, их п а ф о с. Отсюда именно — сила страсти, напряженность воли и энергия, которые отличают вождей. Без этого они не могли бы совершить ничего великого.

Цель страсти и цель идеи одна и та же. Страсть — это единство характера и «всеобщего», т. е. идеи, цели. Человек, который совершает что-либо великое, должен вложить в это дело всю свою энергию. Он весь, целиком предан своей цели, он как бы растворяет в ней свою личность. Страсть — это энергия самой цели и определенность данной воли, это как бы род естественной силы, заставляющей человека вложить всю энергию в свое дело. Эту страсть называют энтузиазмом¹⁾.

¹⁾ Hegel «Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte». B. I. S. 75—79.

VIII

Резюмируя сказанное по вопросу о гениальности, мы считаем нужным подчеркнуть в этой связи ряд отдельных моментов, оставляя за собою право вернуться к вопросу о творчестве вообще в другой раз.

Мы полагаем, что гениальность, как и творчество вообще, имеет своим источником аккумулированную творческую энергию. Это относится одинаково как к отдельным личностям, так и к целому общественному классу. Если взять рабочий класс, то его раскрепощение после пролетарской революции открывает выход накопившейся в течение сотни или сотен лет творческой энергии, всячески подавлявшейся при капитализме. Гений класса пробуждается в процессе его борьбы за новый общественный строй и новую культуру.

Развитие продуктивных способностей, талантов, творческих сил, интеллекта определяется развитием общественных отношений. Говоря о категории творчества, которая при социализме играет особую роль и приобретает особое значение, необходимо в то же время помнить, что под'ем всех творческих способностей возможен только на базисе определенных материальных условий, в результате борьбы за высшие формы жизни. Исторически неизбежное наступление высшей формы жизни и под'ем интеллекта борющегося за нее класса тесно связаны друг с другом. Процесс формирования нового общества, строительства социализма, является в то же время процессом формирования нового сознания, процессом под'ема развития интеллекта целого класса, процессом развязывания всех его творческих сил и способностей.

В чрезвычайно интересной главе «Господин и раб» (в сочинении «Феноменология духа») Гегель со своей, правда, идеалистической, точки зрения показывает, как раб в процессе труда формирует свое сознание и поднимается над господином. Творчество материальных ценностей, составляющее, так сказать, общественное призвание рабочих, неизбежно ведет в процессе исторического развития к наступлению той новой ступени, где оно должно слиться с творчеством духовным—научным и художественным. Зачатки этой новой, высшей ступени культуры мы уже видим в Советском союзе, где складываются элементы будущего цельного человека.

С понятием гениальности индивида, помимо момента творческой оригинальности, о чем уже говорилось, связаны еще полнота представлений и всесторонность связей. Гениальный ум представляет себе мир полнее, всестороннее, яснее чем обыденный человек.

Можно ли свести гениальность к чрезмерно развитой фантазии и к деятельности какого-то бессознательного начала в человеке? Нам представляется, что такая постановка вопроса неправильна. Допущение бессознательного граничит с мистикой, ибо оно предполагает наличие в человеке какой-то особой субстанции, особого «духа», действующего самостоятельно и диктующего интеллект своим законам.

Что касается роли фантазии, то ее не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. В. И. Ленин любил ссылаться по этому вопросу на Писарева, с которым он солидаризировался в оценке роли фантазии или воображения. Что же говорит Писарев? «Если бы человек,—пишет он,—был совершенно лишен способности мечтать... если бы он не мог изредка забежать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками,—тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до

конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...»

Очевидно, что фантазия, или воображение, в этом случае «обгоняет, — как выражается Писарев, — естественный ход событий». И Ленин высмеивает тех, кто отрицает роль фантазии в творчестве человека. Но фантазия фантазии рознь. Если фантазия работала в направлении естественного хода событий, то она полезна; она дает возможность забегать вперед и созерцать воображением целостную картину будущего творения. Если же она идет в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти, то это—пустое фантазерство. Стало быть, фантазия (или воображение) должна опираться на естественный ход событий, мысленно, так сказать, продолжить его до цельной картины, исходя из имеющихся в настоящем одних только элементов этой картины.

Словом, работа фантазии, воображения должна протекать под контролем интеллекта, направляющей идеи. «Нелепо отрицать роль фантазии в самой строгой науке»,—говорит Ленин. Что же говорить после этого о роли фантазии в искусстве? От крупного художника требуется, чтобы он обладал живым воображением, богатой фантазией, ибо художник по самому существу своего творчества создает обобщенные, типические образы, в которых воплощены, однако, определенные идеи. Следовательно, образ подчинен так или иначе идее, ибо между образом и идеей существует определенное соответствие, при котором идее принадлежит «руководящая роль». Здесь незачем дальше доказывать, что идея, в свою очередь, является продуктом определенной действительности, которая в идее получает или должна получать правдивое, адекватное выражение. Таким образом, теоретическое познание и художественное изображение мира тесно связаны между собой. Без глубокого и тонкого знания мира нельзя создавать великих художественных произведений.

Вряд ли можно отрицать роль фантазии, воображения у великих вождей человечества, у гениальных политических деятелей, у выдающихся полководцев и т. п. На примере Ленина мы видим, что его «воображение» постоянно забегало вперед и предвидело «в цельной и законченной картине» будущее творение великого мастера революции. Но можно возразить, что у них речь идет о научных предвидениях, о забегающей вперед мысли, а не только воображении, об определенных перспективах, являющихся выражением и результатом строгого научного анализа действительности.

Безусловно верно, и это мы как раз и доказываем, что интеллект у гениальных мыслителей, как Ленин и Сталин, играет основную роль, что они люди интеллекта прежде всего.

Мы потому несколько задерживаемся на этом вопросе, что многие исследователи склонны преувеличивать значение фантазии, видя в ней единственный источник всякого творчества и отрицая за интеллектом, за разумом роль творческой силы. Нет сомнения, что творческая фантазия, как мы это показали, играет большую роль во всех областях, хотя не в одинаковой степени. Творческая фантазия в области искусства играет, конечно, несравненно большую роль чем в науке. Для всякого творчества требуется высокоразвитая способность к ассоциациям и комбинированию, способность к пластическим живым представлениям, способность к «выдумке» и пр. Но в то же время нет подлинного творчества—особенно в науке и политике—без способности к высоким абстракциям, что является уже выражением деятельности интеллекта в собственном смысле слова.

Всякое рождение и возникновение качественно нового в природе и обществе связано с «перерывом постепенности», т. е. со скачком. Творче-

ство нового предполагает скачок и в ходе мышления или воображения. На этом основании некоторые исследователи утверждают, что бессознательное мышление является источником этого скачка, получаемого в результате накопленных воспоминаний, носящих некоторым образом характер галлюцинаций и действующих в качестве самостоятельных сил. Логическая цепь мыслей или идей является следствием накопленных воспоминаний, порождающих этот скачок к новому, до тех пор неизвестному. Так рождаются новые идеи или изобретения, открытия и т. п. Однако вряд ли можно согласиться с таким пониманием творческого процесса. Нет сомнения в том, что «воспоминания», т. е. накопленный опыт и способность к ассоциациям и к новым «комбинациям», играют значительную роль в деле творчества, но накопленный опыт вовсе не должен лежать где-то в сфере бессознательного, наоборот, он мыслится или осмысливается под углом зрения новой проблемы, новой подлежащей решению задачи интеллектом.

Правда, у человека богатого, обширного опыта его воспоминания и ассоциации действуют с известным «автоматизмом», т. е. обладатель их легко и свободно ими распоряжается, без особого умственного напряжения вызывает их к жизни, но это отнюдь не значит, что бессознательная сфера действует сама по себе как некая чуждая сознанию сила, разрешая самостоятельно задачу, что в ней происходит скачок или взрыв нового без участия сознания. Тут мы подходим к вопросу о роли интуиции, которой придается особое значение многими писателями современности (например Бергсоном).

Всякое знание, утверждают они, возможно лишь благодаря интуиции, понимая под ней непосредственное знание, получаемое путем простого внутреннего созерцания или видения, в противоположность дискурсивному, логическому мышлению через посредство понятий. С точки зрения тех, кто защищает интеллектуальную интуицию (которую не следует смешивать с чувственной интуицией, т. е. с созерцанием чувственных объектов), предполагается, что человек способен созерцать понятия. Такая позиция насквозь мистична, ибо созерцать, например, идею или понятие человека невозможно, можно созерцать лишь конкретного, чувственного человека, т. е. то, что имеет материальное бытие. Но под интуицией понимают еще способность делать заключения путем минования, «перепрыгивания» через ряд ступеней в логической цепи рассуждения.

Нам представляется, что «рациональное зерно» интуиции состоит в этой возможности минования промежуточных звеньев и что это обстоятельство и подало повод к утверждению, будто можно обойтись без дискурсивного мышления, что человек познает через внутреннее созерцание идей. Но в «рациональной интуиции» нет ничего мистического, ибо она предполагает проделанный уже неоднократно опыт, который может быть сразу освещен при новых условиях. Это как бы молчаливый скачок через давно преодоленное препятствие, которое не требует уже повторного опыта. Это сокращенный путь, по которому следуют обычно крупные и гениальные люди.

Очевидно, что способность быстро схватывать сущность явлений, внутренний их смысл гениальным умом предполагает сокращенный, но именно потому и чрезвычайно конденсированный опыт и напряженный, интенсивный способ мышления.

Товарищ Сталин в своих статьях и речах о Ленине дает много материала для освещения нашей проблемы, для характеристики пролетарского гения. В своей речи о Ленине на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 г. товарищ Сталин приводит два особенно характерных факта для иллюстрации своей мысли о гениальной прозорливости и «головокружитель-

ной» смелости революционных замыслов Ленина. Первый факт — это Октябрьское восстание. Охарактеризовав тогдашнюю обстановку, товарищ Сталин говорит: «Что значило поднять восстание в такой момент? Поднять восстание в такой обстановке — это значит поставить все на карту. Но Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистской войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистскую в войну гражданскую, что восстание даст республику советов, что республика советов послужит оплотом революционного движения во всем мире»¹).

Второй факт касается переговоров Ленина и Сталина с главнокомандующим Духониным в первые дни после Октябрьской революции относительно прекращения военных действий и открытия мирных переговоров с немцами. «Духонин и Ставка, — рассказывает товарищ Сталин, — категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 12-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдем на радиостанцию, — сказал Ленин, — она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки».

Это был «скачок в неизвестность». Но Ленин не боялся этого «скачка», наоборот, он шел ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.

Известно, что это революционное предвидение Ленина также сбылось впоследствии со всей точностью.

Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий — это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения»²).

Характеризуя Ленина как гения революции, товарищ Сталин, таким образом, подчеркивает, помимо его головокружительной смелости, ясновидящий взор, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл событий, гениальную прозорливость, способность на основании изучения законов развития предугадывать события и т. п. В этих определениях выражена и раскрыта сущность гения пролетарской революции, представляющего, с нашей точки зрения, высшую ступень гениальности вообще.

Говоря о способности Ленина предугадывать события, «видеть ясновидящим взором» картину будущих событий, товарищ Сталин в то же время подчеркивает, что Ленин знал, как будут разворачиваться события.

¹) Сталин «О Ленине», стр. 28—29. 1934.

²) Там же, стр. 29—30.

Этим мы хотим сказать, что «интуиция», понятая как предвосхищение путем простого, непосредственного внутреннего «видения» будущей картины в ее цельности и завершенности, покоится также на недоразумении. Совершенно верно, что пролетарский гений предвосхищает будущее, отличается высшей степенью прозорливости. Но неверно, будто эти особенности вытекают из мистической способности непосредственного видения целостной картины без участия дискурсивного логического мышления.

Можно различать два типа гения: аналитический и синтетический. Не вдаваясь здесь в анализ этих типов, считаем нужным подчеркнуть, что гении, подобные Ленину и Сталину, являются одновременно гениальными аналитиками и синтетиками, т. е. диалектиками. Это особенность пролетарского гения. Товарищ Сталин останавливается в упомянутой речи на силе логики Ленина: «Логика в речах Ленина—это какие-то всесильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал». И в самом деле, всякий, кому приходилось слушать Ленина, испытал это чувство на самом себе.

Попробуйте анализировать какое-либо произведение Ленина — и вы убедитесь в этой необычайной силе его логики. Он анализирует подлежащий обсуждению предмет до самых мельчайших подробностей, сводит его, так сказать, к первичным, самым простым «химическим элементам», раскрывает все связи и отношения. В этой способности анализа — огромная сила Ленина. С этим связаны та «простота и ясность аргументации» Ленина, о которой говорит товарищ Сталин. Анализ Ленина делает изучаемый предмет насквозь прозрачным. Сила его анализа напоминает рентгеновские лучи, делающие возможным просвечивать насквозь то или другое тело. Этой удивительной способностью отличается и товарищ Сталин. Товарищ Сталин пишет о Ленине следующее: «...Никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их как на ладони»¹⁾.

Эта замечательно тонкая и глубокая характеристика Ленина как ясновидца, предугадывающего движение классов и вероятные зигзаги революции, видящего их как на ладони, ставит перед нами другую проблему: в чем источник этого ясновидения? Мы выше подчеркнули огромные аналитические способности Ленина, способность просвечивать действительность, видеть ее насквозь, разложить ее на все составные элементы и вскрыть их внутренние связи, проникнуть в сущность действительности, проявлением которой являются события, происходящие на поверхности жизни. Но это только одна сторона дела.

Ленин был не только аналитическим умом. Он обладал в то же время величайшим конструктивным, синтетическим умом, способным сконструировать в мысли новую действительность, как она в силу определенных законов должна будет реально сложиться в будущем, с учетом, разумеется, сознательного вмешательства, ожесточенной борьбы за поставленные перед партией и руководимым ею классом задачи, равно как и возможных диверсий и неизбежных действий всех других классов. Такое ясновидение является результатом глубочайшего и всестороннего знания жизни со всем ее богатством красок и цветов, всех связей и отношений экономических, политических, идеологических и пр.

¹⁾ Сталин «О Ленине», стр. 28.

Гений пролетарской революции должен быть, по самому существу, высшим типом гения, уже в силу необычайной сложности объекта его творчества. Он должен быть в известном смысле универсальным гением. Этого требует самый характер, «природа» пролетарской революции, ибо здесь речь идет о радикальном переустройстве всего мира, о разрешении задач такого объема, такого охвата, какие в истории еще не стояли перед человечеством. Товарищ Сталин говорит, что, для того «чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически организационным опытом пролетарского движения».

Вождями пролетарской революции, успешно строящей социалистическое общество во враждебном окружении, могут быть только творческие гении и герои.

Ленин, пишет товарищ Сталин, был руководитель высшего типа, горный орел, не знавший страха в борьбе и отличавшийся головокружительной смелостью. Героизм есть особый вид гениальности. Конечно, как героизм, так и гениальность различаются по степени. Существуют различные степени героизма и гениальности. Каждый рабочий-ударник, не жалеющий своих сил для осуществления социалистического переустройства общества, есть в той или иной степени и герой и творец. Специфическое отличие героя состоит в том, что он ставит на карту не только свои творческие силы, но и самую жизнь для осуществления великой исторической цели.

Можно быть гениальным композитором, поэтом, ученым, не будучи ни в малейшей степени героем. Но нельзя быть вождем пролетарской революции, не будучи одновременно и гением и героем. Герой презирает опасности, самое его призвание состоит в преодолении опасностей, препятствий и трудностей, в борьбе с ними, в покорении и подчинении враждебных сил, будут ли то стихии природы или социальная стихия в лице враждебных классов. В том и в другом случае герой ставит на карту все свое существо. Герой пролетарской революции выдается своими творческими силами и дарованиями, широтой горизонта и богатством идей,—внутреннего духовного содержания. Он является носителем интеллекта и воли целого класса. Высшая степень развития умственных сил связана у него с могучим хотением, с титанической волей, направленной на уничтожение старого и построение нового мира. Гениальная прозорливость и могучая воля—вот два самых существенных признака истинного вождя пролетарской революции.

Но гений является продуктом общественной жизни. В этом смысле Гегель и говорит о том, что гений, или герой, выражает в сознательной форме то, что назрело в объективных условиях действительности, но что только смутно всеми чувствуется или полусознательно переживается. Гений говорит людям о том, что они хотят, но чего они не сознают. Он знает то, чего другие не знают. Он открывает исторически необходимые, созревшие и указывает людям, т. е. своему классу, те пути, которые ведут к цели, становясь в то же время во главе движения.

В своей беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом товарищ Сталин разъяснил, что марксизм не отрицает роли героев, выдающихся личностей в общественной жизни. Люди делают историю. «Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить. Если они этих условий не понимают и хотят эти условия из-

менить так, как им подсказывает их фантазия, то они, эти люди, попадают в положение Дон-Кихота».

Истинно великим человеком, героем истории является только тот, кто ведет свой класс, а вместе с ним и все общество вперед, к высшим формам жизни.

Творчество пролетарского гения — и в особенности гения революции — является ярким выражением «сублимации» творчества самих масс. В его лице творчество масс достигает высшего напряжения и осознания. Характеризуя отношение Ленина к творчеству масс, товарищ Сталин пишет следующее:

«Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин».

«Отсюда пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, которые старались свысока смотреть на массы и учить их по книжкам. Отсюда неустанная проповедь Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс.

Вера в творческие силы масс — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции»¹⁾.

Вера Маркса, Ленина и Сталина в творческие силы и способности пролетариата образует составную часть их мировоззрения. «Вера» эта является выводом, обобщением громадного исторического опыта классовой борьбы пролетариата.

Подлинный гений — великий творец. Гений определяется Гете как продуктивная сила, которая создает деяния, имеющие долговечность. Гете особо подчеркивает значение действительной продуктивности. Творчество пролетарских гениев отличается в высшей степени характером действительной продуктивности. Их деяния жизненны и долговечны, уходя глубоко в будущее истории.

Конструктивный гений Сталина, например, находит свое наиболее полное выражение в действительной продуктивности всестороннего творческого руководства строительством нового мира, с новой, высшей, социалистической культурой, поднимающей человечество на новую, высшую ступень.

В применении к пролетарскому гению особенно верно и метко определение «человек из гранита». Ленин и Сталин — люди из гранита. Поэтому и созданная ими партия — партия из гранита. Такая партия, составляющая передовой отряд великого рабочего класса и руководимая гениальным вождем, не может не отличаться стальной волей к победе социализма во всем мире и не может не победить.

Пролетарская революция означает присвоение пролетариатом производительных сил, а присвоение им совокупности производительных сил означает, говоря словами Маркса, присвоение им совокупности собственных творческих сил всех трудящихся и впервые создает условия для создания нового, высшего типа культуры, где каждый человек будет принимать активное участие в коллективном труде и творчестве высших культурных ценностей.

Если Гельвеций утверждал, что талант (не гениальность, конечно) есть общее достояние и что поэтому его развитие зависит от внешних благоприятных условий, т. е. от искусства воспитания, то основная ошибка его состояла в том, что эти внешние благоприятные условия он

¹⁾ Сталин «О Ленине», стр. 27.

сводил к форме политического правления, не понимая еще сущности общественных отношений. В государствах деспотических, говорит он, нужно отказать от надежды создать людей, выдающихся добродетелями или талантами. В государствах монархических можно рискнуть на такое предприятие с некоторой надеждой на успех. Но, очевидно, в государствах республиканских Гельвеций считал возможным добиться в этом отношении большего успеха. «Великие люди, бывшие до сих пор результатом слепого стечения обстоятельств, станут результатом деятельности законодателя; тогда, оставляя меньше места случаю, превосходное воспитание будет в состоянии бесконечно умножать в больших государствах и таланты и добродетели».

Задача, поставленная Гельвецием, может быть выполнена только при социализме, где искусство воспитания, понимаемое в широком и всеобъемлющем смысле, действительно может дать те результаты, о которых говорит Гельвеций. Ибо в социалистическом обществе осуществлено то «присвоение производительных сил», влекущее за собою присвоение и развитие совокупности способностей и талантов, которое было впервые поставлено Марксом и реализовано в нашей стране под гениальным руководством Ленина и товарища Сталина. Гений рабочего класса начинает расправлять свои крылья и выявлять свои творческие способности в борьбе с буржуазией за новый, социалистический строй общества.

Вера Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина в творческие силы пролетариата есть признание гения класса, есть уверенность в том, что заложенная в нем творческая энергия при достаточно развитых материальных условиях общества обеспечивает преодоление всяческих трудностей на пути строительства социализма и сама является важнейшим залогом победы социализма. Искусство воспитания при социализме приобретает решающее значение. Только социалистическое общество, где частный интерес совпадает с общественным интересом, может действительно осуществить тот идеал «бесконечного умножения талантов и добродетелей», которого Гельвеций тщетно ожидал от «законодателя».

Проблема формирования и всестороннего развития творческих сил и продуктивных способностей самого человека может быть поставлена во всю ширь и может быть разрешена только в социалистическом обществе, имеющем для этого все материальные предпосылки.

Наша страна — пока первая и единственная в мире — вступила на этот путь. И мы глубоко уверены, что «искусство воспитания» талантов и творцов в различных областях человеческой деятельности, будучи поставлено на рациональных и научных основаниях, при глубоком изучении и освещении сущности и «механизма» творчества, даст необозримые результаты в смысле развития творческих способностей и талантов людей.

Член социалистического или коммунистического общества — прежде всего — сознательный творец новых ценностей, талантливый строитель социалистической культуры. В социалистическом обществе гений человечества, о котором Ленин говорит, что он до сих пор творил в пользу незначительного меньшинства общества, пользуясь теперь всей совокупностью высокоразвитых производительных сил общества, сливается со всей совокупностью творческих сил общества и становится всеобщим достоянием.

Борьба за капиталистическую собственность в буржуазной революции

И. Вирская

«Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности», — писал Маркс.

Капиталистическая собственность является основой буржуазного строя. Защита и охрана капиталистической собственности составляет содержание буржуазного государства, права и, в конечном счете, идеологии.

Революционная борьба пролетариата против буржуазии, против системы капиталистической эксплуатации, против капиталистического государства, направлена на уничтожение частной собственности, революционную замену ее социалистической собственностью. «В движении частной собственности дан как эмпирический, так и теоретический фундамент не только политической экономии, но и всего революционного движения»¹⁾.

Великая пролетарская революция 1917 года привела к свержению буржуазии, к установлению пролетарской диктатуры, к уничтожению капиталистической собственности. Рабочий класс под руководством коммунистической партии, в условиях ожесточенной классовой борьбы преодолевая бешеное сопротивление разбитых эксплуататорских классов, воздвиг невиданное здание нового общественного строя, основой которого является социалистическая собственность.

Пролетарская социалистическая революция приводит к ликвидации капиталистической собственности. Буржуазная революция, наоборот, завоевывает условия свободного развития капиталистической собственности. В этом, в конечном счете, основной исторический смысл буржуазной революции. С исключительной яркостью и силой это показывает классическая буржуазная революция — Французская революция 1789 года, утвердившая в наиболее чистом виде господство буржуазии и буржуазных отношений собственности несмотря на сверкающее оперение ее «всеобщих» лозунгов свободы, равенства и братства.

Великая социалистическая Октябрьская революция 1917 года и буржуазная Французская революция 1789 года отличаются друг от друга в самом главном и основном: в них завоеваны и утверждены два противоположных мира, две противоположные общественные системы, две противоположные формы собственности.

Еще до буржуазной революции в недрах феодального строя вызревают капиталистические отношения собственности, вовлекающие в свою орбиту старые господствующие классы, как это было, например, в Англии, с «новым дворянством». Социалистическая революция начинается, наоборот, при от-

¹⁾ К. Маркс «Подготовительные работы для «Святого семейства». Соч. Т. III, стр. 622.

существованию готовых форм социалистической собственности. Поэтому, как указывает товарищ Сталин, «... основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую социалистическую экономику»¹⁾. Поэтому буржуазная революция обычно завершается захватом власти, а для пролетарской революции захват власти является лишь ее началом.

Буржуазные отношения собственности, исторически прогрессивные в конце XVIII века, выступают против прогнивших основ феодального строя. Но буржуазная собственность несет трудящимся новые формы эксплуатации и порабощения. Буржуазная революция сменяет одних эксплуататоров другими, но не уничтожает эксплуатацию.

Диктатура пролетариата, уничтожая частную собственность, создавая и укрепляя собственность социалистическую, приводит к уничтожению всякой эксплуатации человека человеком. Пролетарская революция в противоположность буржуазной разбивает старую, эксплуататорскую государственную машину, «снимает с власти» помещиков, капиталистов, кулаков, «ставит к власти» рабочий класс. Поэтому пролетарская революция и борьба за социалистическую собственность вызывают беспримерную в истории остроту и напряженность классовой борьбы.

Печать ограниченности и внутренней противоречивости лежит на буржуазных революциях, в том числе и на революции 1789 года. Буржуазия, борющаяся в 1789 году против феодализма и феодальной собственности, проявляет непоследовательность в этой борьбе: боится революционных вторжений масс в феодальную собственность, стремится ограничить революцию. Трудящиеся массы не могут быть сплочены вокруг буржуазии на длительный период: они идут дальше буржуазии в борьбе с феодализмом, стремясь довести борьбу до конца; они выставляют новые требования.

Но революционные завоевания трудящихся использует буржуазия, направляя против них всю силу своего классового господства. Это продолжается до тех пор, пока во главе трудящихся не становится их действительный вождь и руководитель, единственный до конца последовательный и революционный рабочий класс.

* * *

Французская революция конца XVIII века является классическим образом борьбы за капиталистическую собственность, за новый способ производства, за буржуазное государство. «Франция в великой революции разгромила феодализм и основала чистое господство буржуазии в таком классическом выражении, как ни одна другая из европейских стран»²⁾.

Французская революция подняла к жизни и к революционной деятельности огромнейшие пласты народных масс.

Ленин указывает, что Французская революция дала «наиболее демократическое решение очередных вопросов перехода от феодализма к капитализму»³⁾. Эта революция была доведена до уничтожения феодальной собственности, до полной, открытой победы капиталистической собственности.

Ко времени революции капиталистический способ производства созрел в недрах старого французского общества.

Это можно видеть на эволюции феодальной ренты, приведшей в основном французскую деревню конца XVIII века к денежной ренте и отражаю-

¹⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 196. 9-е изд.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III. Изд. 1921 г. «Исторические работы», стр. 131, 132. Предисловие Энгельса к книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XVII, стр. 151.

щей разложение феодальных отношений, постепенную замену их договорно-денежными отношениями.

Во французской деревне конца XVIII века целый ряд форм личной зависимости уже не имел применения и личные привилегии сеньоров были заменены денежными поборами. Широко практиковалась сдача сеньорами в аренду ростовщикам и скупщикам взимания денежных поборов с крестьян.

Основным противоречием феодализма было антагонистическое противоречие между феодалом, собственником земли, присваивающим продукт производства непосредственных производителей, и крепостным крестьянством, лишенным решающего условия производства — земли.

Помещики-сеньоры Франции выколачивали из крестьян платежи, реализуя свое монопольное право собственности на землю, пользуясь методами внеэкономического принуждения. Этот процесс протекал при усиленной и жадной эксплуатации крестьянина ненасытным ростовщиком. С ростом, правда, чрезвычайно медленным, производительных сил и с развитием обмена увеличивался процесс расслоения крестьянства, хотя Ленин подчеркивает, что к тому времени во Франции далеко еще «не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат»¹⁾.

XVII и XVIII века во французской деревне полны также захватами общинных крестьянских земель со стороны сеньоров, что особенно разоряло беднейшие слои крестьянства.

Революционная борьба крепостных крестьян шла против феодально-земельной собственности, против феодальной ренты, против феодального государства, закрепляющего внеэкономическое принуждение, которое характеризовало производственные отношения феодализма. Крестьяне боролись за развитие свободной крестьянской собственности, за мелкое товарное производство. Но, выступая за свободное развитие мелкого товарного производства, крестьяне тем самым объективно боролись за создание условий для развития капиталистической собственности.

«Освобождение страны от абсолютизма и от помещичьих крепостнических привилегий давало на деле свободу развития капитала»²⁾, — пишет Ленин о революции 1789 года во Франции.

Крестьяне, выступая решающей силой буржуазной революции 1789 года, не имели еще руководителя в лице организованного пролетариата: они совершали революцию под руководством и гегемонией буржуазии. Буржуазия же, подхватив требования мелкого товарного производства (неприкосновенность собственности, равенство товаропроизводителей), обратила эти требования в свою пользу, на защиту капиталистической собственности, на ликвидацию феодальной собственности и собственности, основанной на труде.

Освобождение от феодального принуждения имело, с другой стороны, освобождение работников от средств производства. Собственность, основанную на соединении рабочего с условиями его труда, буржуазия вытесняла собственностью капиталистической, основанной на эксплуатации чужого, формально свободного труда; процесс труда она превратила в процесс производства прибавочной стоимости — в процесс эксплуатации.

Представители буржуазии любили повторять, что феодальная собственность была основана на насилии и узурпации и только буржуазная собственность опирается на естественные права человека. Подобные утверждения звучат прямым вызовом истории. «Повивальной бабкой» капиталистической собственности были насилие, разбой, грубое и беззастенчивое нарушение прав «собственности, основанной на труде», для того чтобы провозгла-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. I, стр. 155.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XVI, стр. 186.

силь священность капиталистической собственности и свободу буржуазного индивида.

Экспроприация непосредственных производителей являлась необходимой предпосылкой капиталистического развития, несмотря на все своеобразие исторических типов и форм, в которых она протекала. В Англии она приняла классическую форму первоначального накопления капитала. В России процесс экспроприации крестьянства протекал через отмену крепостного права, освобождение крестьян от земли, мучительное разорение крестьянства в условиях переплетения капитализма с остатками крепостничества, с отработочной системой и господством помещичьих латифундий. Во Франции созревание капиталистических отношений шло через разорение мелко-го крестьянина сеньориальным режимом, ростовщическим и торговым капиталом, через разорение ремесла и деревенского промысла капиталистической мануфактурой.

Промышленность Франции ко времени революции была образцом мануфактурной стадии капитализма. Товарищ Сталин указывает, что революция XVIII века на Западе «разыгралась в условиях мануфактурного периода». Ремесленные цехи к тому времени явно клонились к упадку, промышленная деятельность почти целиком была сосредоточена в деревнях. Кустарные деревенские промыслы этого периода являлись лишь выражением капиталистической мануфактуры; для работников, занятых в кустарных промыслах и работающих непосредственно или через посредство купца на мануфактуру, земледелие превращалось постепенно в побочное занятие. «Русская школа» историков, возглавляемая Лучицким, приходила к неверному выводу о характере промышленности Франции как страны мелкого ремесла. Эти историки не замечали также процессов расслоения во французской деревне, стремились не видеть вызревания капитализма в недрах старого французского общества.

Мануфактурное производство, повсеместно господствовавшее во Франции перед революцией, было исходным пунктом капиталистического производства.

«Как на челе избранного народа было начертано, что он — собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего разделение труда накладывает печать собственности капитала»¹⁾.

Процесс созревания капиталистических отношений сочетался с развитием торговых сношений, с ростом обмена, с открытием новых путей и с экспроприацией туземного населения.

Рост капитализма сочетался с развитием естественных наук и техники, с великим английским промышленным переворотом.

На заре своего развития буржуазия возглавила расцвет техники, науки и искусства, устанавливала и развивала международные связи.

Буржуазия боролась против дворянских родовых привилегий, за единственную привилегию и право капитала, против феодального расчленения земли, против прикрепления крестьян к земле, за превращение земли в товар, за создание внутреннего рынка, за создание резервной армии труда. Буржуазия боролась против ремесленных цехов с их ограничением производства и регламентацией, за развитие капиталистического производства. Буржуазия боролась против отношений личной зависимости, характеризующих общественные отношения феодализма, освящаемых церковью и средневековой философией, защищаемых феодально-помещичьим государством.

Буржуазия несла с собой более высокие по сравнению с феодализмом производительные силы, она уничтожала связанность, медлительность и консервативность феодальных отношений. Она разорвала замкнутость, ограниченность, «всеобщую посредственность» цеха, раздробленность мелкого про-

¹⁾ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 273. Партиздат. 1932.

изводства. Буржуазия безжалостно разорвала «пестрые феодальные нити, связывающие человека с его наследственными повелителями», она заменила их властью денег, чистоганом, голым расчетом. Не даром Бальзак говорил, что ближайшим родственником в капиталистическом обществе является сто-франковый билет. Буржуазия превратила собственность в капитал, «в чистую частную собственность, отбросившую всякую видимость коллективности и устранившую какое бы то ни было воздействие государства на развитие собственности»¹⁾.

Центр тяжести при капитализме переносится с земельной собственности на капитал. Благородное дворянство превращается в земельного ростовщика.

Основываясь на монопольном праве частной собственности на средства производства, буржуазия присваивает себе неоплаченный продукт труда рабочего. Капиталистическая собственность на средства производства, противостоящая рабочим, лишенным средств производства, основана на капиталистической эксплуатации, на господстве капитала над трудом.

«Современная буржуазная частная собственность есть последнее и самое полное выражение способа производства и присвоения продуктов, основанного на антагонизме классов, на эксплуатации одних другими»²⁾.

Эта эксплуатация освобождена от формы личного принуждения: она поκειται на власти денег. Производственные отношения капитализма, отношения господства и подчинения, затемнены вещной оболочкой, представляются отношениями вещей, которые господствуют над индивидом.

В самой природе капиталистической собственности заложены антагонистические противоречия, приводящие в конце концов в революционной борьбе пролетариата к гибели капитализма.

Создавая новые могучие производительные силы, создавая обобществление производства, капитализм оставляет в силе частное присвоение. Непрерывно углубляется противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения — основное противоречие капитализма.

С развитием капитализма, с переходом его на определенной ступени в империализм противоречия становятся все резче, все обостреннее, все катастрофичнее; капиталистическая система потрясается чудовищными кризисами и кровавыми войнами за передел мира, ведущими к истреблению миллионов, к разрушению производительных сил. Капиталистическая собственность превращается в оковы для развития производительных сил несмотря на развитие отдельных отраслей промышленности в отдельные периоды. Капитализм, «как бы волшебством» создавший могущественные средства производства и сообщения, похож на «волшебника, который не в состоянии справиться с вызванными его заклинаниями подземными силами»³⁾.

Буржуазия эпохи последнего этапа загнивающего капитализма превратилась в носителя самой дикой реакции. В лице фашистской диктатуры издыхающий капитализм боится оглянуться на свое прошлое, проклинает все исторически-прогрессивные завоевания Французской революции и противопоставляет ей империалистическую бойню 1914 года. Укрепляя террористическую фашистскую диктатуру, буржуазия подхватывает лозунги и идеи феодального дворянства эпохи его разложения, давно осмеянные и разбитые передовыми философами-материалистами молодой буржуазии XVIII века. Вновь обновляются теории, построенные на «благородстве» крови, на обожествлении кулака, на удушении культуры. Не даром Маркс говорил, что оружие, выкованное буржуазией против феодализма, обратилось против нее самой и все сотворенные ею боги отреклись от нее...

¹⁾ Маркс и Энгельс. Соч. Т. IV. «Немецкая идеология», стр. 52.

²⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», стр. 79. Гиз. 1923.

³⁾ Там же, стр. 69.

Изменения отношений производства, классовых отношений могут явиться лишь результатом исторического движения и борьбы широких масс. Это историческое движение против феодальных отношений производства нашло свое выражение в революционных битвах конца XVIII века.

Борьба против феодализма во Французской революции XVIII века шла по восходящей линии. Господство крупной, конституционалистской буржуазии, шедшей на уступки феодализму, сменяется господством жирондистов — представителей более передовой буржуазии. Господство жирондистов в ходе революции и классовой борьбы заменяется якобинской диктатурой плебейских масс города и деревни, бедноты и мелкой буржуазии. «Каждая из этих партий, доведя революцию до того пункта, за которым она уже не в состоянии идти за ней в ногу... устранялась и отправлялась на гильотину более смелым союзником, стоящим за ней»¹⁾.

Интересы буржуазии, интересы крестьян, мелкой буржуазии, городской бедноты и рабочих были направлены против феодальной собственности. Но все эти классовые группы по-разному выступают против нее. Только плебс, только крестьяне и беднота выступают против феодализма до конца решительно, последовательно, непримиримо, беспощадно.

На борьбе классов и партий Французской революции лежит печать влияния философов-просветителей и классической политической экономии XVIII века. «Дух законов» Монтескье живет в конституции и «Декларации прав» Французской революции. Споры французских материалистов и Руссо оживают в борьбе жирондистов и якобинцев. Революционные философы XVIII века выступали против феодальной собственности, феодального государства, церкви, философии — против всего реакционного. Они боролись за просвещение, развитие науки и техники, за свободное развитие индивида, возможное тогда лишь в форме свободной конкуренции. Их теории отражали классовые интересы, являлись выражением практического движения, были прогрессивными для своего времени. Их лозунги были написаны на знаменах Французской революции.

Однако все эти партии — от конституционалистской буржуазии до радикальных представителей революционной мелкой буржуазии, — стоя за уничтожение феодальной собственности, боролись, в конечном счете, за установление буржуазной собственности.

Барнав и Мирабо, Кондорсе, Бриссо и Роллан стояли на почве прямого, открытого признания и защиты буржуазной собственности.

Большая брошюрная и газетная литература периода революции, выступления лидеров разных партий и классов, декларации и законодательство дают богатый материал по выяснению проблемы собственности. Идеология буржуазии в борьбе за буржуазную собственность особенно ярко запечатлена в период революции в работах двух философов — представителей буржуазии — Барнава и Кондорсе.

Правый конституционалист Барнав, гильотинированный впоследствии за связь с королевским двором, писал в своем «Введении во Французскую революцию», что феодальная собственность, связанная с земельным владением, основана на завоевании, на насилии, на узурпации. Острие его критики направлено против дворянства, против аристократии. Он пишет, что во время расцвета феодализма над всем господствовала аристократия, этот «общий враг государства и народа». Народ был в рабстве, король не имел власти.

Зато промышленная и движимая собственность, по мнению Барнава, — это «тот род собственности, который является плодом труда, возникает

¹⁾ Маркс и Энгельс «Исторические работы», стр. 156.

из труда». Эта собственность создает государственное единство. Все развитие цивилизации обуславливается у Барнава буржуазной собственностью, независимостью и свободой мысли. Барнав связывает приобретение собственности с личной свободой. По мнению Барнава, современная ему торговля и промышленность обогащают трудящихся, сближают классы по состоянию и... «воскрешают первоначальные идеи равенства».

Резко выраженный классовый интерес заставляет Барнава идеализировать буржуазную собственность, видеть «общечеловеческое» и «вечное» в том, что является ограниченно-буржуазным и преходящим, провозглашать равенство там, где налицо имеются неравенство и эксплуатация.

Барнав резко и открыто выступает за нового собственника, и к власти, к управлению, по его мнению, могут быть допущены только собственники. Устанавливая свою идею общественного прогресса от деспотизма к демократии, он и в демократии видит власть собственности.

Барнав считает развитие различных форм собственности определяющим моментом во всей истории человечества. Разбивая общество по периодам, он отмечает повсюду определяющее значение форм собственности. Но собственность понимается им как политико-юридическое отношение и часто объясняется успехами искусств и просвещения. Собственность рассматривается им только как распределение богатства, а не как выражение производственных отношений. Барнав подчеркивает закономерность развития человеческого общества. Так же, как Кондорсе, Вольней и другие, Барнав, живущий и действующий в эпоху революции, под властным влиянием классовой борьбы уделяет особое внимание разработке социальных проблем и идет дальше своих учителей — французских материалистов. У Барнава, в частности, очень сильно стремление материалистически объяснить ряд исторических процессов. Но этот материализм непоследователен, неполон, недialeктичен, эклектически дополняется идеалистическим толкованием важнейших проблем. Совершенно не правильно считать, как это делал Жорес, что Барнав якобы предвосхищает Маркса. Но вместе с тем необходимо отметить, что Барнав выделяет экономические явления в развитии человеческого общества и кладет их в основу своей периодизации человеческой истории. Он указывает на значение разделения труда, последовательно подчеркивает во всех своих заключениях влияние географической среды, связывает политическую власть с экономическими изменениями. «С того момента, как промышленность и торговля начали проникать в народ... готовится революция в политических учреждениях; новое распределение богатства вызывает новое распределение власти», — заявляет он. Политик и идеолог идущего к власти класса, он не боится открыто заявить, что политическая власть опирается на силу, собственность и господство общественного мнения. Барнав боролся за то, чтобы отдать в руки буржуазии всю силу, все орудия и инструменты, создающие общественное мнение, и всю политическую власть. Так новый собственник идет, пробивается к власти, которая обеспечит ему наилучшие условия для свободного развития буржуазной собственности.

Против феодальной собственности, на защиту буржуазной выступает и автор государственных проектов и деклараций жирондистов, просвещенный философ, сотрудник «Энциклопедии», друг Тюрго и защитник его политики — Кондорсе. Его речи и сочинения пронизаны идеями великих французских материалистов. В «Исторической картине прогресса человеческого разума», посмертной работе, которую Кондорсе писал, скрываясь от преследований якобинцев, он выступает за науку, за идею прогресса человеческого общества, беспредельного совершенствования человеческих способностей. Он приветствует развитие техники, он приветствует американскую освободительную войну с ее равенством прав, но не «тождеством интере-

сов». Он обрушивается на феодализм, утверждая, что положение крепостных было хуже положения рабов. Он обвиняет правительство в том, что оно интересовалось торговлей «только для того, чтобы облагать ее пошлинами, стеснять ее привилегиями или оспаривать себе монополию». Кондорсе против произвола деспотизма, он требует лучших законов, он верит в их всемогущество: «Хорошие законы ослабляют естественное неравенство в распределении средств производства». Он приветствует учение экономистов, требовавших свободы торговли и промышленности, столь необходимых для установления буржуазной собственности. Он приветствует революцию. Он выступает против цветного рабства, против нецивилизованного ограбления отсталых стран, он за «свободу торговли» в Африке и Азии, в которой Франция и Америка заинтересованы и где Франция будет проводить буржуазную политику, продиктованную «равным образом и чело- веколюбием и хорошо понятым интересом Европы».

Кондорсе видит исходный пункт развития собственности в образовании, в просвещении, в изобретениях, плодах гениального размышления. У Кондорсе имеется деление истории человечества по эпохам, с учетом экономических признаков, но у него преобладает объяснение исторического развития причинами развития просвещения и наук.

И Барнав и Кондорсе поют гимн новой капиталистической собственности. Никто не может «посягать на собственность как богатых, так и бедных». Собственность вытекает из свободного развития индивидом своих способностей; надо смести все препятствия с его пути, завоевать ему свободу в пользовании этим священным, неприкосновенным и неотъемлемым правом.

Впрочем, буржуазия, борясь против феодальной собственности, позволяла себе в юности кокетничать с вопросами имущественного неравенства. Так, Бриссо в своей юношеской философской диссертации «О собственности и краже» требовал правильного распределения богатств и изгнания нищеты. Он даже признавал, что кража излишков не является преступлением. Однако он тут же указывал, что установление фактического равенства невозможно. В работах и речах Барнава, Кондорсе и других идеологов буржуазии ведется борьба с земельной собственностью аристократии под флагом борьбы с крупными собственниками. Эти лозунги были популярны среди крестьян и городской мелкой буржуазии. Во время революции выступления против крайностей в неравенстве имуществ были излюбленным ораторским приемом всех партий.

Представители и идеологи мелкой буржуазии, считая собственность основным правом человека, ограничивали ее благом других людей, решительно выступали против роскоши, проповедывали спартанскую суровость и скромность нравов, столь импонирующую патриархальной жизни ремесленника. Робеспьер вслед за Руссо считал собственность не естественным правом, а гражданским институтом, вытекающим из общественного договора. В апреле 1793 г., еще при господстве жирондистов, Робеспьер «перед взором Бессмертного Законодателя» предлагал установить, что «право собственности, как и все другие права, ограничено необходимостью уважать права других людей». А это означает, что собственник не должен наносить ущерба безопасности, свободе, существованию и собственности других людей. Но в представлении французского общества XVIII века свободу, собственность и безопасность других людей нарушал лишь собственник-сеньор. Робеспьер не видит, что владелец капиталистической мануфактуры эксплуатирует трудящихся, разрушает собственность крестьянина и ремесленника. «Я вовсе не отнимаю у богатых людей честной прибыли и законной собственности,— говорит он в Конвенте 2 декабря 1792 г.— Я только лишаю их права наносить вред собственности других». Право собственности у Ро-

беспьера ограничивается законами. Вера во всемогущество законов, борьба против беззакония и произвола деспотизма пронизывают всю политическую деятельность вождя якобинцев. Не собственность определяет закон, ее охраняющий и ей соответствующий, а закон устанавливает справедливую собственность. «Право собственности есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться той частью имущества, которая гарантируется ему законом», — гласит текст декларации, предложенной Робеспьером 2 декабря 1792 года.

Робеспьер делит людей «не по их богатству и положению, а по их нравственным качествам». Против друзей свободы и равенства, против друзей неимущих стоит «класс тиранов-аристократов, обладающих несправедливым богатством» (речь на заседании Конвента 10 мая 1793 года). Робеспьер, полный мелкобуржуазных парламентских иллюзий, уверен, что проливаются потоки крови лишь для того, чтобы землешапец и «добродетельный бедняк» мог сидеть в сенате рядом с «развращенным богачом» и сохранять при этом человеческое достоинство.

Следуя за Руссо, Робеспьер считал первым правом человека право на существование. Собственность проистекает из права на существование. «Собственность существует прежде всего, чтобы жить», — заявляет он в своей речи в декабре 1792 г. Под влиянием движения плебейских масс, измученных голодом и дороговизной, Робеспьер заявляет, что если это необходимо для спасения жизни граждан, то собственность должна превратиться в общее достояние: «Частной собственностью является только избыток, который и может быть предоставлен в распоряжение торговцев». Робеспьер яростно критикует все недостатки той собственности, которая «разоряет и душит своих ближних», но в этой критике он не доходит до конца, до ликвидации основ капитализма — до уничтожения частной собственности. Робеспьер как представитель мелкой буржуазии не может до конца бороться с капиталистической собственностью, ибо это подорвало бы основы существования самой мелкой буржуазии.

Якобинцы развернули и провели программу ликвидации феодальной собственности, а также программу социальных мероприятий, ограничивающих спекуляцию со стороны торговцев и т. д. Но всеми своими мероприятиями якобинцы не затрагивали основы капиталистического общества.

Защищая частную собственность, якобинцы — мелкобуржуазные революционеры — хотели увековечить именно ту собственность, которая была основана на труде, они хотели всех превратить в собственников, они хотели создать «республику равных товаропроизводителей». Сен-Жюст утверждал, что нельзя уничтожить нищету, если не предоставить каждому земельный надел и не превратить всех в собственников. Однако это осталось главным образом в теории.

«Друг народа», неукротимый Марат, выделяет в качестве основных гражданских прав «личную безопасность, личную свободу и право собственности».

Он так же, как и Робеспьер, не требует фактического равенства. Его неравенство богатств «проистекает из неравенства природных способностей». Свободный индивид развивает свою способность при соответствующем стечении обстоятельств. Но закон стоит на страже справедливости, он предотвращает слишком большие богатства, «определяя границы, за которые они не должны переходить». Неутомимый борец против феодализма, провозвестник развития и углубления революции, защитник плебейских масс против спекулянтов, торгашей, скупщиков, Марат выдвигает филантропическую систему обеспечения тех членов общества, которые не имеют собственности. Он также ратует за то, чтобы сделать всех собственника-

ми. Человек, не обладающий собственностью, задавленный налогами, по его мнению, апатичен, бездеятелен. «Но дайте этому человеку какую-нибудь небольшую собственность — он привяжется к ней, как к источнику своего счастья»¹⁾.

Революционная пресса в таком же духе воспитывает санкюлотов. Она призывает граждан к защите революции, ибо «при победе контрреволюции наша собственность, санкюлоты, будет захвачена и нарушена». «В Парижских революциях» за 1793 г. санкюлот рисуется по идейным образцам Руссо как «близкий к природе, самоотверженный, героический патриот, честный ремесленник, человек из народа». Он уважает священное право собственности... но он безжалостен к мимолетным богатствам, являющимся результатом «интриг и жадности».

Право собственности неприкосновенно, его основы укрепляются; мелкобуржуазные революционеры хотят лишь удержать ее «хорошие стороны»: свободу личности от феодальных ограничений, свободу торговли и промышленности — и упразднить «дурные стороны»: разорение мелких производителей и нищету масс. Но эта попытка с самого начала обречена на неудачу. Накануне падения Жиронды представители якобинцев на экстренном собрании якобинского общества торжественно заверяют народ, что они ни в малейшей степени не посягают на частную собственность: «Пусть вся республика знает, что собственность находится под охраной санкюлотов».

Если якобинский клуб отражал интересы мелкой и отчасти средней буржуазии, то голос парижских предместьев во время борьбы за максимум, несомненно, отражал интересы бедноты. Измученные голодом, пришедшие в отчаяние от спекуляции скупщиков, они восклицают: «Право собственности не может быть правом морить голодом своих сограждан!» Те, кто морят голодом народ, жиреют на его несчастье, — это пособники аристократов, «несправедливые» собственники. Но стоит ограничить собственность, в частности в данном случае ввести справедливый максимум на предметы потребления, и... «мы все будем защищать вашу собственность».

Представители самых низов парижской гольфыбы — беднейших ремесленников и части «предпролетариата» — «бешеные», понявшие призрачность лозунгов свободы и равенства без изменения материальных условий существования масс, не предлагали уничтожить частную собственность, а предлагали только более широкую уравнительную программу.

«Бешеные», как и якобинцы, считали священной ту собственность, которая обеспечивает право на существование. Они хотели более справедливо перераспределить собственность, установив прогрессивный налог и освободив от налога малоимущих, развернув широкую систему социального обеспечения. «Бешеные» решительно боролись за интересы плебейских масс, выступая против новоиспеченных богачей — «нуворишей», против спекулянтов, барышников, монополистов. Жак Ру говорил, что аристократия богатства страшнее чем аристократия знати; «бешеные» упорно и решительно боролись за таксацию цен на продукты широкого потребления. Жак Ру предлагал конфисковать имущество спекулянтов и лишить их права приобретать земельные участки и всякую недвижимую собственность. О том же говорит и Варле в своей «Торжественной декларации прав».

Но «бешеные» не предлагали уничтожить частную собственность; они, как и Руссо, стремились предотвратить неравенство богатств и в принципе стояли за сохранение права частной собственности. В той же «Торжественной декларации прав» Варле предлагает конфисковать имущество спекулянтов, говорит о неприкосновенности частной собственности и о

¹⁾ Марат «Памфлеты», стр. 458. Изд. «Academia». 1934.

вознаграждении за отчуждение собственности. «Бешенные» хотят уничтожить недостатки, «излишества» собственности, но не самую частную собственность: «Имущества, накопленные за счет общественного благополучия посредством воровства, спекуляций, монополии, барышничества, подлежат обращению в национальную собственность», но это относится лишь к таким «несправедливым» богатствам.

Таким образом, вожди революционной демократии конца XVIII века, выступая решительно и последовательно против феодальной собственности, не предлагали и не могли еще предложить таких форм собственности, которые ликвидировали бы эксплуатацию одного класса другим. Они защищают «справедливую собственность», собственность, основанную на труде. Однако эта собственность, связанная с товарным производством, с обменом, неизбежно ведет к созданию капиталистической формы собственности. Плебейские массы конца XVIII века, не имеющие руководителя в лице организованного рабочего класса, живущие в условиях неразвитого производства, вносили поправки и ограничения к развитию капиталистической собственности. Они несли перед собой знамя утопий увековечения мелкого производства и собственности, «основанной на труде», а на практике активно участвовали в боях за капиталистическую собственность. Они были наиболее последовательными и непримиримыми бойцами против феодализма, они отвергали компромиссы и наиболее основательно расчищали почву для капиталистической собственности, несущей им невиданную эксплуатацию в новой форме.

* * *

Протест против произвола и внеэкономического принуждения феодализма и требование неприкосновенности собственности пронизывают наказания населения Генеральным штатам.

Буржуазные лозунги об установлении священной и неприкосновенной основы нового общества — капиталистической собственности — были занесены в «Декларацию прав человека и гражданина».

В «Декларации прав», принятой 26 августа 1789 г., объявлялось, что «целью всякого политического союза является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» (§ 2). Там же собственность характеризовалась как «ненарушимое и священное право», которого никто не может быть лишен, а если уж этого требует настоятельная общественная необходимость, то «под условием справедливого и предварительного соглашения» (§ 17).

Проект жирондистской «Декларации прав и конституции», принадлежащий перу Кондорсе, в первом же пункте провозглашал естественными гражданскими и политическими правами человека свободу, равенство, безопасность и собственность. Для того чтобы не было двусмысленных толкований лозунга равенства, чтобы оно не было понято как фактическое равенство, Кондорсе дает классическую формулировку буржуазного равенства: «Равенство заключается в том, что каждый пользуется одинаковыми правами» (§ 7). Право собственности всячески защищается, декларируется свобода собственности против феодальных притеснений: «Каждый человек может располагать по усмотрению своим имуществом, капиталами, доходами...» Также устанавливается предварительное и справедливое вознаграждение в случае общественной необходимости в отчуждении собственности. «Декларация» специально оговаривала необходимое условие для развития капитализма — свободу наемного рабочего, который не может продать себя на всю жизнь.

«Декларация прав», принятая Конвентом уже после исключения жирондистов, 24 июня 1793 г., защищает собственность как основное право человека: она определяет безопасность как охрану со стороны общества «личности, прав и имущества», провозглашает свободу собственности, свободу наемного труда («личность является неотчуждаемой собственностью»), устанавливает вознаграждение за отчуждаемую собственность.

Давление плебейских масс заставляло якобинское правительство на практике отступать от этих установок, но в принципе и якобинская «Декларация прав» и конституция 93-го года защищают основы буржуазной собственности.

Буржуазия не постеснялась в первые же годы революции провести ликвидацию провозглашенного в «Декларации прав» политического равенства, разбив граждан Франции на активных и пассивных. Лишь активные граждане имеют право избирать и быть избранными в Национальное собрание. Основой для этого политического неравенства служило неравное обладание собственностью. Было заявлено, что только собственники имеют право управлять государством. Чтобы быть активным гражданином, нужно было быть или стать французом, достичь 25-летнего возраста, прожить в городе или кантоне установленный законом срок, платить в любом месте королевству прямой налог в размере не меньшем, чем стоимость 3 рабочих дней, не находиться ни у кого в услужении.

Против деления граждан на активных и пассивных решительно боролись народные массы. Робеспьер считал, что этим делением нарушались права человека, нарушались права нации как суверена. Против деления на пассивных и активных выступает Марат. «Трепещите! — заявляет он, обращаясь к собственникам. — Отказав нам в правах граждан на том основании, что мы бедняки, вы заставите нас восполнить недостаток, захватив ваш излишек».

Только после победы народа в восстании 10 августа 1792 г. под давлением плебейских масс было ликвидировано деление на пассивных и активных, и только якобинская конституция 1793 г. записала в качестве закона всеобщее избирательное право.

Борьба вокруг собственности как источника избирательных прав характерна не только для Французской революции и французской конституции. Дебаты в английской революционной армии 1647 г. на Путнейской конференции очень ярко ставят те же вопросы. В борьбе, развернувшейся между генералом Айртоном, приближенным Кромвеля, и представителями радикальной демократической и солдатской части армии выступают те же две точки зрения. Айртон против всеобщего избирательного права: «Ни закон божий, ни закон природы не дали мне собственность. Собственность есть человеческое учреждение. Я имею собственность и буду наслаждаться ею». Айртон заявляет, что гражданину, родившемуся в Англии, не дается еще права распоряжаться английскими землями, что проведение всеобщего избирательного права угрожает собственности.

Напрасно представители демократической части армии доказывали, что революционная армия боролась за революцию, что «мы не просто наемные солдаты», а радикальный Ренборо угрожает: «Сэр, я вижу, что невозможно получить свободу, если не будет упразднена собственность...».

Содержание буржуазных конституций сводится к защите капиталистической собственности. Уничтожив права и привилегии феодальной собственности, буржуазия, опасаясь за свою собственность, лишает трудящихся избирательных прав. Буржуазия, используя свой государственный аппарат, подчиняет всеобщее избирательное право интересам капитализма. «Дух, основное содержание всех конституций до самой республиканской демокра-

тической сводился к одной собственности. Когда классы сменяли друг друга, они меняли отношение к собственности» (Ленин).

Основным содержанием революции 1789 г. являлось выкорчевывание корней феодализма. Центральным звеном здесь было разрешение аграрного вопроса. Буржуазия в Национальном собрании провела конфискацию земель дворян-эмигрантов и духовенства и пустила эти земли в продажу как товар. Этим мероприятием буржуазия нанесла серьезный удар светским и духовным сеньорам.

Земельная собственность духовенства до революции пользовалась всеми феодальными сеньюральными привилегиями, но она была уже подорвана конфискациями со стороны королевской власти. Однако все же церковь владела ко времени революции, по данным Саньяка, около $\frac{1}{5}$ пахотных земель Франции. Кареев указывает, что церковная собственность составляла 10—12% всей территории Франции.

Вопрос о продаже национальных земель, вопрос о новом перераспределении земельной собственности с самого начала стал аренной ожесточенной классовой борьбы. Буржуазия всеми силами противилась стремлению крестьян к захвату земли без выкупа, революционным путем. Буржуазия была против феодального землевладения: она стремилась к перераспределению земли. Но она боялась коренной ломки и выступала против революционной ликвидации феодальных привилегий и феодальной земельной собственности.

В течение всего периода дюжобинской диктатуры преобладала покупка земли городской и деревенской буржуазией. Буржуазия покупала земли, на которых лежали еще сеньюральные повинности. Буржуазия и ее государство стали проявлять заинтересованность в сохранении или выкупе за наиболее дорогую цену сеньюральных прав.

Буржуазия проявляла осторожность и непоследовательность в борьбе с феодальными привилегиями. С самого начала она всячески оттягивала разрешение этого вопроса. Потребовалось широкое движение масс, чтобы Национальное собрание «великодушно» провозгласило выкуп сеньюральных повинностей. Несмотря на торжественное декларирование отмены феодального строя в декретах Национального собрания было проведено разделение феодальных повинностей на личные и «реальные», так что отменялись лишь личные повинности, а также некоторые монополии сеньоров: право охоты, голубятен и сеньюральный суд.

Однако во Франции эти элементы были наименее распространены. Главные же: вечные земельные ренты, натуральные и денежные повинности — не были отменены. В последующих декретах буржуазия шла на дальнейшие уступки дворянству устанавливается оплата недоимок при выкупе сеньюральных повинностей, выкуп годичных повинностей связывается с выкупом временных, устанавливается круговая порука общины, весь процесс выкупа повинностей загромождается судебской волокитой и представлением архивных документов.

Все это фактически создавало невозможность выкупа сеньюральных повинностей, а пока повинности не были выкуплены, Собрание требовало их уплаты.

Буржуазное собрание исходило из установок феодального права, которое оправдывало крепостнические привилегии реальными «услугами» сеньора — «уступкой» принадлежащей ему земли, которое превозносило устойчивость феодального угнетения и общую консервативность всех форм общественной жизни, как нерушимую святыню давности.

Ответом масс на эту политику было широчайшее крестьянское движение, разгром помещичьих замков и костры из сеньюральных документов.

Буржуазия не смогла последовательно провести ликвидацию феодальной собственности на самом решающем участке. Только после свержения Жиронды плебейская масса смела феодальные привилегии, нанесла сокрушительные удары феодальной собственности.

17 июля 1793 г. были безвозмездно уничтожены все без исключения повинности в пользу феодалов, было уничтожено деление феодальных прав на личные и реальные и тем закреплён отказ от принципов феодализма, было объявлено, что аннулируются все документы, доказывающие и защищающие привилегии сеньюров. Все подобные документы должны сдаваться в муниципалитеты и сжигаться. Земля, которую обрабатывал крестьянин, выплачивая феодальные повинности сеньюру, была превращена в крестьянскую собственность.

Якобинская диктатура передала также в полное и безусловное пользование крестьян общинные земли, из-за которых шла десятилетиями непрерывная тяжба с сеньюрами.

Старая форма эксплуатации ликвидировалась мечом и огнем.

Но на смену ей пришла новая форма эксплуатации. Закон 17 июля расчищал почву для капиталистического развития земледелия, беря под свою защиту «ренты и платежи, связанные исключительно с земельными, а не феодальными отношениями» (§ 2).

Ожесточенная борьба вокруг земли, вокруг продажи национальных имуществ не прекращалась и в период якобинской диктатуры, после законов 13 сентября. Декрет 13 сентября устанавливал известные льготы в покупке земли для крестьян, не владеющих собственностью и не внесенных в налоговые списки. При проведении закона 13 сентября преимуществами все же пользовались те, кто платил наличными. Петиции из деревень жалуются на спекулянтов, на фермеров и городскую буржуазию, на банды перекупщиков, забивающих крестьян, забирающих лучшие земли, соединяющих в крупные владения отдельные участки. Жалуются также на высокую цену земли, особенно вокруг промышленных центров. Из деревни идут предложения об ограничении покупок одной фермой, о регулировании продажи национальных имуществ.

Вопрос о продаже национальных имуществ и перераспределении земельной собственности в процессе революции в целом еще не изучен достаточно. Однако имеющиеся исследования показывают рост земельных собственников в первую очередь за счет зажиточного, крепкого крестьянства. По данным Лефевра, общее число собственников по равнине Лис увеличилось за революцию на 22,4%, число собственников-крестьян — на 24,8, а земельных собственников из буржуазии — на 29,8%; в западных предместьях Лилля общее число земельных собственников увеличилось на 31%. По данным Саньяка, с 1790 по 1792 г. в Лане 4787 крестьян купили 32 200 арпан земли, а 171 горожанин-буржуа — 18 000 арпан земли. Это наглядно показывает процесс концентрации земельной собственности в руках буржуазии. Но наряду с этим имелось увеличение числа мелких собственников. Маркс говорил, что для Франции 1789 г. вопрос о собственности «сводился к превращению феодальной земельной собственности в мелкобуржуазную земельную собственность».

Увеличение количества мелких собственников-крестьян не уничтожает расслоения деревни: оно с неизбежностью приводит к развитию капиталистических отношений, к дальнейшему расслоению крестьянства, к расширению базы капитализма. Вовлечение мелких собственников в сферу капиталистического хозяйства, в торговый оборот приведет к тому, «что один «крестьянин» и без капитала, благодаря своему труду и большой природной

плодородности своих 160 акров, доведет другого до положения своего ба-трака»¹⁾).

Якобинское правительство стремилось обеспечить условия для увеличения количества мелких собственников. Но эта уравнительность якобинцев решительно отличалась от «аграрного закона» — от предложений «черного передела» земли. Маркс и Ленин неоднократно возвращались к критике утопии «черного передела». Критикуя утопию Криге об американском «черном переделе», Маркс указывает на неизбежность процесса расслоения крестьянства, развития капитализма, поскольку крестьяне «будут обмениваться между собой и с другими людьми если не самой землей, то продуктами ее»²⁾).

Ленин подчеркивал, что даже отсутствие частной собственности на землю в некоторых районах Америки не прекращает развития капитализма, а расширяет его базу.

Национализация земли, если бы она была проведена в рамках буржуазного государства, означала бы наибольшую свободу развертывания классовой борьбы и свободу землепользования, наибольшее освобождение от остатков феодализма.

«Аграрный закон» — «черный передел» — утопичен с точки зрения установления материального «равенства». Не изменяя коренного вопроса о частной собственности, он не выходит за пределы буржуазной демократической революции. Отмечая, что всеобщая равная дележка земли представляет собой реакционную утопию увековечения мелкого крестьянского производства, Маркс и Ленин указывали на революционность этого крестьянского «нападения на земельную собственность», выражающуюся в стремлении «смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного права». «Аграрный закон» — это крестьянский революционный метод расправы с феодализмом. «Не утопично, а революционно в самом строгом научном смысле слова стремление крестьян теперь же отнять у помещиков земли и разделить их поровну»³⁾.

Против этого революционного метода борьбы с феодализмом выступали и жирондисты и жакинцы. 18 марта 1793 г. Конвентом был принят закон, карающий смертной казнью проповедь «аграрного закона». Пресса утверждала, что проповедь «аграрного закона» ведется врагами революции на английские деньги. Робеспьер в речи 18 апреля 1793 г. говорил, что «аграрный закон», о котором вы только что твердили, является «только призраком, созданным жуликами для устрашения глупцов... чрезвычайная неравномерность в распределении богатств является источником многих бедствий и преступлений, но это нисколько не уменьшает нашего твердого убеждения в том, что равенство имуществ — только химера». Даже Марат выступал против «аграрного закона», хотя он мечтал об улучшении положения бедноты. Якобинцы стремились укрепить самостоятельного мелкого собственника, но требования бедноты в наделении землей не были удовлетворены. Она не могла дотянуться до земли на торгах, где конкурентом был и городской буржуа и деревенский кулак. «Только антикапиталистическое рабочее правительство, — пишет Маркс, — может положить конец их (крестьян) экономической нищете и общественной деградации». Ни одна буржуазная революция не наделила крестьян бесплатно новой землей. Это сделала лишь пролетарская революция 1917 г. на основе социалистической собственности пролетарского государства на землю. Французская революция XVIII века сбросила с земли ярмо феодальных повинностей и разгромила дворянство. Лучицкий указывает, что дворянских земель продано было за революцию

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. VII, стр. 221.

²⁾ Там же.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XI, стр. 251—252.

примерно $\frac{1}{6}$ всего земельного фонда страны. Дворянство в революцию 1789 г. было наголову разбито, оно потеряло огромную земельную собственность, которую нельзя было восстановить при всех попытках реставрации, оно потеряло также свои привилегии. Оно было разбито наголову плебейской массой. Это был действительный переворот в отношениях собственности в ущерб дворянству. Французская революция обеспечила все условия развития капитализма в земледелии, но она не превратила землю в народное достояние, не ликвидировала нищеты и малоземелья крестьянства.

«Аграрный закон» нашел себе защитника в лице Бабефа, который в своем «Постоянном кадастре» требует раздела 66 млн. моргенов земли между 6 млн. французских семейств. Земля не подлежит отчуждению, но переходит лишь в пользование крестьянина.

Бабеф был с плебейскими массами, выступал за их наиболее революционные лозунги. Но сами плебейские массы были разношерстны, их требования были неопределенны. «Благосостояние на основе труда» — даже этот лозунг Энгельс считает «чересчур определенным для стремлений плебейского братства».

И не кто иной, как Бабеф, спустя ряд лет после падения якобинской диктатуры стремится придать этим требованиям плебейских масс определенную форму, объявляет, что земля принадлежит не отдельным лицам, а всему обществу, требует ликвидации частной собственности и провозглашает коммунизм в его примитивной, зачаточной форме.

* * *

Французская революция ликвидировала цеховые корпорации и цеховые привилегии, являющиеся выражением феодальных отношений собственности. Монополизм цехов, стесняющий конкуренцию, не соответствовал более условиям развития производительных сил во Франции XVIII века. Цехи превратились «в цепи для развившейся в течение XVI—XVIII столетий индустрии»¹⁾.

Цеховая система уже была подорвана во второй половине XVIII века внецеховой деревенской промышленностью, которой фактически владела мануфактура. В наказах 1789 г. требованиям об укреплении цехов, идущим от цеховых корпораций и цеховых мастеров, противостояла мощная волна желаний отмены цехов.

Передовая буржуазия Франции XVIII века требовала свободы развития промышленности, свободы торговли, свободы эксплуатации. Она несла лозунг невмешательства государства в экономическую деятельность, лозунг «laissez faire, laissez passer». «Буржуа не позволяют государству вмешиваться в их частные интересы и дают ему лишь столько силы, сколько необходимо для их собственной безопасности и для сохранения конкуренции»²⁾. Поэтому так решительно буржуазия уничтожала цехи. Уничтожая цехи, она должна была так разрешить рабочий вопрос, чтобы обеспечить наилучшие условия свободного развития капиталистической собственности.

Буржуазии 1789—1791 гг. пришлось иметь дело не только с рабочими цехов, но также с рабочими внецеховыми: землекопами, каменщиками, портновыми рабочими, строительными, сезонными рабочими. Неурожай 1789 г. дал огромный приток безработных из деревень.

Политика буржуазии в отношении к рабочим нашла отражение в законе Ле-Шапелье 14 июня 1791 г.

Закон 14 июня превратил отмену цехов в орудие против рабочих. Рабочие ассоциации запрещались под тем предлогом, что это является восста-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 209.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 340.

новлением цехов, простое участие в стачке каралось штрафом и лишением политических прав; строжайше запрещены были коллективные петиции и требования.

Революция освободила рабочего от личной зависимости, от сеньюральных повинностей. Она поставила друг перед другом формально равных и свободных продавца и покупателя рабочей силы. Она обеспечила за капиталистом неприкосновенность его капитала, она выбросила на рынок резервную армию рабочих, уже свободных от собственности на средства производства, обеспечив собственнику средств производства свободу эксплуатации, и подарила рабочему право «свободно умирать с голоду».

Власть мелкой буржуазии, якобинская диктатура, вводя столь страстно защищаемую рабочими таксацию предметов первой необходимости, установила также максимум заработной платы, далекий от того, чтобы дать возможность прожить рабочему в условиях непрерывного падения курса ассигнатов, недостатка сырья и продуктов. Буржуазная революция оформляла новые капиталистические отношения, в которых все становилось товаром и переводилось на деньги — и земля и рабочая сила человека.

Якобинцы также защищали в рабочем вопросе интересы буржуазии. Это проявилось в том, что они оставили в силе и проводили в жизнь буржуазный закон Ле-Шапелле и проводили антирабочую политику, особенно весной 1894 г.

«Весьма характерно для Робеспьера, — пишет Маркс, — «что в то время, когда «конституционность» в духе собрания 1789 г. считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания против рабочих продолжали сохранять свою силу»¹⁾.

Буржуазия проводила прогрессивную и исторически необходимую борьбу против цехов и остатков корпоративных учреждений, но эта борьба переплеталась с борьбой против новых эксплуатируемых классов. С первых шагов в период своего расцвета буржуазия выступает душителем рабочих, превращает равенство в формальную побрякушку и обеспечивает себе безудержную свободу эксплуатации.

Однако «рабочие знают, что уничтожение буржуазных отношений собственности не может быть достигнуто при помощи сохранения феодальных отношений»²⁾. Рабочие не цепляются за старые, изжитые формы цеховых организаций для борьбы против буржуазии. Активно участвуя в буржуазных революциях, рабочие начинают понимать по мере роста их сознательности и организованности, что победа буржуазной революции — это лишь новая ступень классовой борьбы пролетариата с буржуазией за уничтожение капиталистического строя и капиталистической эксплуатации, за социалистические отношения собственности.

* * *

Французская революция ликвидировала феодальное право, в первую очередь наследственное. Буржуазия повсюду, во всех областях производства, политики, искусства, утверждала господство буржуазного индивида.

Реформа, проведенная революционным законодательством в области наследования, устанавливала единый для всей Франции порядок равного распределения имущества между всеми наследниками по нисходящей линии.

До революции во Франции в области наследственного права так же, как и в других областях, не было единых правовых установлений. С развитием элементов капитализма в предреволюционной Франции все большее

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 234.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 219.

распространение получало писанное римское право, приспособляемое к имеющимся условиям.

Наряду с этим в области наследственного права имело место право майората. Майорат выдвигал господство родового фамильного имени над семьей и над индивидом. Основа феодальной собственности — поземельная собственность — была устойчива и малоизменяема. Нельзя было дробить эту собственность, если добиваться сохранения закрепившегося положения на лестнице феодальной иерархии.

Право майората категорически противоречило всем принципам Французской революции с ее провозглашением свободы собственности.

Но диктатура революционной мелкой буржуазии, поддерживаемой рабочими, не могла просто вернуться к источникам римского права и провозгласить неограниченную свободу распоряжения собственностью. Якобинцы исходили из того, что собственность — это гражданский институт, следствие гражданского договора, и государство может регулировать отношения собственности по своему усмотрению, и поэтому в вопросах наследования они последовательно выступали за равный раздел имущества между детьми. Якобинский Конвент признал равные права на наследование и у незаконнорожденных детей. Он установил максимум, не превышающий 10 тыс. ливров, которые могут быть подарены завещателем. Якобинцы вслед за Руссо утверждали, что добиться равенства можно не путем отнятия богатств у тех, кто ими владеет, а путем предотвращения возможности разбогатеть.

Принципы наследственного права революции покоились на защите интересов семьи. Но этим она лишь защищала в конечном счете буржуазные отношения собственности. В капиталистическом обществе договорные отношения являются основой брака, и Французская революция провозгласила и утвердила в наследственном праве эти договорные отношения в наиболее простой, чистой форме.

Якобинцы жестоко ошиблись, думая, что реформа наследования может явиться отправной точкой изменения существующего строя, отправной точкой установления равенства. Они жестоко ошиблись, считая «несправедливое» право наследования причиной «несправедливого» общественного порядка, построенного на неравенстве.

Маркс подробно разобрал вопрос о наследовании в своем докладе на Базельском конгрессе I интернационала. Разоблачая Бакунина, утверждавшего вслед за Сен-Симоном, что отмена права наследования в рамках буржуазного государства станет исходным пунктом социалистической революции, Маркс указывал, что «отмена права наследования никогда не может стать отправной точкой такого преобразования». Он утверждал, что право наследования, как и все гражданское право, является «не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества, которая основана на частной собственности на средства производства...»¹).

Якобинцы боролись не с причиной, а со следствием, с юридической надстройкой.

Реформа наследственного права не могла подорвать основы нового капиталистического общества, наоборот, она расширяла его базу, способствовала его наиболее широкому развитию.

* * *

Точно так же, проводя еще ряд других мероприятий, полезных и необходимых для революции, как например принудительный заем и установле-

¹) Маркс «Доклад Генерального совета о праве наследования». «Большевик» № 17 за 1934 г., стр. 52.

ние максимума цен, революционное якобинское правительство не затрагивало основ частной собственности.

Принудительный заем был продиктован развалом финансовой системы и необходимостью чрезвычайных расходов в связи с войной против европейской реакции.

Но буржуазия Национального и Законодательного собраний стремилась переложить все тяготы революции на плечи плебейской массы, сохранив старую налоговую организацию.

Якобинцы выступали против старой системы налогов и против неккеровских займов. Якобинское правительство установило в 1793 г. принудительный заем по прогрессивной сетке, так что с дохода в 1 тыс. ливров взималась $\frac{1}{10}$ дохода; постепенно повышаясь по мере увеличения дохода, заем доходил до половины с 9 тыс. ливров дохода (4500 ливров), доход в 10 тыс. ливров облагался в 5,5 тыс. ливров и т. д.

Вокруг вопроса о принудительном займе разгорелась ожесточенная классовая борьба. Жирондистская буржуазия решительно сопротивлялась этому мероприятию, хотя оно было необходимо для буржуазной революции, для буржуазии как класса в целом.

На историческом бурном заседании Конвента 30 мая 1793 г. жирондисты, стоя почти у подножья гильотины, изо всех сил защищали буржуазию от принудительного займа, мотивируя это неприкосновенностью собственности, «великими принципами общественного договора».

В этой борьбе победили якобинцы, опиравшиеся на революционные массы, выступавшие против налогов, против голода, против феодальных привилегий.

Принудительный заем был декретирован. Однако здесь же было установлено, провозглашено, что частная собственность неприкосновенна, что заем взимается в качестве чрезвычайной меры с дохода, а не с имущества. Декрет 22—29 июня 1793 г. указывал, что «согласно торжественному заявлению... гласящему об охране неприкосновенности собственности: земельной, торговой и промышленной, — взимание миллиардного принудительного займа... производится не на основе владения имуществом или капиталами, а исключительно на основании доходов с земли, с движимого и индустриального имущества, согласно принципам справедливости и правилам, достойным свободного народа». Этим еще раз подчеркивалось, что частная собственность священна и неприкосновенна.

Мероприятия революционного правительства против скупщиков, против голода, установление максимума цен вызвали ожесточенное сопротивление буржуазии. Буржуазия рассматривала таксацию цен «максимум» как нападение на собственность, как узурпацию свободы собственности, как дезорганизацию хозяйства.

Но голодающий Париж и бедняки Франции не могли ограничиться только декларациями о свободе и равенстве. Они требовали реальных мероприятий по улучшению их материального положения.

Правительство короля проводило строгую регламентацию продажи хлеба, выдавало регламентацию хлебной торговли за заботу о продовольствии для населения. На самом деле это было вовсе не так. Отжившие свой век регламентации, ведущие к штрафам и реквизициям, были доходной статьёй для банды королевских чиновников, были ареной самого грубого произвола. В хаосе различных ограничений, стеснений и регламентаций хищные компании монополистов, спекулянтов наживались на народной нужде. Именно им покровительствовала королевская власть, прикрываясь разговорами насчет забот о населении.

Интересы торговой и промышленной буржуазии, не входящей в монополии, требовали свободной торговли хлебом. Еще задолго до революции это

требование облачилось в высокие принципы философии просветителей. Национальное собрание провозгласило свободную циркуляцию хлеба по стране, хотя вывоз хлеба за границу был строжайше запрещен. Буржуазия неоднократно затем подтверждала в декретах это свое требование, она вписала его в текст присяги федератов.

Однако лозунг свободной хлебной торговли был непопулярен в массах. Массы не хотели поднятия цен в результате свободной конкуренции в условиях революции и надвигающихся войн: они справедливо не доверяли торговцам и деревенским кулакам, прятавшим хлеб. Вопрос о хлебе был вопросом ожесточенной борьбы.

Продовольственные беспорядки 1792 г. превращались в войну бедняков со скупщиками, спекулянтами, булочниками и переплетались с аграрным движением за землю, против феодальных привилегий и платежей.

Жирондистская буржуазия, так же как и буржуазия Национального собрания, не могла посягнуть на свободу торговли. Еще в декабре 1792 г. она подтверждает отмену всяких таксаций. В это время уже начинается волна петиций из парижских предместий, разворачивается ожесточенная борьба бедняков за таксацию цен в пользу народа, против скупщиков и спекулянтов.

Беднота, плебейские массы, стоя на страже революции, требовали необходимого вторжения в частную собственность, требовали ограничения свободы торговли. Они еще не охватывали всего процесса капиталистического производства и эксплуатации в целом, они не видели, что корень зла лежит в частной собственности на средства производства. Плебейская масса восстала против существующих форм обмена и распределения. Это наглядно ощущалось ею как голод народных масс, с одной стороны, как спекуляция и нажива на нужде народа — с другой.

Борясь за ограничение буржуазной свободы торговли, устанавливая за нею строжайший контроль, требуя уменьшения прибылей, борясь против скупщиков, революционные массы вторгались не только в торговлю, но и в производство, вторгались в святая святых развивающегося капиталистического строя, в неприкосновенность его собственности. Не мудрено, что либеральная жирондистская буржуазия сопротивлялась введению максимума.

Роллан в октябре 1792 г. требовал, чтобы все прониклись «великой истиной, что торговля может процветать лишь при неограниченной свободе». Жирондист Дюко выступает против «тирании» таксаций, регламентаций, стеснений. Это все, указывает он, было присуще деспотизму. Здесь Дюко, так же как и ряд буржуазных и мелкобуржуазных историков, допускает отождествление королевской регламентации, покровительствующей монополистам, спекулянтам, с требованием максимума со стороны народных низов, обращенное против скупщиков, спекулянтов и «нуворишей».

В своей речи о свободе торговли в 1848 г. Маркс показал, что за всеми звонкими фразами о свободе торговли лежит свобода капитала. Снятие преград на пути свободной торговли лишь откроет более свободное поле деятельности для капитала. «Не позволяйте обманывать себя абстрактным словом *свобода*! Чья свобода? Это слово не означает свободы одной личности по отношению к другой. Оно означает свободу, которою капитал пользуется для угнетения рабочего»¹). Но зная всю цену свободы торговли, Маркс не защищал регламентаций покровительственной системы. Маркс считал их консервативными и утверждал, что свобода торговли заостряет и доводит до крайности противоположность между буржуазией и пролетариатом. Во Франции королевская регламентация была также консервативной, но максимум, требуемый массами, необходим был для того, чтобы защитить револю-

¹) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 459.

цию от врагов, защитить тысячи жизней бедняков от голодной смерти и произвола спекулянтов.

Робеспьер пришел к убеждению о необходимости максимума не сразу, а после колебаний. Но уже в декабре 1792 г. он выступал в Конвенте против свободы торговли рожью: «Свобода торговли необходима только до тех пор, пока убийственная жадность не начинает злоупотреблять ею». Творцы теории свободной торговли, по его мнению, уделяли внимание только багрянам торговцев и собственников.

Марат «взывает к фонарю» в отношении крупных скупщиков, требует предания их суду как изменников родины. Выступая против скупщиков и спекулятивных монополий, Марат отнюдь не стоял за свободную торговлю хлебом. Нерушимостью естественных законов он оправдывал требования революционного народа по обеспечению жизни бедноты, против голодной смерти, против спекулянтов.

В классовой борьбе со скупщиками и спекулянтами развернули свою деятельность представители отдельных слоев революционных плебейских масс — «бешеные». «Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может заставить морить другой голодом. Равенство — пустой призрак, когда богатый путем скупок получает право над жизнью и смертью своих ближних», — говорит Жак Ру. «Бешеные» требовали установления максимума и свержения жирондистов. Они добивались смертной казни скупщикам и спекулянтам, предлагая установить бесплатную раздачу продуктов неимущим, требовали объединения торговли в руках государства.

В результате всего этого после ожесточенной борьбы был установлен при жирондистах, 4 мая 1793 г., максимум цен на зерно. Но этот декрет был насильно вырван у жирондистов, они всячески его саботировали. Было ясно, что вопрос о максимуме, так же как и проведение других важнейших мероприятий, упирается в вопрос о власти. В борьбе за власть, в этом центральном, основном вопросе революции, разрешались проблемы политики и интересов разных классов.

Только после захвата власти якобинской диктатурой был действительно установлен и проведен максимум. Матьез считал день установления максимума днем «народного реванша».

Конвентом была объявлена война против скупщиков, скупничество каралось смертью. Декрет Конвента о скупщиках был опубликован в коммунах, муниципалитетах под бой барабанов. Якобинская диктатура по-революционному расправлялась с врагами народа.

«Начиная с 31 мая 1793 г. и до 26 июля 1794 г. ни один трус, ни один торгаш, ни один спекулянт, — словом, ни один буржуа не решился показаться»¹⁾.

Комиссары революционного Конвента в провинции на практике проводили максимум. Они на местах сокрушали скупщиков, производили реквизиции спрятанного хлеба по деревням. Деревня встретила максимум враждебно. Крестьяне выступали революционно до тех пор, пока не были устранены феодальные отношения в землепользовании, пока не была закреплена частная собственность на крестьянские земли. До тех пор пока революция шла в этих пределах, крестьяне были за революцию, но с углублением революции, с конца 93-го года, богатые крестьяне ожесточенно сопротивлялись политике Конвента. Даже деревенская беднота не защищала максимум, так как никакой заботы о деревенской бедноте не было и беднота зачастую подвергалась реквизициям наряду с остальными. «Бесчисленные прокламации Комитета общественного спасения, бесчисленные декреты Конвента, прежде

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 29.

всего о максимуме и спекуляции хлебом, карательные отряды и передвижные гильотины — все это пришлось пустить в ход против упрямых крестьян»¹⁾.

Но при всей строгости проведения максимума и несмотря на гильотину спекуляция имела место и в эти суровые дни.

Максимум ударил и по рабочим в виде максимума зарплаты, который должен был выполняться, причем рабочие не имели права отказываться от работы. «Французский Конвент, — замечает Ленин, — размахивался широкими мероприятиями, а для проведения их не имел должной опоры, не знал даже, на какой класс надо опираться для проведения той или иной меры»²⁾.

Максимум, разумеется, не привел к установлению равенства, не изменил характера собственности на средства производства. Максимум был навязанным плебейскими массами способом защиты революции от спекулянтов и скупщиков. Максимум был революционной мерой, необходимой для революции. «Уже 125 лет тому назад во Франции люди, действительно бывшие «революционными демократами»... умели устанавливать революционный контроль за богачами и достигать результатов, перед которыми преклонялся весь мир»³⁾.

Борьба вокруг собственности во Французской революции находила яркое выражение в решении проблемы равенства. Все классы и партии Французской революции, ведущие борьбу с феодализмом: буржуазия, мелкобуржуазные революционеры, представители предпролетариата, — все ратовали за свободу и равенство.

Буржуазные и мелкобуржуазные требования равенства отличаются друг от друга, но сходятся в главном и основном. И те и другие требуют свободы и равенства, одновременно защищая существование частной собственности; тем самым они защищают несвободу и неравенство капиталистического строя. «Лозунг свободы и равенства при умолчании об этих вопросах, о частной собственности на средства производства, есть ложь и лицемерие буржуазного общества»⁴⁾.

Буржуазия выдвинула требование свободы и равенства, потому что эти требования имели глубокое основание в капиталистическом способе производства. Маркс вскрывает реальные корни буржуазного равенства, Маркс дает объяснение буржуазных представлений о равенстве из условий существования капиталистического общества. Экономические отношения капитализма требуют равенства товаровладельцев, требуют свободы конкуренции, «равенства шансов буржуазных конкурентов». Феодальный политический строй выдвигает препятствия в виде цеховых привилегий, пошлин, исключительных законов, и буржуазная революция сметает этот политический строй. На место привилегий становится «равное» право капиталистической собственности, на место феодальной эксплуатации становится капиталистическая эксплуатация.

Буржуазии свойственна абстрактная постановка вопроса о равенстве человеческой личности «вообще». Буржуазия провозглашает формальное, юридическое равенство собственника и пролетария, равенство «человеческих личностей», выступает против уничтожения классов. Говоря о «равенстве» эксплуататора и эксплуатируемого, буржуазия лишь прикрывает фактическое неравенство и наемное рабство рабочих.

Но «рабство буржуазного общества по видимости своей есть величайшая свобода, потому что она кажется законченной формой независимости индивидуума»⁵⁾, — пишет Маркс. Фетишиза-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. VI, стр. 529.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 164.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXI, стр. 173.

⁴⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 470.

⁵⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 144.

ция товаров, вещей приводит к тому, что свобода отчужденной от производителя собственности принимается за свободу человека, «меж тем как на деле она означает лишь рабство и бесчеловечность. На место привилегии тут стало право» (Маркс). Идеологи буржуазии стремятся увековечить капиталистические производственные отношения, выражающиеся в формальном равенстве и фактическом неравенстве. Буржуазное равенство превращается в вечные, природные, естественные права человека, в вечную истину, в царство разума. За такое равенство шла борьба во Франции в XVIII в.: «...вы знаете, что вся борьба против средневековых порядков, против феодализма шла под лозунгом «равенства». Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк, — так говорили, так думали, так искренно считали величайшие революционеры того периода, который в историю вошел, как период Великой французской революции»¹⁾.

И здесь же Ленин отмечает, что это равенство — ложь и обман, что оно противоречит освобождению труда от гнета капитала, что не может быть настоящего равенства там, где есть частная собственность на средства производства, на капитал. Буржуазия уничтожает старые различия между сословиями, признает в принципе свободу печати, равенство всех перед законом и т. д. Но все буржуазные свободы и равенство ограничены монополией денег. Они представляют собой «равенство в пределах существующего неравенства, которое, в сущности, не означает ничего, кроме того, что **неравенство** называют равенством»²⁾. Такое равенство — пустая фраза, обманывающая рабочих. Маркс больше всего высмеивал пустые, звонкие слова о свободе и равенстве без требования уничтожения частной собственности на средства производства и уничтожения классов. Ленин пишет, что Маркс во всех своих экономических произведениях, и в особенности в «Капитале», доказывает ту истину, что между рабочим и капиталистом нет и не может быть равенства, что пролетариат — могильщик капиталистического общества и единственная сила, способная его разрушить и заменить новым общественным строем. Всякие утверждения о «свободе» личности в капиталистическом обществе есть обман народа, потому что эта свобода написана в конституции, которая узаконяет частную собственность.

Буржуазное равенство, буржуазная свобода собраний, печати, буржуазная республика являются огромным прогрессом по сравнению с феодальными привилегиями и порядками, с крепостным правом. Освобождение от феодальных пут феодального неравенства и привилегий, установление правового равенства требовали также равноправия для многотысячных масс крестьянства, уничтожения исключительного положения дворянства. Во всем этом была прогрессивная сторона буржуазных требований свободы и равенства, и эти требования получили всеобщий характер. Но одновременно буржуазная свобода означала свободу наживы, равенство было равенством на словах, равенством и свободой капиталистической эксплуатации. Одна форма эксплуатации заменялась другой формой, но эксплуатация осталась. «Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся»³⁾.

При капиталистической эксплуатации трудящиеся формально свободны и равны перед законом; но сами законы развития капитализма обрекают трудящихся на безработицу, на обнищание, на голодную смерть, на величайшее неравенство.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 293.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 19—20.

³⁾ Сталин. Речь на съезде колхозников-ударников, стр. 18. Ленпартиздат. 1933.

Только социалистическая Октябрьская революция поставила и провела в жизнь вопрос об искоренении всякой эксплуатации и всех эксплуататоров, потому что она поставила и провела в жизнь вопрос о ликвидации частной собственности на средства производства и об уничтожении классов. Марксистское требование равенства сводится к требованию уничтожения классов. Это подчеркивают Маркс и Энгельс, это многократно отмечает Ленин. Это с особой силой формулирует товарищ Сталин на XVII съезде партии.

Лозунг абстрактного равенства даже в период буржуазной революции означает требование капитализма, означает ложь и обман, прикрывающие эксплуатацию рабочих. Лозунг абстрактного равенства, выставленный Зиновьевым как «философия эпохи», уже после социалистической Октябрьской революции, в период строительства социализма, в условиях ожесточенной классовой борьбы являлся лозунгом реставрации капитализма.

«Лозунг о равенстве, — говорит товарищ Сталин на XIV съезде, — в данный момент есть эсеровская демагогия. Никакого равенства не может быть, пока есть классы и пока есть труд квалифицированный и неквалифицированный... Надо говорить не о неопределенном равенстве, а об уничтожении классов, о социализме»¹⁾. Выколачивая классовое содержание, защищая абстрактное «равенство», Зиновьев уже тогда становился глашатаем капитализма. Всей своей дальнейшей предательской деятельностью Зиновьев и его контрреволюционная группа доказали, что за их пресловутым «равенством» лежит борьба против социалистической революции, против уничтожения классов, борьба за капитализм, против социализма.

Мелкобуржуазные лозунги равенства стремились обеспечить наилучшие условия для развития собственности, основанной на труде. Не затрагивая основ частной собственности вообще, они включали в себя элементы уравнительности, требовали урезки крупных состояний, выступали против феодальной собственности, за свободное мелкое товарное производство. Это было равенство мелких хозяев, равенство «всеобщей ограниченности», это было стремление повернуть историю далеко назад. И как попытка «искать позади», а не «вперед» разрешения задач революции эта попытка была реакционна. Мечты о том, что равенство может держаться на основе товарного производства, уверенность, что можно создать новый общественный строй, где будет царить равенство, не уничтожая частную собственность на средства производства, — реакционная утопия.

И в то же время мелкобуржуазная «идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества, борьбу за самое широкое и чистое развитие товарного производства»²⁾.

Самая революционная для крестьянского движения идея «черного передела», очищающая сельское хозяйство от пережитков крепостничества, рассматривалась Лениным «как исходный пункт и условие свободного капитализма». В крестьянском требовании равенства выражено стремление начисто покончить с феодальной эксплуатацией. В крестьянском требовании равенства была надежда избавиться от всякой эксплуатации. Но это было невозможно провести на основе товарного производства, сохранения частной собственности, в рамках мелкобуржуазного равенства. «Социализм равенства есть последняя буржуазная иллюзия мелкого хозяина»³⁾, и изжить эту иллюзию массы могут только в революционной борьбе под руководством пролетариата. Преодолев эту иллюзию, массы идут дальше под руководством пролетариата в бой за социалистическую революцию, за уничтожение классов, за социализм крупного обобществленного производства.

¹⁾ Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б), стр. 500.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XI, стр. 187.

³⁾ Там же, стр. 189.

Якобинцы отражали мелкобуржуазные требования равенства, не всегда, впрочем, доводя их последовательно до конца. Примером этого может служить их отрицательное отношение к «аграрному закону».

Французская буржуазия выдвинула в революции 1789 г. на первый план лозунг гражданского равенства. Мелкая буржуазия, исходя из этого лозунга, поставила ряд уравнительных требований, но осталась в основном в рамках формального равенства. Французский «предпролетариат», не удовлетворяясь формальным равенством, требует равенства реального, социального, экономического. С появлением буржуазии, с ее превращением из сословия в класс за ней следует «как ее тень» пролетариат. «Параллельно с этим за буржуазными требованиями равенства начинают следовать пролетарские требования равенства»¹).

Бабеф, оформивший требования пролетариата этой эпохи, написал на своем знамени великий лозунг уничтожения частной собственности. Но «пролетарские требования равенства» в эпоху Французской революции имели еще незрелый, сырой, поверхностный, примитивный характер. На пролетарских требованиях равенства лежал реакционный отпечаток мелкобуржуазной уравнительности.

Так, Бабеф устанавливал для новых общественных отношений полное равенство зарплаты работникам умственного и физического труда, устанавливал натуральное распределение всех продуктов потребления из общественных магазинов поровну.

Эта теория, проповедующая «всеобщий аскетизм и грубую уравнительность», была проявлением незрелости пролетариата.

Молодой Маркс в «Подготовительных работах к «Святому семейству» решительно выступает против уравнительного характера «грубого коммунизма». Он замечает, что «грубый коммунизм» есть завершенная форма «зависти» и стремления к нивелировке, с которой частная собственность обращена к более крупной частной собственности. Маркс показывает, что этот коммунизм не уничтожает существования рабочего в условиях капитализма, а, наоборот, распространяет его на всех людей. Маркс решительно выступает против аскетического, примитивного коммунизма. Это есть «лишь возвращение к неестественной простоте нищего и нуждающегося человека, который не только не переступил за грани частной собственности, но даже не достиг еще уровня ее»²).

В этой своей работе Маркс дает гениальную характеристику частной собственности. Он с ненавистью обрушивается на ограниченность частной собственности, превращающую людей в тупых и односторонних индивидов. Вся жизнь при капитализме — это движение частной собственности, выражающееся в общей форме во власти денег. Маркс рассматривает капиталистическую собственность во всем ее разностороннем влиянии на общество, в котором религия, семья, государство, право, мораль, искусство — все это особые формы, подчиняющиеся всеобщему закону эксплуатации — «отношению пользы», пронизывающему психологию, идеологию капиталистических классов. Уничтожение частной собственности понимается Марксом как всестороннее освобождение личности, как «освобождение всех человеческих чувств и свойств».

Маркс уже в «Святом семействе» дает ряд законченных определений буржуазной собственности, в частности выступает против «недифференцированной» противоположности между отсутствием собственности и наличием собственности. Настоящее противоречие капитализма, по Марксу, — это противоречие между трудом и капиталом, это противоречие классов.

¹) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 106.

²) Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 620.

Незрелый коммунизм пролетариата эпохи Французской революции, конечно, не дошел до такого понимания классовых противоречий капитализма. Его требование равенства выросло на основе буржуазных теорий равенства; его лозунги уравниловки отражали крестьянский мелкобуржуазный образ мышления. И все же несмотря на это примитивный коммунизм Бабефа, провозглашая уничтожение частной собственности, выражал в зачаточной и грубой форме пролетарское требование уничтожения классов. «С того момента, как было выдвинуто буржуазное требование уничтожения классовых преимуществ, появляется и пролетарское требование уничтожения самих классов»¹⁾.

Маркс, прослеживая возникновение коммунистических идей, идей «нового мирового порядка», отмечает, что они были вызваны к жизни революционным движением, «которое началось в 1789 г. в Cercle social, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Руи, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа»²⁾.

Ленин указывает, что «в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего, смешиваются та и другая дорога. Наемный труд и его борьба против частной собственности... зарождается даже при крепостном праве»³⁾. Еще до революции и в ходе революции выдвигались требования об уничтожении частной собственности (Мелье, Мабли, Морелли, Бабеф), но это вовсе не означает, что революция не была буржуазной. Ленин, указывая на переплетение «элементов прошлого и будущего», требовал «логически и исторически отделять крупные полюсы развития»⁴⁾, требовал «строжайшего различия буржуазной и пролетарской революции».

В классической буржуазной Французской революции не мог быть разрешен вопрос действительного равенства — уничтожения классов. И буржуазные требования формального равенства и мелкобуржуазные уравнилельские лозунги не могли подорвать основ частной капиталистической собственности, основ классового господства. Действительное равенство лежит только в уничтожении классов, а это требование может провести в жизнь только пролетариат через социалистическую революцию, через диктатуру пролетариата и социалистическое строительство, через борьбу с формальным буржуазным равенством и мелкобуржуазной уравниловкой.

* * *

Французская революция конца XVIII века завоевала новое — капиталистическое общество, утвердила новую — капиталистическую собственность. В бурном движении революции массы «разбили в куски феодальную почву и скопили выросшие на ней феодальные головы»⁵⁾.

Революция обновила и переродила экономику Франции. По-революционному расправившись с феодализмом, она завоевала более прогрессивное использование земли по сравнению с феодальной земельной собственностью. Основой Французской революции явилось создание свободного крестьянства, превращение феодальной земельной собственности в мелкокрестьянскую. Освободившись от феодальных поборов, французский крестьянин лихорадочно взялся за обработку земли.

Но неизбежные законы развития мелкотоварного хозяйства привели к тому, что мелкая собственность крестьянина на землю превратилась в источ-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 106.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 147.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. VIII, стр. 85.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Маркс и Энгельс «Исторические работы», стр. 136.

ник задолженности, рабства и нищеты масс. Революция в борьбе против закрепощенности земли добилась свободы сделок, свободы аренды, допущения ссуды под землю, организации ипотечной системы. Земля стала равной перед законом, стала товаром, а не дворянской привилегией. Все это лишь способствовало развитию капитализма в земледелии. «В течение XIX столетия место феодалов заняли городские ростовщики, место феодальных повинностей, тяготевших на земле, ипотечные долги, место аристократической земельной собственности буржуазный капитал»¹). Буржуазная собственность победила феодальную собственность.

Победа буржуазии означала победу нового общественного строя, новых отношений собственности, победу свободы промышленности и конкуренции над цехами, превращение рабочей силы в товар, несвободного цехового подмастерья в формально свободного пролетария. Буржуазия привела политический строй в соответствие с экономическими отношениями. Установление республики, объединение провинциальной Франции в единое государство с единообразным управлением департаментов, установление общего, единообразного права, нашедшее выражение в Кодексе Наполеона,—все это являлось необходимым условием развития капиталистического строя, капиталистической собственности.

Весь XIX век проходит под знаком Французской революции. Нет такой области права, философии, литературы, педагогики, где бы не было ее мощного влияния.

Свергнув старые господствующие классы, захватив власть в свои руки, буржуазия объявляет существующий порядок вечным и разумным.

Маркс замечает, что истинные полководцы нового общественного строя, представители трезвой, практичной буржуазии, осуществляющей власть денежного мешка, власть чистогана и буржуазного «интереса», сидели за конторками. И чтобы приукрасить будничность, низменность и ограниченное содержание своей борьбы, буржуазная революция прикрылась классическими тогами римской республики.

«... При всем характеризующем буржуазное общество отсутствии героизма оно нуждалось в героизме, самопожертвовании, терроре, гражданской войне и битве народов, чтобы появиться на свет»²).

Образцы героизма в борьбе против феодализма показали плебейские массы.

Революция 1789 г. была совершена широчайшими массами. В беседе с Уэллсом товарищ Сталин специально отметил, что революция 1789 г. была народной революцией, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия. По методам своим революция была демократической, плебейской. Ленин считал Французскую революцию конца XVIII века образцом «самого глубокого и широкого демократического движения масс»³).

Особенно подчеркивал Ленин размах и силу Французской революции, которые придавал ей союз городского плебса с демократическими массами крестьянства.

Энгельс в письме Каутскому (1889 г.), давая отзыв на работу Каутского о Французской революции и указывая, что Каутский не уделяет внимания главной основе Французской революции — плебейскому движению,—отметил, что буржуа и на этот раз оказались слишком трусливыми, чтобы отстаивать свои собственные интересы. Со времени взятия Бастилии плебс берет на себя разрешение всей задачи. Если бы не плебейское движение,

¹) Маркс и Энгельс «Исторические работы», стр. 225.

²) Там же, стр. 136.

³) Ленин. Собр. соч. Т. XIV, стр. 220.

буржуазия терпела бы поражения, пошла бы на соглашения со двором и революция была бы разбита.

В чем причина непоследовательности буржуазии в борьбе против феодализма? Причина лежит в том, что буржуазная собственность, вызревая в недрах феодализма, зачастую переплетается с феодальной собственностью, у нее «увязает коготок» в феодальной собственности. Это превращало буржуазию в непоследовательного, половинчатого противника феодализма. Кроме того буржуазия опасается за свою собственность, боится сил, вызываемых революцией, и она скорее идет на компромисс с дворянством, когда трудящиеся начинают применять революционные методы нападения на феодальную собственность. Другое положение с крестьянами: «Они могут при благоприятном стечении исторических обстоятельств добиться самого полного устранения феодализма, но они не случайно, а неизбежно всегда будут проявлять известные колебания между буржуазией и пролетариатом»¹⁾.

Причину решительной борьбы крестьянства против феодализма надо искать в условиях антагонистических противоречий классовых интересов крестьян и феодалов-помещиков. Плебейская масса проводила жестокую классовую борьбу с буржуазией за последовательную отмену феодальных привилегий и прав, за окончательное уничтожение феодализма, аристократии и королевской власти.

«Либеральная буржуазия Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов»²⁾, — пишет Ленин. Ленин отмечал также, что народные массы Франции завоевали и укрепили достижения революции «вопреки колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии»³⁾. Осуществляя буржуазную революцию, широкие народные массы придали ее лозунгам чуждый для буржуазии смысл. Формальное буржуазное равенство перед законом было превращено в требование фактического равенства.

Революция пошла дальше ее непосредственных созревших буржуазных целей. Диктатура якобинцев, представителей самого революционного класса XVIII века — городской и деревенской бедноты, объявила беспощадную войну всему реакционному.

Но плебейские массы XVIII века, сражаясь за революцию, защищая лозунги свободы и равенства даже в том смысле, который они придали им, даже выступая против буржуазии, защищали, сами того не понимая, интересы буржуазии.

«Равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать прямую противоположность им, и что, как всегда, — ирония истории — это плебейское понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом для осуществления своей противоположности — буржуазного равенства перед законом и братства в эксплуатации»⁴⁾.

Последовательная борьба масс против феодализма создала наилучшие условия для развития капитализма, увеличение количества собственников расширило его базу, освобождение личности от феодальных стеснений наряду с процессом освобождения производителя от средств производства создало широкий рынок наемных свободных рабочих. Революционный террор, применяемый для защиты завоеваний революции, послужил лишь к тому,

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XVI, стр. 166.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XV, стр. 342.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Энгельс — К. Каутскому 20/II 1889 г. Журнал «Историк-марксист» № 2 за 1933 г.

«чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, феодальные руины с лица Франции»¹⁾), чтобы выровнять буржуазии дорогу.

Рабочие, ремесленные подмастерья были передовыми борцами плебейского движения, но они еще не были организованы, не имели партии. Своеобразие заключалось в том, что тогдашний революционный пролетариат был еще почти слит с широчайшими демократическими плебейскими массами, не обособился от них как самостоятельная руководящая сила. Плебейская масса городов была движущей силой революции, но она занимала еще «второе место» за крестьянством. Гегемоном в революции 1789 г. являлась буржуазия, хотя ее на время и вытолкнули революционные массы. Революция привела к громадному усилению политического веса буржуазии.

Товарищ Сталин писал в 1907 году, анализируя соотношение классовых сил во Французской революции в противовес положению в России в 1905 году: «В 18 столетии французская буржуазия была вождем французской революции, но почему? Потому что французский пролетариат тогда был слаб, он не выступал самостоятельно, он не выставлял своих классовых требований, у него не было ни сознания, ни организации, он шел тогда в хвосте у буржуазии, и буржуазия пользовалась им, как оружием для своих буржуазных целей»²⁾).

Уничтожая личные привилегии сеньоров, декларируя отмену феодального строя, конфискуя земли дворян-эмигрантов и духовных сеньоров, выступая против короля, буржуазия 1789 г. имела своим резервом крестьянство и сыграла революционную роль в первый период революции. Но плебейские массы не могли сплотиться вокруг буржуазии на длительный период, ибо поставленные в революции жизненные интересы трудящихся масс — обеспечение земель широких масс крестьянства и рабочий вопрос — разрешались буржуазией с точки зрения своих интересов, т. е. с точки зрения эксплуатации трудящихся.

Однако и движение плебейских масс того периода не могло привести к уничтожению новой капиталистической эксплуатации, идущей на смену феодализму. «Революция на Западе разыгралась в условиях мануфактурного периода и неразвитой классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и малочислен, не имел своей собственной партии, могущей формулировать его требования, а буржуазия была достаточно революционна для того, чтобы внушить рабочим и крестьянам доверие к себе и вывести их на борьбу с аристократией»³⁾).

Выведа массы на борьбу с феодализмом, дав им лозунги этой борьбы, буржуазия испугалась размаха движения и восстания плебейских масс. Опасаясь за неприкосновенность своей собственности, буржуазия не проводила последовательной борьбы с феодализмом. Вокруг этого шла революционная классовая борьба в революции 1789—1794 гг., имевшая главного врага в лице феодального дворянства, а главное содержание — в ликвидации феодальных отношений и в установлении капиталистической собственности и как в фокусе отражавшаяся в главном вопросе революции — в борьбе классов за власть.

С укреплением силы сознательного и организованного пролетариата гегемония в борьбе с феодализмом переходит в руки пролетариата, и вокруг пролетариата сплачивается крестьянство. Буржуазия теряет свою политическую силу, теряет свой основной резерв — крестьянство. Напуганная революционной силой пролетариата, она открыто переходит к контрреволюции, вступает в союз с помещиками и царизмом. Так было в период бур-

¹⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. V, стр. 206.

²⁾ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 83. Партиздат. 1935.

³⁾ Сталин «О Ленине», стр. 8. Партиздат. 1934.

жуазно-демократической революции в России в 1905 г., гегемоном в которой был рабочий класс.

Содержание революций 1789 г. и 1905 г. было буржуазное. И ту и другую революцию свершили народные массы, но разница была в движущих силах, в руководстве революцией 1905 г., в перерастании буржуазной революции в революцию социалистическую.

Ленин указывал на то, что буржуазные революции имеют громадное разнообразие различных слоев, групп, элементов. Он решительно боролся против формально-логического «высасывания» ответов на конкретные вопросы буржуазно-демократической революции 1905 г. из общего понятия буржуазной революции и квалифицировал это как опoшление марксизма. В революции 1905 г. пролетариат во главе с ленинской партией большевиков выставил лозунг национализации земли, с наибольшей последовательностью ведущий к слову всех старых перегородок, к разрушению крепостнического землевладения, к невозможности возврата к прежнему. Плебейские массы 1789 г. и их политические вожди, конечно, не могли так ставить эти вопросы.

В то же время Ленин много раз подчеркивал необходимость различения законченной Французской революции 1789 г. от неоконченной революции 1848 г. в Германии. Революция 1789 г. была доведена до конца, до решительной победы над феодализмом и до установления республики. Переворот 1789 г. был «проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших хотя бы на время в сторону солидную и умеренную буржуазию»¹⁾.

Маркс, Ленин и Сталин на опыте революций показали, как по мере роста «силы сознательного и организованного пролетариата» буржуазно-демократическая революция перерастает в пролетарскую, социалистическую. Большевики — единственно до конца последовательно-революционная партия пролетариата — боролись в 1905 г. за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с тем, чтобы «от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты»²⁾.

Пролетарская революция принципиально, в самом важном и существенном, отличается от буржуазной революции. «Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой Французской Революции. Целью Французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма»³⁾. Социалистическая Октябрьская революция похода, мимоходом уничтожила феодальные крепостнические пережитки и сделала это с такой силой и основательностью, как ни одна другая революция в истории.

Ленин указывает, что все пережитки и остатки крепостничества, главнейшими из которых в России 1917 г. являлись «монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей»⁴⁾, были сметены начисто Октябрьской революцией. Наиболее глубокие корни сословности — остатки феодализма в землевладении — «вырваны нами до конца». Ленин отмечает, что революции передовых стран, как Англия, Франция и Германия, не дочистили до конца «авгиевых конюшен» феодального строя. Уважение к «священной частной собственности» помешало освобождению человечества от средневекового хлама: от феодальных привилегий, от неравенства женщин, неравноправия национальностей и т. д. «В нашей пролетарской революции, — пишет Ле-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. VIII, стр. 190.

²⁾ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 607. 9-е изд.

³⁾ Сталин «Статьи и речи», стр. 166. 1934.

⁴⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 25.

нин, — этого проклятого «уважения» к этому трижды проклятому средневековью и к этой «священной частной собственности» не было»¹⁾.

Для рабочего класса борьба за демократическую республику — лишь ступенька к осуществлению его действительных целей — завоеванию диктатуры пролетариата, уничтожению капиталистической собственности, построению социализма.

Все формы собственности, установившиеся прошлыми, допролетарскими революциями, были ограничены. «Все прежние революционные присвоения были ограничены», — писал Маркс в «Немецкой идеологии», потому что индивиды «оставались подчиненными разделению труда и своему собственному орудии производства»²⁾. Буржуазная революция открывала путь свободному развитию капитала, власти денег, эксплуатации и всеобщей продажности. Но развитие производительных сил требовало смены феодальной собственности капиталистической собственностью. Однако этот исторический период закончился. Теперь дальнейшее развитие производительных сил требует уничтожения частной собственности. Маркс призывал к этому в громовом лозунге «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют!»

Социалистическая революция приводит к уничтожению частной собственности. Эта революция происходит таким образом, что «масса орудий производства будет подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам»³⁾. Эта революция уничтожает ограниченность прошлых революций, уничтожает эксплуатацию. Но чтобы изменить отношения собственности, надо взять власть в свои руки; поэтому вопрос о власти является основным вопросом революции, а завоевание диктатуры пролетариата — основным, решающим условием развития социалистической собственности. Диктатура пролетариата приводит к невиданному расцвету производительных сил, к непрерывному улучшению благосостояния трудящихся. Диктатура пролетариата перевоспитывает трудящихся, развивает социалистическое отношение к труду, приводит к сознательному, рациональному использованию орудий производства, сил природы, земли — «общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства для ряда сменяющихся человеческих поколений»⁴⁾. За это великое дело боролся Маркс, боролись поколения революционеров. Ленин и Сталин, руководя многомиллионными массами, воплотили это в жизнь в пламени Октябрьской революции, в великой социалистической стройке.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 26.

²⁾ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. IV, стр. 58.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Маркс «Капитал». Т. III. Ч. 2-я, стр. 586.

О некоторых чертах ленинского понимания закона единства противоположностей

М. Розенталь

I

Проблеме закона единства противоположностей Ленин уделял огромное внимание, ее разработке он придавал величайшее значение. Не только в его специально философских работах, но и в работах общеполитического порядка — в статьях, посвященных самым разнообразнейшим вопросам: экономическим, научным, культурным, статистическим, историко-партийным, литературным, — везде можно найти глубочайшие и богатейшие мысли, замечания об этом универсальном законе развития, о борьбе противоречий, о различных и многообразных формах перехода противоположностей, об абстрактных и конкретных противоположностях, о различных типах противоречий и т. д. В этом факте, в том, что Ленин со всей свойственной ему силой акцентировал на разработке именно этого вопроса, нашли свое выражение особенности эпохи наибольшего обострения противоречий капитализма, эпохи пролетарских революций и строительства нового, социалистического общества. При этом нужно учесть конкретную обстановку в России, в стране, в которой общие противоречия, свойственные всей мировой эпохе, нашли свое особенно острое и бурное выражение. Нужно также учесть богатейший опыт нашей партии, всю ее историю, сложнейшую стратегию и тактику партии в революционном движении, в собирании и организации масс, ее борьбу против оппортунистических течений и групп всех разновидностей.

Сам Ленин об этом неоднократно напоминал. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» он писал, что «большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества»¹⁾.

В этой борьбе Ленин оттачивал, отшлифовывал тончайший инструмент диалектики. Ни тени догматизма в его применении, ни намек на насильственное подчинение жизни абстрактному закону, искуснейшее мастерство

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 175.

ч умнее обнажать самые сокровенные, скрытые от поверхностного взгляда генденции действительности, давать четкое, до конца ясное и ничем не затуманенное, предельно выразительное определение своеобразия текущего момента со всеми вытекающими последствиями для партийной тактики, огромное чувство жизни и всей ее замысловатой «хитрости» — все это делает ленинские работы, и крупные и небольшие, неисчерпаемой сокровищницей материалистической диалектики. И когда предпринимается попытка показать некоторые черты ленинского понимания того или иного философского понятия, категории, закона, то исследователь прежде всего сталкивается с поистине решающей чертой: философский закон в ленинском понимании с максимальной точностью, насколько это позволяет вообще сила человеческого мышления, отражает и воспроизводит действительность; отсюда тысяча оттенков в понимании этого закона, его многообразнейших форм проявления, величайшая гибкость в его применении, отсутствие всякой мертвой схемы.

II

Ленин вслед за Марксом и Энгельсом понимал и разрабатывал закон единства противоположностей как суть, как ядро всеобщей теории развития.

Если собрать воедино и сопоставить ряд ленинских определений диалектики, то легко убедиться в том, что диалектику Ленин трактует прежде всего как учение о развитии через раздвоение единого и взаимопереход противоположностей. Вот несколько определений: «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»¹⁾.

«Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики»²⁾.

«В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей также»³⁾.

И наконец: «Развитие единого и познание противоречивых частей его есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики».

Все эти определения быют в одну точку. Диалектика как всеобщая наука о развитии в собственном смысле — в тесном смысле слова не может не быть «учением о единстве противоположностей», ибо источником развития и являются борьба и взаимопереходы противоположностей. «Развитие есть борьба противоположностей» (Ленин).

Когда Ленин пишет о развитии и набрасывает свои заметки о двух концепциях развития, то он указывает, что истинной, научной, правильной концепцией является такое понимание, которое исходит из закона единства противоположностей, из раздвоения единого и перехода одной противоположности в другую. В другом месте он указывает, что принцип развития в XX в. все признают. Но этот принцип понимается неправильно, грубо механистически, и здесь он опять пишет об истинной концепции развития и замечает, что если все развивается, то это значит, что все переходит в свою

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 51.

²⁾ Там же, стр. 259.

³⁾ Лен. сб. XII, стр. 183.

противоположность, так как развитие не есть простой рост, увеличение или уменьшение.

Стало быть, Ленин разрабатывает закон единства противоположностей в широком плане, именно как основу всей теории развития.

С другой стороны, Ленин разрабатывает этот закон как важнейшую проблему теории познания. Эту сторону нетрудно понять, имея в виду, что в марксистской философии диалектика и есть теория познания, что основной закон развития объективного мира не может не быть основным законом познания.

Закон единства противоположностей является тончайшим инструментом познания, который дает возможность в абстрактных понятиях отобразить действительность в ее самых глубоких и существенных связях. Ленин неоднократно указывает, что мы нашим мышлением не можем полностью охватить движение во всей его конкретности, что движение, как оно происходит в действительности, наши понятия, логические категории неизбежно угрубляют, упрощают:

«Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия.

И в этом суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей»¹⁾.

Иными словами говоря, суть диалектики и выражающая эту суть формула — единство, тождество противоположностей — состоит в том, что она несмотря на неизбежное огрубление движения дает единственно правильный, глубокий, истинный образ действительности.

Главное в том, что закон единства противоположностей настолько глубоко отражает самые существенные связи действительности, что вместе со всеми другими законами и понятиями диалектики он является вполне достаточным и единственным источником всякого научного знания и практического действия.

И именно это имеет в виду Ленин, когда пишет, что в «этом суть диалектики» и что эту суть выражает закон единства противоположностей.

Ленин много раз напоминает, что истинное знание состоит в познании предмета, в его необходимости, в его необходимом развитии. Но такое познание возможно только, когда устанавливаются и познаются источники развития, когда тот или иной предмет рассматривается как определенное конкретное единство и взаимопроникновение противоположностей.

Поэтому Ленин не случайно подчеркивает:

«Лассаль, так сказать, вбивает колотушкой в голову читателя ту гегелевскую мысль, что в абстрактных понятиях и в их системе нельзя иначе выразить принцип движения, как принципом тождества противоположностей».

Поэтому же, когда Ленин делает какое-нибудь замечание о том или ином понятии, он все время подчеркивает ту их существеннейшую и неотъемлемую в диалектическом материализме черту, что они должны быть гибкими, взаимосвязанными, что они должны переходить друг в друга. Подвижен, противоречив, гибок объективный мир, и поэтому понятия, его отражающие, «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»²⁾.

¹⁾ Лен. сб. XII, стр. 193.

²⁾ Лен. сб. IX, стр. 121.

И еще: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть»¹⁾).

Обогадив наше познание о законе единства противоположностей как всеобщей теории развития объективной действительности на всестороннем анализе и обобщении эпохи империализма и пролетарских революций, Ленин поднял на высшую ступень разработку этого закона, показав тысячу его оттенков, подходов к действительности.

III

Ленин прежде всего борется и жестоко издевается над таким пониманием единства и борьбы противоположностей, которое абстрактно противопоставляет одну противоположность другой. Он неоднократно подчеркивает, что всякое явление, всякий процесс представляют собой живые явления и процессы, что ни в одном живом процессе, облеченном в плоть и кровь действительности, нет абстрактной противоположности противоречивых сторон. К этому вопросу он неустанно возвращается в ряде своих статей. В «Очередных задачах советской власти» он пишет, что, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, вся оригинальность положения Советской России заключается в том, что «люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубоко-мысленно ставили слово: «скачок»²⁾).

Но ничего нет легче, как такое абстрактное противопоставление капитализма социализму. Действительность гораздо замысловатее, хитрее, она складывается гораздо сложнее, чем это хотелось бы ученым. Абстрактное противопоставление капитализма социализму никакого реального, практического значения не имеет, ни к чему не обязывает. Ни в природе, ни в обществе нет чистых, абстрактных противоположностей. Реальные, действительные противоречия в обществе выражаются в определенных социальных отношениях, в борьбе определенных социально-экономических укладов; борьба за переход от капитализма к социализму точно так же, проявляется в совершенно конкретных экономических и политических формах, обусловливаемых конкретной обстановкой, соотношением классов и тысячами других условий. Легко говорить о противоположности капитализма и социализма вообще, но как выглядит конкретное, живое, всамделишное, не книжное противоречие?!

В этой связи любопытно вспомнить спор, который был между партией во главе с Лениным и «левыми коммунистами» по кардинальным вопросам социалистического строительства, перехода от капитализма к социализму. «Левые коммунисты» знали, что задача состоит в переходе от капитализма к социализму, но дальше абстрактного противопоставления этих противоположностей они не шли. Каковы именно те реальные формы перехода, которые обеспечат победоносное строительство социализма, каковы основные конкретные противоречия, которые нужно решить для этой цели, — в этом был гвоздь момента; только четко и ясно решив этот вопрос, можно было наметить ясную перспективу, ясные пути. И Ленин, беспощадно вскрывая мелкобуржуазную сущность, скрывавшуюся за громкими фразами «левых коммунистов», отвергая их абстрактную, метафизическую постановку вопроса, дает образец конкретного анализа, указывает сложнейшую обстановку в России 1918 г., сложнейший переплет противоречий и выделяет важнейшие в тех условиях, решающие противоречия.

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 53.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 466.

Ленин подробно анализирует элементы различных общественно-экономических укладов и перечисляет пять элементов: 1) патриархальное хозяйство, 2) мелкое товарное производство, 3) частнохозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм и 5) социализм. Именно в этой пестроте, в переплетении различных типов общественно-экономических укладов Ленин видел своеобразие Советской России в тот период. Можно ли было в этих условиях ставить абстрактно вопрос о борьбе социализма против капитализма? Разве абстрактная постановка вопроса не была изменой диалектике, заменой ее серой, одноцветной мазней?!

Только после конкретного анализа социально-экономических укладов и установления того, какой из этих укладов преобладает в стране, Ленин ставит вопрос об основных, решающих в тот период противоречиях. «Между кем и кем идет эта борьба, — пишет Ленин, — если говорить в терминах экономических категорий вроде «государственный капитализм»? Между 4 и 5 ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля, как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического». Не понимая этого, «левые коммунисты» обнаруживают свою мелкобуржуазность «именно тем, что не видят мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма у нас». «Левые коммунисты» — только на словах враги мелкой буржуазии, «а на деле ей только и помогают, ей только и служат, ее только точку зрения и выражают, воюя — в а п р е л е 1918 г о д а ! — против... «государственного капитализма»!»¹⁾.

Этот эпизод в истории нашей партии, в ее борьбе против оппортунизма — прекрасный и яркий пример ленинской диалектики, ленинского проникновения в сущность действительности, конкретного применения диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

В речи на I съезде Совнархоза Ленин ставит вопрос об использовании специалистов и буржуазной культуры, о превращении всей суммы накопленных знаний в орудие строительства социализма. И опять он подчеркивает недостаточность «общих формул», «абстрактного противоположения» и пр.

«Из всех социалистов, — говорил он, — которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это задача величайшего труда»²⁾.

Ленин со всей страстностью пролетарского революционера всегда и везде бичует книжный подход к тому или иному величайшему практическому вопросу. Он низводит с высот холодных и безжизненных абстракций на грешную землю и требует конкретного решения вопроса. В «общей формуле», в «абстрактном противоположении» понятна задача превращения накопленных буржуазией знаний в орудие социализма. Но ведь буржуазия не сдаётся, не умирает сразу, ее специалисты саботируют, они «полны ты-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 513 и 514.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXIII, стр. 41—42.

сячью буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся... буржуазным обществом» и т. д. Поэтому задача эта чрезвычайно трудна, и нужно понимать ее не абстрактно, а во всей ее сложности. Приведем еще одно замечательное место из Ленина, прекрасно иллюстрирующее ленинское понимание закона единства противоположностей. В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» он резко выступает против трактовки ирландского восстания 1916 г. как путча. Он выступает против вульгарного и политически ошибочного взгляда противников самоопределения наций, согласно которому «жизненность мелких наций, угнетенных империализмом, уже исчерпана, никакой роли против империализма сыграть они не могут, поддержка их чисто национальных стремлений ни к чему не поведет и т. п.» (Ленин). Это была чисто педантская, доктринерская, метафизическая точка зрения, не учитывавшая всей сложности классовой борьбы в эпоху империализма, игнорировавшая национальные движения и абстрактно противопоставлявшая две противоположности: империализм и пролетариат. Революция этим доктринерам представлялась не как живое явление, а как игра в солдатики, как чистая борьба двух половинок, как игра двух противоположностей. «Кто называет такое восстание путчем, — писал Ленин, — тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию, как живое явление.

Ибо думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, — думать так, значит отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция! Только с подобной педантски смешной точки зрения мыслимо было обругать ирландское восстание «путчем»¹⁾.

Можно было бы привести еще десятки примеров, показывающих, как Ленин борется против абстрактного понимания живых противоречий, против одноцветной, серой мази вместо живой, богатой, гибкой, блестящей всеми красками жизни — диалектики. Но и приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться, что неотъемлемой чертой ленинского понимания закона единства противоположностей является не абстрактное, мертвое противоположение противоречивых сторон, противоположностей, а такое его понимание, которое исходит из многообразных, конкретных форм его проявления, из учета различных противоположностей, их переплетения и необходимости выделять основные, решающие, конкретные противоречия.

IV

Однако ленинское понимание и разработка закона единства противоположностей далеко не исчерпываются установлением и многократным подчеркиванием того важнейшего принципа, что ни в природе, ни в обществе нет абстрактных противоположностей.

С точки зрения Ленина, недостаточно констатировать известное единство противоположностей, недостаточно установить, что такое-то явление, такой-то процесс есть единство противоположностей, будь даже установлен и схвачены конкретные, живые противоположности. Главное —

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 267, 269. Разрядка моя. — М. Р.

в уме найти переход одной противоположности в другую, формы перехода противоположностей, своеобразие перехода, тенденции развития противоположностей.

Проблема перехода противоположностей — поистине альфа и омега ленинского понимания закона единства противоположностей. Трудно найти замечание об этом законе, конкретную политическую статью, где бы Ленин не возвращался к этой стороне дела, где бы он не говорил о важности умения видеть живые переходы, их многообразнейшие формы и т. д. И если вспомнить ту характеристику, которую Ленин дал пятнадцатилетнему пути (1903—1917 гг.) развития большевизма, то, что он говорил о богатстве форм классовой борьбы в России, о тысячах оттенков, о быстроте и разнообразии смены различных форм движения, если вспомнить последующую историю борьбы Советской России, то легко себе представить, какое богатство мыслей и идей мы находим в работах Ленина, анализировавшего все эти формы борьбы, своеобразие каждого момента, определявшего на каждом, большом и малом, историческом повороте стратегические и тактические позиции партии.

В своих философских конспектах Ленин прямо заявляет, что «самое важное» в законе — это переход. Приведем некоторые выдержки: «Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому и это самое важное»¹⁾.

«Не только единство противоположностей, но переходы каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое [в свою противоположность?]»²⁾.

«Если все развивается, значит все переходит из одного в другое»³⁾.

«Переходы», «взаимопереходы», «переливы» — вот что подчеркивает с особенной силой Ленин, когда говорит о законе единства противоположностей.

Да это и понятно, ибо сущность развития состоит в переходе одной противоположности в другую, одной формы движения в другую. Без перехода противоположностей нет подлинного развития, т. е. развития, понимаемого как изменение, как говорил Энгельс.

В объективной действительности нет абстрактных переходов. Переход одной противоположности в другую может иметь очень много форм, и забвение этого неизбежно приводит к выхолащиванию закона единства противоположностей. Возьмем проблему перехода от капитализма к социализму, на которой Ленин по вполне понятным причинам часто и подробно останавливается.

«...Люди, — пишет он, — привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»)»⁴⁾. Но достаточно ли констатировать: «переход», «скачок»? Ведь в живой действительности нет абстрактных «скачков», а есть вполне конкретные формы перехода, которые определяются тысячами условий.

«О том, — продолжает Ленин, — что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории, и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали»⁵⁾.

¹⁾ Лен. сб. IX, стр. 113.

²⁾ Там же, стр. 259.

³⁾ Лен. сб. XII, стр. 185.

⁴⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 466.

⁵⁾ Там же.

И Ленин показывает реальную возможность различных форм перехода, обусловливаемых различными историческими моментами:

«Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почвы, всего важнее»¹⁾.

Говоря о том, что переход от капитализма к социализму неизбежен, Ленин предупреждает, что нельзя рисовать себе этот переход во всех странах однообразными, серыми красками.

«Все нации придут к социализму, — пишет он, — это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того»²⁾.

И главная трудность в том, чтобы отыскать конкретные, соответствующие обстановке и условиям формы перехода. Об этом Ленин пишет и в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» и в статье «О значении золота...» и во многих других. В «Очердных задачах советской власти» Ленин замечает, что найти форму перехода — это самая главная и самая трудная задача.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин пишет, что «главное — конечно, еще далеко — далеко не все, но главное — уже сделано в привлечении авангарда рабочего класса, в переходе его на сторону соввласти, против парламентаризма, на сторону диктатуры пролетариата, против буржуазной демократии. Теперь надо все силы, все внимание сосредоточить на следующем шаге, который кажется — и с известной точки зрения действительно является — менее основным, но который зато более практически близок к практическому решению задачи, именно: на отыскании форм перехода или подхода к пролетарской революции».

Особенно интересный и богатый материал дают статьи Ленина периода от Февраля к Октябрю, в период, когда стояла проблема перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической.

В своих «Письмах издалека», указывая на то, что наступает момент, когда рабочий класс, проявивший чудеса героизма в борьбе против царизма, должен сейчас проявить чудеса героизма и организованности для своей победы, для победы пролетарской революции, Ленин тщательно анализирует своеобразие обстановки и прежде всего требует от марксистов понимания этого своеобразия перехода к пролетарской революции:

«Если мы хотим быть марксистами и учиться из опыта революций всего мира, мы должны постараться понять, в чем именно своеобразие того переходного момента и какая тактика вытекает из его объективных особенностей».

Только установив своеобразие момента, положение Временного правительства, силу и организованность буржуазии и прочие условия, Ленин вы-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 466.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 230.

двигает «лозунг момента». «Лозунг момента, — пишет он, — организация», — организация зародышей пролетарского государства, власти, пролетарской милиции и т. д. Но и здесь Ленин предупреждает от шаблонизации задачи организации:

«К этой своеобразной задаче пролетариат подошел и будет подходить разными путями. В одних местностях России февральско-мартовская революция дает ему почти полную власть в руки, — в других он, может быть, «захватным» путем станет создавать и расширять пролетарскую милицию, — в третьих, он будет вероятно добиваться немедленных выборов на основе всеобщего и т. д. избирательного права в городские думы и земства, чтобы создать из них революционные центры и т. п., пока рост пролетарской организованности, сближение солдат с рабочими, движение в крестьянстве, разочарование многих и многих в годности военно-империалистского правительства Гучкова и Милюкова не приблизит час замены этого правительства «правительством» Совета Рабочих Депутатов»¹).

Эта замечательная черта ленинской гибкости, умение подмечать самые тончайшие особенности и извилины в развитии действительности, находить тысячу разнообразных форм перехода, ненависть к какому бы то ни было шаблону — все это чрезвычайно характерно для ленинского подхода к любому вопросу. Не станем больше приводить примеров, но напомним только ленинскую постановку вопроса о двух путях развития капитализма, о формах перехода власти к советам — о мирном и насильственном переходе, — в 1917 г., о своеобразных формах перехода различных классовых групп и прослоек на сторону пролетарской революции и т. д. Везде и всегда задачу анализа конкретных условий, при которых совершается этот переход, — везде и всегда эту задачу Ленин выдвигает на первый план, со всей силой ее подчеркивает. Именно поэтому философское понятие или закон приобретают у Ленина такое богатство оттенков, такое многообразие проявлений.

Нет сомнения, что известные всем ленинские замечания в его философских тетрадах, в которых он все время делает упор на гибкость понятий и законов, на их живую многосторонность и т. д., являются результатом не только «чистых» философских размышлений, но и прямым выводом из богатейшего конкретного анализа живых явлений политики, экономики, культуры, классовой борьбы, партийной тактики. Примеры, которые выше приведены, убедительно доказывают нам это. Именно из конкретного анализа действительности возникали такие ленинские формулы, как например определение диалектики «как живого, многостороннего (при вечно увеличивающемся числе сторон) познания с бездной оттенков всякого подхода, приближения действительности», как его определение о «всесторонней», универсальной гибкости понятий, гибкости, доходящей до тождества противоположностей, и т. д.

Поэтому Ленин такое огромное внимание уделял проблеме конкретного анализа в диалектике, поэтому он писал, что дальнейшее развитие науки о диалектике должно идти на основе изучения образцов диалектики «в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много»²); поэтому Ленин всегда разоблачал метафизические, антидиалектические корни различных оппортунистических теорий, сталкивал их с конкретным диалектическим анализом живых явлений. Диалектика, не включающая конкретный анализ, неизбежно превращается в свою противоположность — таков тезис марксизма. Этот тезис Ленин неустанно пропагандировал.

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XX, стр. 39—40.

² Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 187. «О значении воинствующего материализма».

У

Едва ли можно дать более яркое по силе, по резкости определение значения в диалектике конкретного анализа, чем это сделал Ленин в своем замечательном афоризме об умении находить решающее звено в цепи событий и задач.

«Недостаточно быть революционером, — писал он, — и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнечом сделанной цепи»¹⁾.

Ленин сам никогда не сходил с почвы конкретного анализа. Забвение конкретного анализа при применении диалектики, как правило, имеет своим последствием отождествление диалектики с софистикой, с метафизикой.

Закон единства противоположностей, как, разумеется, и все другие законы диалектики, без конкретного анализа неизбежно превращается в игру противоположностей, или стирающую всякие грани между противоположностями, или заменяющую живое развитие противоречий мертвой и абстрактной схемой по образцу «Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert». Ленин это очень ярко доказывает на примере Юниуса (Р. Люксембург). Люксембург отрицала возможность национальных войн в эпоху «разнузданного империализма» и считала, что всякая национальная война неизбежно должна превратиться в империалистическую. На этом основании она стирала всякие грани между этими двумя противоположностями, софистически их отождествляла.

И Ленин, выступая против этой вредной теории, доказывает, что этот софизм оказался возможен благодаря отсутствию конкретного анализа этих противоположностей и их соотношения в эпоху империализма.

«Разумеется, — пишет Ленин, — основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистическую и обратно. Пример: войны Французской революции 1789 г. начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий». И, далее, Ленин указывает, что когда Наполеон создал империю, поработившую ряд национальных государств, тогда из национальных войн получились империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона.

И Ленин делает выводы:

«Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила — и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа данного в его обстановке и в его развитии»²⁾.

За этим следует конкретнейший анализ конкретной обстановки и выводы, которые из него вытекают.

В «Письмах о тактике», в которых дается «оценка момента» и наме-

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXII, стр. 466.

²⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XIX, стр. 181.

чаются задачи рабочего класса в революции, Ленин сразу резко ставит вопрос о конкретном анализе, о соотношении «общих» и «конкретных» задач.

«Марксизм, — пишет он, — требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия», — так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать общие задачи, необходимо видоизменяемые конкретной экономической и политической обстановкой каждой особой полосы исторического процесса»¹⁾.

С какой силой Ленин бичевал меньшевиков в эпоху революции 1905 г. за то, что они выводили конкретное положение о тактике социал-демократов не из тщательного, конкретного анализа своеобразия обстановки в России, а из общей фразы об общем характере революции! «Разве же это не подделка? Разве это не явная насмешка над диалектическим материализмом Маркса?» — писал тогда Ленин.

С какой страстностью, с каким сарказмом бичевал Ленин Плеханова за его «общий», абстрактный подход при выработке программы РСДРП (перед вторым съездом партии)!

Проект программы борющейся партии Плеханов умудрился составить так, что все рассуждения его сводились к рассуждениям о капитализме вообще, о задачах вообще. Абстрактный подход, отсутствие конкретного анализа Ленин определяет как специфически меньшевистскую методологию, как характерный признак оппортунизма, дающего рабочему классу не боевую, конкретную программу, а расплывчатую проповедь. Поэтому Ленин резко оценивает проект программы Плеханова: «Это не программа практически борющейся партии... это скорее программа для учащихся».

Поэтому же язык плехановского проекта — «не язык революционной партии, а язык «Русских ведомостей», его термины — это не термины борьбы, а «термины статистического сборника»²⁾.

Сравнивая резолюции III съезда РСДРП и конференции меньшевиков, показывая, что первые дают истинный лозунг борьбы, а вторые — не что иное, как «лакусовая бумажка», Ленин опять это выводит помимо всего из меньшевистской методологии, из принципиальной ее враждебности конкретному анализу:

«Резолюция съезда берет старые и вечно новые мысли марксизма (о буржуазном характере демократического переворота) как предисловие или первую посылку для выводов о передовых задачах передового класса, борющегося и за демократический и за социалистический переворот. Резолюция конференции (меньшевиков. — М. Р.) так и остается при одном предисловии, жуя его и умничая по поводу него»³⁾.

В этом Ленин видит гносеологические методологические корни меньшевизма. Не случайно товарищ Сталин определил деборинскую школу как школу меньшевистствующего идеализма. Для меньшевистствующих идеалистов характерно пренебрежение конкретным анализом, умерщвление живой жизни, отрыв теории от практики.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XX, стр. 100.

²⁾ Лен. сб. II, стр. 72.

³⁾ Ленин. Собр. соч. Т. VIII, стр. 49. Разрядка моя. — М. Р.

✓ Красной нитью во всех ленинских работах проходит требование конкретного анализа. В конкретном анализе действительности, в умении всегда, в любой обстановке, в самом сложном переплете событий, на любом — большом или малом — повороте истории схватить новое, своеобразное и на этом строить свою повседневную практическую борьбу — в этом Ленин видит коренной признак большевистской диалектики, продолжение лучшей традиции основоположников марксизма. В этом Ленин также видит секрет того, почему трудящиеся массы всегда подучали и получают от своей большевистской партии не расплывчатые, а боевые, конкретные, истинные лозунги борьбы.

Именно поэтому Ленин с такой силой подчеркивал, что только тот — настоящий пролетарский революционер, только тот — настоящий коммунист, кто может из общей цепи развития выделить то решающее звено, овладение которым решит всю совокупность задач.

Разве не боевой, конкретной, важнейшей — методологической — директивой звучат слова Ленина, обращенные ко всем коммунистическим партиям мира:

«Задача состоит... в том, чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому своеобразию отношений между классами и партиями, к тому своеобразию в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать»¹⁾.

Наша партия и работы товарища Сталина дают замечательные образцы конкретного анализа, умения находить решающее звено, образцы подлинного мастерства диалектического всестороннего учета явлений в любой области: в политике, культуре, экономике, философии, литературе и пр.

Мы так подробно остановились на этом вопросе потому, что нельзя понять ленинской разработки материалистической диалектики вообще, некоторых черт ленинского понимания закона единства противоположностей в частности, если не видеть, не понимать того поистине решающего обстоятельства, что гранитной основой ленинской разработки является богатейший конкретный анализ действительности, умение видеть диалектику жизни так же легко, как легко истинный великий поэт черпает для своих вдохновенных поэтических творений все краски жизни.

¹⁾ Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 327.

О так называемых „определениях через абстракцию“

С. Яновская

Еще некоторое время тому назад среди математиков, особенно тех из них, которые были склонны к махизму, большой популярностью пользовалось крылатое изречение Расселла, что «математика — это наука, не знающая, ни о чем она говорит, ни верно ли то, что она говорит». Но в результате новых исследований по основаниям математики стало ясно, что современная «беспредметная» аксиоматическая математика¹⁾, которую имел в виду Расселл, невозможна — не только исторически, но и логически — без предшествующей ей «предметной» генетической метаматематики, — т. е. математики, которая знает, о чем она говорит, и знает, верно ли то, что она говорит. Оказалось, что в основе современной математики должна лежать арифметика натурального числа, которая знает, что такое число, что значит сложить, умножить, и т. д. Оказалось, что, по существу, «геометрия есть не что иное, как та часть всего здания понятий физики, которая отображает возможные соотношения взаимного расположения твердых тел в мире действительных вещей» (Гильберт).

Здесь под основными понятиями нельзя больше понимать «все, что угодно», но нужно уметь отвечать на вопрос: «Что это такое?» — и нельзя уклониться от ответа на этот вопрос²⁾.

Что понятия математики носят отвлеченный, абстрактный характер, что в природе нет непосредственно геометрических точек без измерений, чисел как таковых и т. д., — это люди знали еще с глубокой древности. И с глубокой же древности существовали две, в корне различные точки зрения на характер абстракции в математике: материалистическая и идеалистическая. Вопрос о характере математической абстракции, о способах образования понятий в математике не сходил с тех пор с арены философских споров и борьбы партий в философии. Особенную остроту он приобрел снова в последнее время, когда и для математиков стало выясняться, что нельзя оставаться на позициях «нейтральности» в споре между материализмом и идеализмом; что нельзя, в частности, обосновать анализ, не ответивши на вопрос, что такое натуральное число; что и в математике нельзя, иными словами, ограничиться одними только аксиомами и правилами вывода, но, хотя бы для доказательства непротиворечивости, приходится ставить и вопрос о происхождении и определении основных математических понятий.

¹⁾ О действительном предмете этой «беспредметной» математики см. статью «Идеализм и математика» («Фронт науки и техники» № 5—6 за 1934 г.).

²⁾ См. статью «Современные течения в буржуазной философии математики», § 6 («Фронт науки и техники» № 3 за 1935 г.).

Для материалиста научные понятия суть копии, слепки, снимки с материальной действительности. Математические понятия, поскольку они действительно научны, должны удовлетворять тому же требованию, и мы вправе ожидать поэтому, что в основном характер математической абстракции ничем не отличается от характера абстракции, с помощью которой образуются понятия в других науках как естественных, так и общественных.

Наоборот, идеализм заинтересован в подчеркивании «особого» характера математической абстракции. Недаром и Платон и Кант стремились изобразить математику наукой, обладающей особым априорным, т. е. независимым от опыта, источником познания; недаром современный идеализм видит в понятиях математики «свободные творения чистого разума», или «фантазии рассудка». Это дает ему возможность использовать математику в борьбе против материализма для «доказательства» превосходства духа над материей, духа, способного-де из собственных недр произвести законы, которым подчиняется реальный внешний мир, природа.

Стоит, однако, обратиться к действительной математике (и ее истории) и попытаться на основе фактического материала выяснить характер того процесса абстракции, с помощью которого образуются в ней ее основные понятия, чтобы убедиться во вздорности идеалистической басни об «особом» характере математического познания, чтобы обнаружить и в математических понятиях такие же копии, слепки, снимки с материальной действительности, с какими мы имеем дело во всех других науках о природе и обществе.

В настоящей статье мы делаем именно такую попытку сличить процесс образования понятий в математике с процессом образования их в других науках. Чтобы яснее выявить диалектико-материалистический по существу характер этого процесса, мы взяли за образец «Капитал» Маркса, именно первые его главы, содержащие определение понятий стоимости и денег. Выяснению вопроса в его наиболее общей постановке мы предположим разбор понятия о целом (положительном) числе, собственно, даже не о числе вообще, а о первых простейших количественных числах, логическое (и историческое) возникновение которых сличим с возникновением денег по «Капиталу».

§ 1. ЧИСЛО КАК СВОЙСТВО МНОЖЕСТВ ВЕЩЕЙ

1. Определение равночисленности

Чтобы выяснить, что отображает в действительности, например, число 5, обратим внимание на те вещи и отношения, для которых это число характерно. Вероятно, в первую очередь нам придет в голову, что «5» — это число пальцев человеческой руки, число частей света на земле. Но 5 есть и число букв в слове «число», или в слове «буква», или в слове «слово»; 5 есть число различных правильных многогранников, число лепестков в цветке герани или лютика. При этом свойство быть в числе 5, характерное, например, для лепестков всякого цветка из семейства бобовых, есть не нечто случайное, а одна из присущих именно этому семейству особенностей, существующая независимо от того, считаем ли мы эти лепестки или нет. Таким образом, уже из этих примеров ясно, что число 5 отражает какие-то реальные свойства вещей действительного, материального, т. е. независимо от нашего мышления существующего, мира. Но, узнавши только то, что некоторое собрание вещей характеризуется числом 5, мы еще решительно ничего не сумеем сказать о природе вещей этого собрания, о том, что это за вещи. Число, таким образом, оказывается «чистейшим количественным определением» (Энгельс) и в смысле полного безразличия к природе тех предметов, для которых оно характерно. Точнее говоря, неко-

торому собранию вещей может отвечать какое-нибудь определенное число, но одному и тому же числу соответствуют самые разнообразные собрания вещей.

Все это, однако, еще не дает нам возможности точно определить хотя бы число 5. Чтобы подойти к этому определению, попробуем выяснить, что общего есть между собранием букв в слове «буква» и собранием их в слове «число». Нетрудно увидеть, подписавши эти слова друг под другом:

буква

↑↑↑↑↑

число,

что каждой букве верхнего собрания можно поставить в соответствие букву нижнего и наоборот, и притом так, что различным¹⁾ буквам верхнего собрания будут отвечать различные буквы нижнего, а различным буквам нижнего — различные буквы верхнего. Такое соответствие называется в математике *взаимнооднозначным*. Для его установления не требуется знать число вещей каждого собрания, а нужно только уметь приводить их в соответствие друг с другом. Однако установление такого соответствия дает нам возможность утверждать *равночисленность* двух множеств. Так, если мы знаем, что в театре спектакль шел с аншлагом, но людей без места не было, то, хотя бы мы и не знали числа мест этого театра и числа проданных билетов, мы можем утверждать, что число зрителей в этот день было равно числу мест в театре. Равенство двух чисел, таким образом, можно установить, не зная самих этих чисел: в самом деле, мы имеем уже возможность определить понятие *равночисленности* двух множеств, хотя не умеем еще определить характерное для них *число*. Именно, мы будем говорить, что два множества *равночисленны* — иногда говорят *равномощны*, — если их можно привести во взаимнооднозначное соответствие друг с другом.

Но теперь мы имеем возможность определить и наше число 5. В самом деле, что общего имеют все равномощные множества? Всякий умеющий уже считать и пользующийся счетом человек, конечно, скажет, что все равномощные друг другу множества характеризуются одним и тем же числом и что, наоборот, всякие два, характеризующиеся одним и тем же числом множества, равномощны. Но в таком случае число можно определить как общее свойство всех равномощных друг другу множеств. В применении к числу 5 ясно, что достаточно выбрать, например, множество пальцев человеческой руки, чтобы определить число 5 как общую характеристику всех множеств, равномощных этому. Итак, «5» — это общее свойство всех множеств, равномощных множеству пальцев человеческой руки. Точно так же «4» можно определить как общее свойство всех множеств, равномощных, например, множеству углов квадрата, или число 2 как общее свойство всех множеств, равномощных множеству ног у человека, и т. д., и т. п.

2. Транзитивность и симметричность

Ясно, однако, что с таким определением могут быть связаны трудности. В самом деле, ведь я могу определить число 5 и как общее свойство всех множеств, равномощных множеству пальцев человеческой руки, и как общее свойство множеств, равномощных совокупности (основных) частей света, и еще многими другими способами, выбирая за представителя всего класса рав-

¹⁾ Различными считаются при этом все элементы каждого собрания. Так например в слове «слово» нужно отличать одно о от другого (иначе в этом слове различаемых нами букв будет не пять, а только четыре). Это можно сделать хотя бы так: первое о назвать «средним», второе — «крайним» (чтобы не пользоваться еще на этой ступени именами числительными). Можно было бы воспользоваться также их различием в произношении. Вообще умение различать и отождествлять вещи должно предшествовать определению их числа.

номощных друг другу множеств одно из них. Где у нас гарантия, что все эти «определения» определяют действительно один и тот же класс, одну и ту же совокупность эквивалентных друг другу множеств вещей? Ведь если бы, например, мы захотели определить класс множеств, б ó л ь ш и х данного, то не смогли бы сделать это заданием произвольного элемента этого класса, ибо, зная лишь, что к классу множеств, «б ó л ь ш и х» данного, принадлежит множество из пятнадцати элементов, мы не можем решить, не принадлежит ли к этому классу и некоторое множество из четырнадцати элементов.

Вообще ясно, что класс вещей b , находящихся в данном отношении R к вещи a , определяется выбором этой последней. Так например класс целых чисел, д е л я щ и х с я на a , определяется выбором числа a . Выбравши за a двойку, мы получим при этом класс всех четных чисел, выбравши тройку, — класс всех кратных трем и т. д.; однако, наоборот, указание л ю б о г о элемента b каждого такого класса, вообще говоря, еще не определяет этот класс. Так например, зная лишь, что к некоторому из наших классов принадлежит число 6, мы еще не будем знать, идет ли речь о классе четных чисел или о классе кратных трем или шести. Для отношения равномощности этой опасности, однако, нет. Здесь каждое множество может принадлежать только одному классу равномощных друг другу множеств вещей, и поэтому достаточно указать л ю б о й элемент некоторого класса равномощных друг другу множеств, чтобы этим весь класс был определен.

Это связано с особыми свойствами равномощности, именно с тем, что если, например, множество пальцев человеческой руки равномощно множеству частей света, то и наоборот: множество частей света равномощно множеству пальцев человеческой руки, и, кроме того, всякое множество, равномощное одному из них, равномощно и другому. Отношение равномощности, как говорят в математике, с и м м е т р и ч н о и т р а н з и т и в н о. (Если из того, что вещь a находится в отношении R к вещи b : aRb , следует, что и вещь b находится в отношении R к вещи a : bRa , то отношение R называется *симметричным*. Отнюдь не всякое отношение симметрично. Так, отношение *подобия*, конечно, симметрично, но отношение «сын», например, не обладает этим свойством. Ибо из того, что « a —сын b », никак не следует, что « b —сын a ». *Транзитивным* называется такое отношение R , для которого из aRb и bRc следует aRc . Так, если « a подобно b », а « b подобно c », то и « a подобно c ». Но если « a есть сын b », а « b — сын c », то « a — отнюдь не сын c »). Именно эти особенности отношения равномощности и позволяют нам выбрать *любое* из равномощных друг другу множеств в качестве представителя всего их класса. При этом совершенно безразлично, какое из всех равномощных множеств выбрать за представителя всего класса, но какое-нибудь выбрать необходимо.

3. Логическое и историческое в определении числа

Приведенное здесь нами определение числа (пока только отдельных, индивидуальных чисел, а не числа вообще и, тем более, не всего их ряда) принадлежит Кантору и Фреге. Мы видим, что оно предполагает существование вещей и совокупностей вещей (множеств), что число 5 нельзя определить, не указав хотя бы одного собрания вещей, имеющего ровно 5 предметов, и что для определения числа необходимо не только понимать, но и действовать: нужно уметь приводить вещи в соответствие друг с другом, а для этого нужно уметь их различать и отождествлять. Что все это далеко не простая задача, об этом свидетельствуют как история счисления, так и способы счета дикарей. «Заблуждением было бы думать,—пишет Леви-Брюль,—что «ум человеческий» сконструировал себе числа для счета:

меж тем на самом деле люди производили счет путем трудных и сложных приемов, прежде чем выработать понятие о числе как таковом». Чтобы продемонстрировать, насколько сложна эта операция при отсутствии соответствующей практики и насколько необходимым моментом ее является умение приводить вещи в соответствие друг с другом (причем на первых ступенях именно вещи с вещами, а не вещи с числами), приведу пример из Леви-Брюля, заимствованный явно из колонизаторской «практики» белых «цивилизаторов».

Леви-Брюль пишет: «Вот пример, взятый у дайяков с острова Борнео. Дело шло о том, чтобы известить определенное число воюющих, но затем покорившихся селений относительно суммы штрафа, который они должны были уплатить. Как должен был поступить в данном случае туземный посланец? Он принес несколько сухих листьев и разделил их на кусочки. Однако я заменил ему эти кусочки листьев клочками бумаги, более удобными. Он разложил эти клочки один за другим на столе, пользуясь одновременно пальцами для счета до 10. Затем он положил на стол ногу, считая на ней каждый палец, указывая одновременно на клочок бумаги, который должен был соответствовать названию селения с именем его вождя, с числом его воинов и суммой штрафа. Когда он перебрал все пальцы ног, он снова вернулся к пальцам рук. К концу всего списка перед ним было 45 кусков бумаги, разложенных на столе. Тогда он попросил меня снова повторить мое поручение, что я и сделал, в то время как он в прежнем порядке, подсчитывая пальцы ног и рук, перебирал свои клочки бумаги. «Вот, — сказал он, — какие наши буквы: вы, белые, вы не считаете так, как мы». Поздно вечером он в точности повторил все, кладя по очереди палец на каждый клочок бумаги»¹).

Если в настоящее время мы отнюдь не всегда отдаем себе отчет в том, что определение (количественного) числа предполагает действительное наличие некоторого множества вещей, для которого это число характерно и которое служит, так сказать, общим эквивалентом для всех равномошных ему множеств, то происходит это потому, что для нас в роли «вещей», совокупности которых образуют такие эквивалентные множества, выступают сами знаки чисел: 1, 2, 3, 4, 5..., — к которым мы и относим в процессе счета сосчитываемые предметы. Ряды чисел, освобожденных от своего первоначального предметного значения, свидетельствовавшего о связи их с какими-нибудь определенными множествами вещей, игравшими роль стандартных, например, с пальцами рук и ног, костяшками «счетов» и т. п., выступают при этом в роли стандартных множеств вещей, играющих роль всеобщего эквивалента. Число, являющееся производным понятием по отношению к множеству вещей, выступает при этом как предшествующее вещам, заранее существующее до всякого счета и необходимое даже в качестве промежуточной ступени для установления соответствия между множествами вещей. Так, при посадке деревьев в ямы фактически осуществляется взаимнооднозначное соответствие между множеством деревьев и множеством ям. Однако равномошность этих двух множеств обычно проверяют предварительно, пересчитывая их каждое в отдельности.

Подлинно материалистическое определение числа, таким образом, может быть только диалектическим, вскрывающим диалектику развития этого понятия, начиная с реальных множеств вещей, для которых оно служит эквивалентом, и кончая тем моментом, когда, пользуясь выражением Маркса, «роли оборачиваются» и число выступает уже не как производная от множества вещей их характеристика, а как нечто, предшествующее этим мно-

¹) Л. Леви-Брюль «Первобытное мышление», стр. 126 и 135. Приведенный пример показывает как раз, что никакого особого «первобытного» мышления нет: логическая основа счета у дикаря и у современного математика одна и та же — установление взаимнооднозначного соответствия.

жествам. Для того, кто этой диалектики развития не видит, кто берет числа сразу ввиде так называемого натурального ряда, предшествующего каким бы то ни было вещам и их множествам, понятие числа необходимо должно быть окутано мистическим покровом тайны и представляться возникшим в голове из чистого мышления. На самом же деле, «понятие числа... заимствовано именно из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первое арифметическое действие, представляют что угодно, но только не свободное творение рассудка. Для счета необходимы не только объект счета, но также уже и способность при рассмотрении этих объектов отвлечься от всех их свойств, кроме их числа, а эта способность — продукт многого исторического, эмпирического развития... Как и прочие науки, математика возникла из потребностей человека... Но, как и во всех областях мышления, отвлеченные от действительного мира законы на известной ступени развития отрываются от действительного мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, по которым должен направляться мир»¹).

Подводя итог, мы можем сказать:

1. Для того, чтобы могло возникнуть понятие числа, необходимо наличие реальных вещей и их совокупностей (множеств) и действительное (практическое) отношение человека к ним, состоящее в умении комбинировать вещи в множества, различать внутри множества как целого отдельные элементы и приводить эти множества в соответствие друг с другом.

2. Однако, раз возникнув, числа сами выступают в дальнейшем как стандартные множества вещей, к которым относятся при счете элементы сосчитываемых множеств. И этот «переворот в методе», исторически сопряженный с превращением чисел из характеристики некоторых равноможных друг другу множеств вещей в особые, до всяких вещей и их множеств существующие «вещи», неизбежно ведет к мистике при метафизическом способе мышления, для которого логическое не включает в себя историческое, т. е. определение предмета не включает истории его возникновения и развития. Таковую мистику числа мы встречаем у всех народов, у которых имена числительные существуют уже не как названия для каких-нибудь определенных совокупностей вещей, а именно как имена числительные. Стоит вспомнить хотя бы числовую мистику пифагорейцев с их представлением о числе, как о чем-то «среднем между чувственным и мыслью».

4. Аналогия между числом и стоимостью

От читателя, вероятно, не ускользнуло сходство самых общих черт развития понятия о числе — начиная с равноможности двух множеств и кончая множеством чисел, выступающим как предшествующее вещам и их множествам, — с общим ходом идей в первых главах «Капитала» К. Маркса. И в этом нет ничего удивительного. Характеризуя примененный Марксом в «Капитале» метод, Ленин пишет: «Таков же должен быть метод изложения (resp. изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»²). Правда, в силу особо абстрактного характера математики вопрос о приложимости и к ней того же метода мог возбуждать сомнения. Однако из опубликованных недавно математических рукописей Маркса ясно, что он его решал в положительном смысле. Ибо применяемый им метод тот же, каким он пользуется в «Капитале». Ставя себе задачу обосновать дифференциальное исчисление, Маркс начинает «с самого простого, обычного, массовидного» — с обыкновенной алгебры и притом с простой суммы и разности двух чисел, вскрывая

¹) Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 39.

²) Ленин. Соч. 2-е изд. Т. XIII, стр. 302.

«в этом простейшем явлении... все противоречия (resp. зародыши всех противоречий)»¹⁾ дифференциального исчисления. Больше того, самое изложение диалектики развития дифференциала напоминает (конечно, только в самых общих чертах) общий ход развития понятия о деньгах в «Капитале». Дифференциальные символы возникают сначала как символические эквиваленты некоторых реальных алгебраических процессов и лишь в ходе дальнейшего развития меняются с ними ролями: когда мы вступаем на собственную почву дифференциального исчисления, исходным пунктом становится не реальный процесс, а (эквивалентный ему) дифференциальный символ. Маркс показывает, как забвение этой диалектики развития дифференциала, попытка метафизически начать сразу с этого понятия как уже готового, заранее данного символа приводят к мистике бесконечно малых, рассматриваемых как особый, таинственный сорт величин («мистическое дифференциальное исчисление» Ньютона и Лейбница). Не удивительно, что тот же метод оказывается применимым и по отношению к простейшему исходному математическому понятию — количественному числу, что диалектика развития понятия о числе также оказывается частным случаем диалектики вообще. Больше того:

1) Маркс начинает «Капитал» с обмена товаров, приравняваемых друг другу, несмотря на совершенно различную их природу.

Приведенный нами анализ числа начинается с установления равнозначности двух множеств, совершенно не зависимо от особой природы входящих в эти множества элементов.

2) Общей характеристикой всех обмениваемых друг на друга товаров оказывается их стоимость («то общее, что выражается в меновом отношении или меновой стоимости товара, и есть его стоимость»).

Общей характеристикой всех равнозначных друг другу множеств вещей оказывается их число, т. е. нечто третье, отличное от всех этих множеств (ибо число не есть просто то конкретное множество объектов, которое необходимо для его определения, а именно общее свойство всех равнозначных этому множеству множеств вещей)²⁾.

3) Развитие форм стоимости («от простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы») начинается с «простой, единичной или случайной формы стоимости» как отношения между двумя обмениваемыми друг на друга товарами A и B и через «полную, или развернутую форму» идет ко «всеобщей» форме стоимости, впервые действительно выражающей собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими товарами. Уже в этой «полной, или развернутой форме стоимости», которая выражается уравнением: « z товара $A = u$ товара B , или $= v$ товара C , или $= w$ товара D , или $= x$ товара E , или $=$ и т. д. (20 аршин холста равняются 1 сюртуку, или $= 10$ фунтам чаю, или $= 10$ фунтам кофе, или $= 1$ кварту пшеницы, или $= 2$ унциям золота, или $= \frac{1}{2}$ тонны железа, или $=$ и т. д.)», — случайный характер отношения двух индивидуальных товаровладельцев отпадает. Теперь, благодаря тому, что отношение обмена симметрично, т. е. что уравнение, выражающее равенство такого-то количества товара A такому-то количеству товара B , обратимо, может возникнуть «всеобщая» форма стоимости и стоимость всех обмениваемых друг на друга товаров может быть выражена в стоимости одного из них, служащего

¹⁾ Ленин. Соч. 2-е изд. Т. XIII, стр. 302.

²⁾ Нужно, однако, твердо помнить, что в то время как арифметика не изучает какие-либо вещи и отношения между ними в их специфике, т. е. как именно для такой-то, а не другой области действительности характерные, но рассматривает их с чисто количественной стороны, — политэкономия не может ограничиться констатированием факта обмена разных товаров друг на друга и наличия у них общей характеристики — стоимости, но должна ставить вопрос о причине, порождающей эту общность, т. е. о труде, равно как и вопрос, почему труд выражается в стоимости и в каком обществе это имеет место.

«всеобщим эквивалентом». И дальше: «специализировавшийся на роли быть всеобщим эквивалентом товар «выталкивается» всеми другими товарами из их среды», и этот специфический товарный вид становится денежным товаром или функционирует в качестве денег.

Приведенное нами в общих чертах развитие понятия о числе также начинается с установления простого единичного соотношения равномогности между двумя отдельными множествами вещей. Чтобы от него прийти к понятию числа, нужно еще пройти через «развернутую» форму (и показать, что если множество A равномогно множеству B , а множество B — множеству C , то множество A равномогно множеству C). И лишь затем, доказав симметричность отношения равномогности, т. е. то его свойство, что если A равномогно B , то и, наоборот, B равномогно A , мы получаем возможность выразить то общее, что характерно для всех равномогных друг другу множеств, с помощью одного из них, играющего для них роль «всеобщего эквивалента». Наконец, превращение возникающего на этом пути множества таких «всеобщих эквивалентов»¹⁾ в «вытолкнутое из среды» других множеств вещей стандартное множество числовых знаков (или имен числительных), играющее роль «всеобщего эквивалента» при счете вещей, завершает этот процесс логического развития понятия о числе (количественном). И этот процесс логического развития отражает и процесс исторического развития, аналогично тому, как это имеет место и в отношении понятия о деньгах в «Капитале».

Повторяю, здесь не простая аналогия, а общность метода. И это тем более справедливо, что всякая попытка построить просто аналогию, забыть о специфических особенностях политэкономии, с одной стороны, арифметики — с другой, не только обречена неизбежно на провал, но и находится в прямом противоречии с методом диалектического материализма и ведет поэтому к явно неправильным выводам. Так например стремление продлить аналогию между определением стоимости и определением тяжести, на которое указывает сам Маркс, приводит к тому, что чисто общественное отношение начинают рассматривать как естественное, «возникает представление, что сюртук своей эквивалентной формой, своей способностью непосредственно обмениваться на другие товары обладает от природы совершенно так же, как железо обладает тяжестью и теплоемкостью». Играющий роль всеобщего эквивалента товар, например золото, выступает при этом в виде от природы наделенного особыми свойствами, создавая, таким образом, загадку денег, неразрешимую для грубого взгляда буржуазного экономиста, не видящего общественного характера категории стоимости.

Специфика политэкономии как науки, изучающей именно общественные отношения, ярко выступает для всякого, кто обратится непосредственно к первой главе «Капитала». Метод диалектического материализма тем и отличается, что, будучи единым общим методом, он приобретает, однако, специфическую форму в применении к каждой особой области действительности. Если здесь мы обратили внимание на момент общности метода, то сделали это для того, чтобы продемонстрировать наглядно, что достигнутые математикой в конце XIX столетия успехи в деле обоснования понятия о числе объективно подтверждают правильность материалистической диалектики и являются результатом стихийного применения именно этого метода. Чтобы это выступило еще нагляднее, чтобы действительно показать, что черты сходства в развитии понятия о числе, с одной стороны, и денег — с другой, являются не простой, поверхностной аналогией, нам придется оста-

¹⁾ По началу последние имеют хотя и стандартный уже, но еще предметный характер. Именно, изображаются с помощью частей тела («пять» от «пясть»; ср. «запятье»!), а то и просто черточек или палочек.

новиться несколько подробнее на так называемом определении «через абстракцию», с помощью которого и было у нас введено понятие о числе.

§ 2. ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ „ЧЕРЕЗ АБСТРАКЦИЮ“

1. Роль равенства в образовании абстрактных понятий

Чтобы получить понятие о числе вещей некоторого множества, нужно отвлечься полностью от особой природы этих вещей и сохранить только их количество. Число есть, таким образом, результат абстракции. Однако самый процесс абстракции, или отвлечения, не надо понимать при этом упрощенно, т. е. так, как его понимают обычно эмпирики: дана вещь x , обладающая свойствами a, b, c, d ; чтобы выделить в чистом виде свойство d , достаточно-де просто отбросить свойства a, b, c . В статье «Идеализм и математика» мы указали, что для того, чтобы выделить в чистом виде отношение между вещами, нельзя просто отбросить эти вещи, а нужно сделать их переменными. Если бы мы не умели изменять мир, мы не могли бы познавать его. Теперь речь у нас будет идти тоже о выделении (или абстрагировании) в чистом виде, но не отношения, а свойства вещей.

Для того, чтобы показать, как это происходит, начнем с примера, приводимого Марксом. Пусть нам нужно определить вес головы сахара. Поскольку мы хотим узнать только ее вес, мы должны, конечно, абстрагироваться от всех ее прочих свойств, кроме свойства тяжести. Как мы это отвлечение осуществляем? «Голова сахара как физическое тело имеет определенный вес, но ни одна голова сахара не дает возможности непосредственно увидеть... ее вес. Мы берем поэтому куски железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и голова сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом отношении железо является телом, в котором нет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или другое какое-либо тело, когда отыскивается вес последнего»¹⁾.

Итак, чтобы отвлечься от всех свойств головы сахара, кроме тяжести, мы не просто отбрасываем их все, за исключением этого одного, что было бы просто невыполнимо ввиду их бесчисленности, а приравняем данную вещь к вещи, вообще говоря, совершенно от нее отличной и равной ей только в одном, данном отношении. Лишь в этом отношении вещь, служащая эквивалентом, в нашем примере железо, теряет все свои конкретные свойства, кроме одного, выразителем которого она и выступает. Но для этого необходимо, чтобы она этим свойством действительно обладала. «Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступать в это отношение и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого»²⁾. Свойство, таким образом, предшествует отношению, через которое оно, однако, выделяется.

Существенной чертой этого процесса абстрагирования является то обстоятельство, что в нем особую роль играет отношение равенства. Лишь с его помощью — приравнивая друг к другу различные вещи — мы выде-

¹⁾ К. Маркс «Капитал», стр. 24—25. Изд. 1920 г. Разрядка моя. — С. Я.

²⁾ Там же. Разрядка моя. — С. Я.

ляем то общее, что делает их равными. Именно так мы поступили с числом, которое определили через равночисленность, т. е. через некоторое отношение типа равенства. Именно так Маркс пришел к понятию стоимости как к «тому общему, что выражается в меновом отношении или меновой стоимости товара». Меновое отношение, в котором вещь обменивается на ей эквивалентную, есть, конечно, тоже некоторое отношение типа равенства: при обмене различные вещи приравниваются друг другу.

2. Примеры

Эта роль отношения равенства при определении новых понятий была известна еще древним грекам. Именно с его помощью в школе Евдокса — Евклида определяли то, что в греческой математике играло роль нашего вещественного числа, — понятие *логоса*, или отношения величин.

Пока греческие математики могли думать, что величины одного и того же рода соизмеримы между собой (имеют общую меру), они могли определять отношение двух величин примерно таким образом:

«Если X есть общая мера двух величин A и B и если $A = mX$, $B = nX$, то говорят, что отношение величины A к величине B есть (дробь) $\frac{m}{n}$ ». Однако от-

крытие иррациональностей сделало такое определение невозможным, ибо греки не могли сомневаться, например, в том, что диагональ квадрата находится в определенном отношении к его стороне, хотя это отношение и не может быть выражено никакой дробью. И вот Евдокс вышел из трудности, определяя «отношение» через «пропорцию», т. е. через равенство «отношений». В самом деле, для равенства двух «отношений»¹⁾ $A:B$ и $C:D$ соизмеримых друг с другом величин необходимо и достаточно, чтобы для всякой пары чисел m, n :

- 1) если $mA > nB$, то одновременно и $mC > nD$;
- 2) если $mA < nB$, то и $mC < nD$, наконец,
- 3) если бы оказалось, что $mA = nB$, то и $mC = nD$.

Однако этот критерий пропорциональности величин («равенства отношений» $A:B$ и $C:D$) не предполагает обязательного существования общей меры, т. е. наличия такой пары чисел (m, n) , для которой имеет место именно третий случай — случай равенства: $mA = nB$. Поэтому он может быть распространен и на случай несоизмеримых величин.

Но теперь пропорциональность двух пар величин (A, B) и (C, D) можно определить с помощью этого критерия, иными словами, определить «равенство отношений», не опираясь при этом на понятие «отношения».

И мы действительно находим именно такое определение пропорции у Евдокса. Однако теперь, имея ряд пропорциональных величин: $\frac{A}{B} = \frac{C}{D} = \frac{E}{F} = \dots$, —

мы можем выбрать одно из выражений: $\frac{A}{B}$ или $\frac{C}{D}$ и т. д. — в качестве представителя всего ряда и определить таким образом некоторое «отношение»²⁾. Отношение в таком случае было бы определено через «равенство отношений».

Отношение параллельности есть тоже некоторое отношение типа равенства. В самом деле:

¹⁾ Чтобы не смешивать геометрическое отношение величин $A:B$ с общим понятием об отношении вещей, мы первое ставим в кавычки.

²⁾ Ограниченность греков школы Евдокса—Евклида можно видеть, однако, в том, что они не определили понятия об «отношении» вообще, а ограничились применением учения о пропорциях к определению отдельных, индивидуальных отношений. Но это связано у них с их определением существования через построение.

- 1) если прямая a параллельна прямой b , то и, наоборот, прямая b параллельна прямой a , т. е. отношение параллельности симметрично;
- 2) если прямая a параллельна прямой b , а прямая b — прямой c , то прямая a параллельна прямой c (транзитивность);
- 3) наконец, всякая прямая параллельна самой себе (рефлексивность — третье свойство равенства, отличающегося, как известно, тем, что всякая вещь равна самой себе, между тем как ни один человек не есть, например, сын самого себя).

Поэтому мы вправе ожидать, что через отношение параллельности можно «определить» (точнее, выделить, абстрагировать) свойство, общее всем параллельным прямым. И действительно, таким свойством прямой является ее *направление*. Направление прямой, таким образом, может быть определено через параллельность ее другим прямым.

Геометрические образы и тела имеют определенную форму, или *фигуру*. Как выделить в чистом виде эту «фигуру», т. е. некоторое свойство тел? Мы делаем это опять-таки через отношение, именно через отношение подобия, которое, как легко убедиться, обладает всеми свойствами «равенства». И тогда «фигуру» тела можно определить как общее свойство всех подобных друг другу тел, совершенно так же, как число, характеризующее некоторое множество, мы определили как общее свойство всех равномогущих этому множеству множеств вещей.

Чтобы показать, наконец, насколько общий характер имеет этот способ образования понятий, приведем еще одну цитату из Маркса.

«В некоторых отношениях, — пишет Маркс, — человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не в качестве фихтеанского философа: «Я есмь я», — то человек сначала смотрится, как в зеркало, только в другого человека. Лишь относясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»¹⁾.

Итак, мы видим, что человек образует понятие «человек» лишь через сравнение себя с другими людьми, через отношение подобия между людьми.

3. Точка зрения Вейля

Против этих «определений через абстракцию», особенно против приведенной нами трактовки их, выдвигается, однако, целый ряд возражений.

Одни, как например идеалист Вейль, не отвергают значения этих «определений» в математике, наоборот: ценят их очень высоко. Но они пытаются истолковать их идеалистически. Больше того: их высокая оценка в значительной степени связана именно с тем идеалистическим истолкованием, которое они пытаются этим «определениям» придать. Идеалиста при этом прельщает то, что отношение в этих «определениях» как бы предшествует определяемому объекту: равночисленность предшествует числу, пропорция, т. е. равенство отношений, — отношению, обмен — стоимости. Стоит заявить, что этими «определениями» не выделяется уже существующее — и притом существующее независимо от сравнения их друг с другом — общее свойство приравниваемых друг другу вещей, а производится (недаром Вейль называет «определения через абстракцию» *творческими*) некоторый новый «идеальный объект», чтобы, с одной стороны, сохранить все преимущества, связанные с употреблением этих «определений», с другой же — лишить теорию абстракции ее материалистического содержания. И идеалистическую невинность соблудности и капитал приобрести!

¹⁾ К. Маркс «Капитал», стр. 20. Изд. 1920 г.

Если для того, чтобы выделить в чистом виде «стоимость» как общее свойство всех товаров, Маркс исходит из обмена товаров, в котором стоимость их *проявляется*, то идеалист полагает, что акт обмена не только выделяет, но и *порождает* стоимость. Если для того, чтобы «определить» число, нужно начать с определения равночисленности, чтобы «определить» фигуру, — с определения подобия, чтобы «определить» направление, — с определения параллельности, то идеалист Вейль делает отсюда вывод, что с помощью этих отношений не только выделяются, но и порождаются свойства, вносятся новые «идеальные объекты».

4. Возражения Дубислава

Другие, как например махист Дубислав, для которого математика есть только «беспредметная» наука, отрицают вообще правомерность этих определений за их «метафизический» (читай: по существу, материалистический) характер. Известно, что махисты надеются «расправиться» с материализмом, обзывая его «метафизикой».

Чтобы показать вздорность притязаний идеализма на «определения через абстракцию», чтобы выяснить их действительный смысл и значение, продемонстрировать подлинный диалектико-материалистический характер этого способа образования понятий, нам придется несколько подробнее остановиться на предпосылках, лежащих в основе этого метода.

Начнем с возражений, приводимых Дубиславом.

«Последователи определений через абстракцию, — говорит Дубислав, — поступают следующим образом, когда вводят новый символ с помощью определения через абстракцию.

В противоречие с правилом Оккама: «*Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*»¹⁾ — они допускают, что если между двумя предметами имеет место транзитивное и симметричное отношение, то эти предметы всегда имеют общее свойство в форме некоторого нового идеального «нечто». Это допущение пытаются оправдать тем, что обычно обладание двумя предметами некоторым общим свойством влечет за собой в качестве следствия наличие транзитивного и симметричного отношения между ними. Поэтому, чтобы при случае произвести (или обнаружить) в качестве значения вновь вводимого символа некоторое идеальное нечто, достаточно, полагают, показать, что между двумя предметами из области данной дисциплины имеет место транзитивное и симметричное отношение.

То общее свойство (*Beschaffenheit*), которое в переносном смысле слова имеет своим следствием это транзитивное и симметричное отношение и существование которого рассматривается как установленное, а само оно — как достаточно отграниченное от других свойств, считается при этом безупречно произведенным (или обнаруженным). В силу этого можно произвольно отнести это свойство в качестве значения к вновь вводимому символу»²⁾.

«Но как обстоит дело с оправданиями, которые в действительности приводят обычно сторонники определений через абстракцию? Все обоснование сводится к отягощению построения точной дисциплины почти метафизической аксиомой или предрассудком наперекор эвристическому правилу — строить точную науку независимо от допущений о существовании или порождении идеальных в платоновском смысле предметов»³⁾. Допущений, которые, далее, он называет «необоснованными и, пожалуй, даже опровержимыми».

Фокус, состоящий в подсовывании материализму платоновских «идей»,

¹⁾ «Не следует умножать сущностей без необходимости».

²⁾ W. Dubislav «Die Definition», S. 46. 1931.

³⁾ Там же, стр. 50.

в смешении материализма с идеализмом кантовского или платоновского толка, не нов: с его помощью все махисты пытаются «опровергнуть» материализм. Гениальное его разоблачение содержится в ленинском «Материализме и эмпириокритицизме». Не ново и обвинение материалистов в незаконном оборачивании некоторых теорем.

Но возражениями Дубислава по данному частному случаю стоит все же заняться по существу. Это даст нам возможность не только лишний раз вскрыть подлинную сущность применяемых махизмом приемов, но и точнее отразить нашу собственную точку зрения на «определения через абстракцию». Суть примененного Дубиславом приема заключается в следующем:

1) Он смешивает идеалистический подход к «определениям через абстракцию», как «творчески создающим» некоторый новый «идеальный объект», с материалистической точкой зрения на эти «определения», как лишь на способ выделения (абстрагирования) уже существующего независимо от нас свойства вещей, рассуждая о «сторонниках» определений через абстракцию вообще, а не о материалистических или идеалистических их сторонниках.

2) Этих «вообще сторонников» определений через абстракцию он обвиняет, далее, в том, что они незаконно переделывают некоторую прямую теорему в обратную. Если несколько предметов обладают общим свойством, например все они зеленые, то между этими предметами можно установить некоторое отношение типа равенства или подобия: именно они все равны по цвету, т. е. между ними существует некоторое транзитивное и симметричное отношение. Отсюда, говорит Дубислав, «сторонники» «определений через абстракцию» умозаклучают, что и наоборот: если в некоторой области предметов имеет место транзитивное и симметричное отношение, то существует общее всем находящимся в этом отношении предметам свойство. Простейшая логическая ошибка, в которой, по Дубиславу, должен быть повинен и Маркс, умозаклучивший от факта обменности товаров к существованию у них чего-то общего — стоимости.

3) Наконец, для случая, если бы «сторонник» этих «определений» попытался «вывернуться» из положения, заявив, что для него существование общего свойства у равных в каком-либо отношении предметов — отнюдь не нуждающаяся в доказательстве теорема, а новая, независимая от прямого предложения аксиома, у Дубислава припасено... обвинение в метафизике. Таковую-де аксиому вводить без доказательства! Да ведь это метафизика чистейшей воды! И платоновского толка к тому же!

Мы покажем, однако, что возражения Дубислава на самом деле затрагивают только идеалистическую трактовку «определений через абстракцию», по отношению к которой они в значительной мере справедливы¹⁾. К материалистической же их трактовке они не имеют ни малейшего отношения.

5. Система „постулатов“, лежащих в основании „определений через абстракцию“

Чтобы это стало ясным, займемся, как было обещано, системой постулатов, или посылок, лежащих в основе «определений через абстракцию».

а) Связь рефлексивности с симметричностью и транзитивностью

Понятно, во-первых, что одних только требований симметричности и транзитивности для отношения, лежащего в основе «определения через абстракцию», недостаточно. Всякое равенство не только симметрично и тран-

¹⁾ Собственные попытки Дубислава обойтись вообще без «Определений через абстракцию» насквозь идеалистичны.

зитивно, но и рефлексивно, т. е. каждая вещь «равна» самой себе. Иногда делают ошибку и «выводят» рефлексивность равенства из его симметричности и транзитивности.

При этом рассуждают обычно так: из транзитивности следует, что если вещь a находится в отношении R к вещи b , а вещь b — в отношении R к вещи a , то вещь a должна находиться в отношении R к вещи a , т. е. к самой себе. Так как в силу симметричности отношения R посылка этого условного предложения выполнена, то, следовательно, выполняется и заключение, т. е. вещь a действительно находится в отношении R к самой себе, или отношение R рефлексивно.

Стоит, однако, записать это рассуждение на языке математической логики, чтобы наглядно выступила содержащаяся в нем ошибка.

В самом деле, требование симметричности записывается так:

$$xRy \rightarrow yRx \quad (1)$$

($\rightarrow$ знак «следования», или иначе: «если ... то»). Требование же транзитивности записывается так:

$$(xRy \ \& \ yRz) \rightarrow xRz \quad (2)$$

(& — знак «и»).

Подставляя во вторую формулу x вместо z , мы получаем:

$$(xRy \ \& \ yRx) \rightarrow xRx, \quad (2^*)$$

и для того, чтобы получить отсюда формулу

$$xRx, \quad (3)$$

выражающую рефлексивность отношения R , нам нужно иметь доказанной формулу:

$$xRy \ \& \ yRx. \quad (4)$$

(В этом случае мы могли бы воспользоваться логическим правилом вывода, согласно которому из двух формул: (1) S и (2) $S \rightarrow T$ получается новая формула — T).

Однако формула (4) отнюдь не совпадает с формулой (1), как мы это допустили в нашем первом «рассуждении».

Из этого затруднения нельзя выйти и путем замены формулы (2) формулой

$$(xRy \rightarrow yRx) \rightarrow xRz, \quad (5)$$

ибо формулы (2) и (5) не равносильны, и закон транзитивности нельзя, следовательно, выразить в формуле (5). (Неравносильность этих формул видна, впрочем, уже на простейших примерах. В самом деле, предложение: «Если будет туман и будет пурга, то летчик не сможет вылететь» явно неравносильно предложению: «Если из того, что будет туман, следует, что будет пурга, то летчик не сможет вылететь». Ибо первое из них ставит невылет летчика в зависимость от тумана и пурги, второе же — в зависимость лишь от связи между пургой и туманом, не предполагая фактического наличия ни тумана, ни пурги).

б) Требование непустоты для „поля“ отношения

Вейль избегает этой ошибки, просто внося рефлексивность в число требований, соблюдение которых необходимо для законности «определения через абстракцию». Дубислав — вместе с большинством математиков — присоединяет к требованиям симметричности и транзитивности требование, чтобы «поле» рассматриваемого отношения R не было пусто, т. е. чтобы действительно существовали находящиеся в отношении R друг к другу вещи.

В этом случае рефлексивность можно доказать следующим образом. Возьмем какую-нибудь вещь a , принадлежащую полю отношения R , т. е. для которой существует находящаяся к ней в отношении R вещь b . В таком случае имеем:

$$aRb \quad (6)$$

Подставляя в формулу (1) $x = a$, $y = b$, получаем:

$$aRb \rightarrow bRa, \quad (1^*)$$

и по правилу вывода это дает нам

$$bRa. \quad (7)$$

Наличие формул (6) и (7) дает возможность установить формулу:

$$aRb \ \& \ bRa, \quad (8)$$

а последняя в связи с формулой:

$$(aRb \ \& \ bRa) \rightarrow aRa, \quad (2^{**})$$

получаемой из формулы (2) путем подстановки $x = a$, $y = b$, $z = a$, приводит к нужной нам формуле: aRa . Так как рассуждение это применимо к любой вещи, принадлежащей полю отношения R , то рефлексивность этого отношения этим действительно доказана.

Второй метод (т. е. требование непустоты для поля отношения R) несомненно лучше первого, ибо он больше соответствует фактическому положению вещей. Ведь в действительности отношение только в том случае имеет смысл, если существуют находящиеся в этом отношении вещи. А кроме того вещь отнюдь не изначально, «равна» самой себе в каком-нибудь отношении, т. е. рефлексивность не есть свойство равенства одного порядка с его симметричностью и транзитивностью. Вспомним уже приведенные слова Маркса, что человек не рождается с зеркалом в руках и не в качестве фихтеанского философа: «Я есмь я», — но начинает относиться к самому себе как к человеку лишь через отношение свое к другим людям как себе подобным. И в логике, отражающей действительное положение вещей, совершенно естественно поэтому выводить рефлексивность из симметричности и транзитивности, а не присоединять ее просто к ним в качестве особого, дополнительного требования. Но только выводить, конечно, правильно (т. е. лишь в предположении непустоты области).

в) Исключение тождества

Однако и добавления, которые делает Дубислав (или Вейль), еще не достаточны для подлинной возможности «определить» что-нибудь «через абстракцию». В самом деле, всем приводимым Вейлем или Дубиславом требованиям можно удовлетворить и с помощью такого отношения xRy , которое хотя и обладает свойствами симметричности, транзитивности и рефлексивности, но и осуществляется только в случае $x = y = a$. Такое отношение действительно существует: это — отношение полного тождества. Ясно, однако, что с помощью этого отношения нельзя отвлечься ни от какого свойства вещи, нельзя отделить от других и выделить в чистом виде ни одного из ее свойств, нельзя получить ничего, кроме пустой тавтологии: «А есть А», «роза есть роза», «прямая есть прямая» и т. д. Ни одно из этих предложений не содержит в действительности никакого сравнения и не может быть поэтому положено в основу «определения через абстракцию». В основе «определения через абстракцию» должно лежать именно отношение «равенства», а не «тождества». «Равенство» поэтому может быть определено только через «различие», может быть только равенством отличных друг от друга вещей. А это значит, что нельзя ограничиться одним только требованием непустоты для поля отношения R , но нужно кроме того требовать, чтобы это поле содержало по меньшей мере две различные вещи или, — если не желать пользоваться понятием «два», помня, что самое число «определяется» «через абстракцию», — чтобы поле отношения R содержало отличные друг от друга вещи, «равные» друг другу лишь в этом отношении R .

г) Сравнение не должно изменять сравниваемых вещей

Легко, однако, показать, что и этого еще не достаточно. Представим себе, что мы стали бы приводить друг другу в соответствие солдат двух полков с целью установить, равноможны ли эти полки друг другу, а солдаты вздумали бы в это время перебежать из одного полка в другой (пример А. Пуанкаре¹⁾); или допустим, что весы, на которых производится взвешивание, устроены так, что как только на них попадает кусок сахара, он начинает разлагаться на составляющие его химические ингредиенты, — словом, что в процессе сравнения происходит изменение сравниваемых друг с другом вещей. Ясно, что в таком случае мы ничего не смогли бы «определить через абстракцию». Ибо не было бы именно того свойства, которое мы хотим выделить: оно изменялось бы в самом процессе сравнения. Процесс сравнения должен быть поэтому организован так, чтобы под влиянием его не изменялись сравниваемые вещи²⁾. Конечно, на практике

¹⁾ Статистикам хорошо известно, как трудно провести правильно перепись населения (т. е. установить взаимнооднозначное соответствие между множеством людей, населяющих некоторую территорию, и множеством учетных карточек), если в течение переписи часть населения передвигается.

²⁾ Взятые сами по себе, т. е. именно как вещи, а не как моменты данного отношения R . Чтобы выяснить это различие, заметим, что одна и та же вещь может находиться в разных отношениях к различным другим вещам рассматриваемой области, между тем как момент отношения не имеет смысла независимо от этого именно отношения (и остальных его моментов). Так, «числитель» не существует независимо от «знаменателя» и «дробь», т. е. от отношения между числителем и знаменателем. И точно так же «отрицательное число» не существует без «положительного», «север» — без «юга», «правая сторона» — без «левой». Это и означает, однако, что «числитель», «знаменатель», «север», «юг» сами по себе суть не вещи, а лишь моменты отношений между вещами.

Отсюда видно, между прочим, насколько нелепы попытки идеализма представить современные учения о числе, как подтверждающие именно его точку зрения, как растворяющие вещь (субстанцию) в отношении (функции). Привода высказывание Дедекинда, с которого последний начинает свою дедукцию понятия о числе и в котором идет речь о «способности духа относить вещи к вещам, устанавливая соответствие между одной вещью и другой», Кассирер («Познание и действительность», стр. 53—54) пишет: «Дедекинду, повидимому, исходит здесь, вполне в духе традиционной доктрины, из множества вещей и из способности духа отображать их; но при более глубоком рассмотрении его взглядов оказывается сейчас же, что традиционные названия приобрели здесь совершенно новое содержание и новое значение. «Вещи», о которых идет речь в дальнейшей дедукции, не принимаются за некоторые самостоятельные, существовавшие до всякого отношения реальности; они приобретают все свое содержание — поскольку это имеет значение для математики — лишь в отношениях, которые высказываются о них, и вместе с этими отношениями. Они относительные члены, которые никогда не могут быть «даны» раздельно, но всегда лишь в идеальной связи».

Вещей, «существующих до всякого отношения», вообще не существует. Ибо вещи существуют в связях, в отношениях с другими вещами. Однако вещи суть не только моменты отношения, его «относительные члены». Одни и те же вещи могут фигурировать в разных отношениях, и в этом смысле существуют отношения, относительно которых они имеют самостоятельное существование. Отношение R , в котором происходит их сравнение, должно быть именно последнего рода. Для образования понятия о числе с помощью отображения Дедекинду необходимо поэтому вещь, а не момент отношения. И Кассирер неправ поэтому, утверждая, что когда Дедекинду говорит о множествах вещей и их отображении друг на друга, то «при более глубоком рассмотрении его взглядов оказывается сейчас же, что традиционные названия (имеются в виду «вещь» и «отображение». — С. Я.) приобрели здесь совершенно новое содержание и новое значение: «вещь» — де не есть вещь, а лишь «относительный член», и т. п. Нет, именно «здесь» они не приобрели — и не могли приобрести — никакого нового содержания или значения, несмотря даже на то, что сам Дедекинду — тоже идеалист и что его построение теории целого числа отличается от построений Кантора и Фреге своим по существу аксиоматическим характером.

Больше того: даже те реально существующие стороны и моменты вещей, которые отражаются в абстрактных понятиях, в известном смысле сами

это не всегда возможно, точнее: возможно лишь с некоторым приближением, повышение точности которого, однако, в нашей власти. Так, в процессе взвешивания или обмена происходит некоторая потеря веса или товара, но мы заинтересованы в том, чтобы она имела наименьшее значение, была настолько незначительна, чтобы мы имели право отвлечься от нее, не принимать ее в расчет. «Определение через абстракцию» предполагает таким образом и некоторый момент отвлечения, или идеализации, в обычном смысле слова, в смысле огрубления, о котором говорит Ленин как о необходимом признаке всякой абстракции, снимаемом, однако, в процессе познания — на пути через относительную истину к абсолютной. Добиваясь наиболее адекватного отражения действительности, мы не успокаиваемся на констатировании неизбежности некоторой неточности, но стремимся к наиболее совершенной (наиболее близкой к идеальной) организации процесса «сравнения». Мы жестоко боремся с «усушкой» и «утечкой» (во лжи, в обмане пролетарского государства и потребителя заинтересован классовый враг), мы стараемся провести перепись в разных местах одновременно и притом в наикратчайший срок и т. п. Иными словами, мы добиваемся такой организации процесса «сравнения», при которой приравниваемые вещи не изменялись бы в процессе их сравнения.

Итак, отношение R должно обладать свойством не изменять вещей, в него вступающих. Оно должно быть в некотором смысле «внешним» для этих вещей, «безразличным» к ним¹⁾. Но в таком случае ясно, что с его помощью нельзя «создать» никакого нового свойства этих вещей, а можно только выделить уже существующее. Иными словами, свойство xRa , определенное через отношение xRy , должно быть эквивалентно некоторому «простому» свойству, существующему независимо от отношения R . В противном случае, некоторая вещь, обладающая свойством xRa , приобретала бы это новое свойство, лишь будучи приведена в отношение к другой вещи, т. е. изменялась бы в процессе сравнения. А такие процессы (и соответствующие им отношения R) мы, как только что выяснено, должны исключить, когда идет речь об «определении через абстракцию».

Наше требование, чтобы вещи не изменялись от приведения их в отношение R друг к другу, равносильно таким образом некоторому «постулату сводимости» [выражающему требование, чтобы свойство, «определенное» через отношение (сравнение), было эквивалентно («сводимо» к) некоторому простому свойству, существующему независимо от процесса сравнения]. Именно это и имеет в виду Маркс, когда в связи с определениями стоимости и веса замечает, что «свойства вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении»²⁾.

могут выступать как ненавидимые Кассиреру «вещи», которые «могут быть «даны» раздельно» (а не лишь как моменты отношения): когда речь идет об абстракциях более высокого порядка, абстракции низшего порядка должны иметь независимое от того отношения R , в котором происходит их сравнение, существование, а не быть только его «относительными членами».

Связанным с последним вопросом диалектическим «переворотом в методе» («Umschlag in der Methodes»), о котором говорит Маркс в своих математических рукописях (и который, как мы видели, имеет место и в отношении понятия о числе), следовало бы, однако, специально заняться.

¹⁾ Именно лишь в смысле требования не изменять свойств, вступающих в это отношение вещей. Во всем остальном установление этого отношения должно быть обусловлено существом дела, а не наличием внешнего сходства между вещами.

²⁾ «Раньше, чем люди могли прийти к понятию фигуры, должны были существовать вещи, которые имели форму и формы которых сравнивали» (Энгельс). Разрядка моя. — С. Я.

Теперь мы можем вернуться опять к Вейлю и Дубиславу, ибо теперь, с одной стороны, ясно, что с помощью «определения через абстракцию» не «творится» никакой новый «идеальный объект», а с другой — видно, что это определение не основано ни на каком незаконном оборачивании каких бы то ни было теорем и не опирается ни на какую «метафизическую» аксиому. Ибо если в процессе сравнения, не изменяющем свойств вещей, удается обнаружить какое-нибудь свойство, которым обладают все «подобные» друг другу в некотором отношении вещи, то ясно, что мы имеем дело с общим им всем свойством, существующим в вещах реально и независимо от того отношения, в котором мы их сравниваем. Иначе отношение это не могло бы быть «внешним», т. е. не изменяющим свойств вступающих в него вещей.

Но в таком случае не остается места ни для какой мистики и метафизики, действительно связанных с «творческими» определениями Вейля, и критика Дубислава лишается почвы. Правда, для идеалиста самое существование вещей (и их свойств) независимо от нашего сознания уже есть «метафизика». Но против такой «метафизики» мы ничего не имеем. Ибо это не метафизика, а материализм.

д) Не формальное, а реальное общее

При правильном, материалистическом истолковании «определений через абстракцию» упрек в незаконном оборачивании некоторой теоремы, как уже было отмечено, лишается почвы. В действительности мы можем утверждать и нечто большее: сама пресловутая «прямая теорема» не вполне верна. Ибо из наличия чего-то общего между вещами отнюдь не следует еще действительное право приравнять их друг другу, подвести под одно общее понятие, которое можно считать научно обоснованным. Так, из того, что как идеалист, так и материалист могут выступать в защиту «определений через абстракцию», не следует реальное право приравнять их как «сторонников» этого способа образования научных понятий друг другу. Ибо в данном случае существенно не сходство, носящее формальный, поверхностный характер, а именно различие между ними. Попытка приравнять одних другим, как уже было отмечено, преследует лишь цель подменить материализм идеализмом. Повторяю, формальное наличие общего признака у разных вещей без конкретного, содержательного анализа не дает еще права рассматривать их как равные; точнее, не может служить достаточным основанием к введению нового научного понятия. Последовательный неокантианец Кассирер в этом вопросе умнее путаного махиста Дубислава, ибо он замечает: «Если — пользуясь метким примером Лотце — мы подводим вишни и мясо под группу красных, сочных, съедобных тел, то мы таким путем получаем не какое-нибудь пригодное логическое понятие, а лишь ничего не значащий набор слов, не дающий нам ровно ничего для понимания отдельных случаев. Таким образом, ясно, что общее формальное правило само по себе недостаточно, что скорее оно молчаливо дополняется каким-то другим логическим критерием¹⁾. Нужно только заметить, что подобного рода общее понятие, обладающее в одной конкретной обстановке лишь формальным смыслом, при изменившихся условиях может стать содержательным.

Так, приравнивание различных конкретных видов труда по времени, требуемому для производства данной потребительной стоимости, образова-

¹⁾ Эрих Кассирер «Познание и действительность», стр. 16. Изд. «Шиповник», 1912.

ние категории абстрактного труда, труда вообще, формально могло быть, конечно, осуществлено и в древнем рабовладельческом обществе. Но реальный смысл оно приобрело лишь после того, как развилась такая общественная формация, «при которой индивиду с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным... Здесь... абстрактная категория «труда», «труда вообще», труда *sans phrase*, этот исходный пункт современной экономической науки, становится впервые практической истиной»¹⁾. Мы видим, таким образом, насколько конкретный характер должен носить самый процесс образования абстракций, как самое образование именно таких, а не других абстрактных понятий зависит от конкретной исторической обстановки, как «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их»²⁾.

Чтобы показать, наконец, насколько большую роль при этом играет практика, в частности, на своей шкуре испытанный житейский урок, стоит вспомнить образ короля Лира, пришедшего к понятию «человек вообще», а не только «король» и «подданный», лишь в результате жестоких испытаний, поставивших его на одну доску с последним нищим.

б. Прямое определение объектов, „определенных через абстракцию“

Разбор предпосылок, выполнение которых является необходимым условием правомочности «определения через абстракцию», мы на этом закончим. Основной результат, к которому мы пришли, состоит при этом в том, что с помощью этих «определений» не создается и, собственно говоря, даже не определяется³⁾ какой-либо новый объект, а лишь выделяется уже существующее общее свойство. Но в таком случае ясно, что «определение через абстракцию» не исключает, а предполагает в дальнейшем поиски прямого определения, непосредственно указывающего, в чем состоит сущность того общего, которое содержится в двух различных, приравняваемых друг другу вещах.

«Возьмем, — пишет Маркс, — два товара, например, пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартал пшеницы = 2 центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах: в 1 квартере пшеницы и в 2 центнерах железа — существует нечто общее равной величины»⁴⁾. Вывод, который Маркс делает отсюда, гласит: «Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не является ни первой, ни второй из них».

Но Маркс не останавливается на этом констатировании существования чего-то третьего, общего для обеих, равных друг другу вещей. Он ставит вопрос: в чем же состоит это третье? И в качестве иллюстрации, подтвер-

¹⁾ К. Маркс «К критике политической экономии», стр. 74. 1930. В предшествующем абзаце Маркс пишет: «Труд кажется в высшей степени простой категорией. Древним является также представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще. Однако, «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и отношения, которые порождают эту простейшую абстракцию».

²⁾ Там же, стр. 75.

³⁾ Слово «определение» в смысле определения через абстракцию мы поэтому всегда брали в кавычки.

⁴⁾ «Капитал». Т. I, стр. 3. Цит. изд. Разрядка мол. — С. Я.

ждающей закономерность такой постановки вопроса, выбирает пример из математики.

«Иллюстрируем это,—пишет он,—простым геометрическим примером. Для того, чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине произведения основания на высоту. Точно так же и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, количественные видоизменения чего они представляют».

Этим общим и оказывается в результате дальнейшего анализа количество труда или количество рабочего времени, общественно необходимого для изготовления данных потребительных стоимостей.

Однако задача действительно указать то общее, которое делает вещи равными, отнюдь не принадлежит обычно к числу легких. Правда, бывают случаи, когда это общее установить нетрудно, анализируя самое данное отношение равенства. Так, подобие, как уже было указано, есть отношение типа равенства, а то общее, что сохраняется, например, у всех подобных друг другу многоугольников, есть величина их углов и отношений их сторон. Так, рассматриваемое в теории чисел сравнение по данному модулю есть отношение типа равенства, но то общее, что сохраняется во всех сравнимых друг с другом числах, есть остаток от деления их на число, служащее модулем.

Для разобранного выше примера определения пропорции по Евдоксу указать это «общее» уже значительно труднее. Остановимся на этом примере несколько подробнее и попробуем охарактеризовать явно то общее, что сохраняется для всех пропорциональных друг другу величин. Из определения Евдокса следует, что если бы мы построили три ящика: I, II, III, и в зависимости от того, какое из трех соотношений: 1) $mA > nB$, 2) $mA = nB$, 3) $mA < nB$, имеет место для данной пары чисел (m, n) , стали бы бросать эту пару либо в первый, либо во второй, либо в третий ящик, то, так как каждая пара при этом должна была бы попасть в определенный ящик, совокупность всех возможных пар (m, n) (всех рациональных чисел, или дробей $\frac{m}{n}$) оказалась бы разбитой, подразделенной на три части (второй ящик может содержать максимум одну пару или не содержать ни одной). Это разбиение или сечение совокупности рациональных чисел будет одним и тем же только для пропорциональных величин. В самом деле, если отношение $C:D$ не равно отношению $A:B$, то обязательно найдется такая пара (m, n) , для которой $mC > nD$, но $mA < nB$ (или наоборот), т. е. которая для величин C, D должна попасть в первый (третий) ящик, между тем как в разбиении, производимом отношением $A:B$, эта же пара (m, n) попадает в третий (первый) ящик. Таким образом, все равные друг другу отношения производят одно и то же сечение области рациональных чисел на три класса (поскольку средний может оказаться пустым, обычно сводят эти три к двум), почему Дедекинд и определил вещественное число как сечение области всех рациональных чисел. С этим определением, однако, связаны трудности, обусловленные тем, что рациональных чисел бесконечно много, мы же рассуждали о них так, как рассуждали бы и в случае, если бы их было лишь конечное число. Древним были известны парадоксы, связанные с такого рода употреблением бесконечного, и, поскольку потребность в математике еще была невелика, они предпочли (и могли последовательно провести это) отказаться вообще от отыскания того общего, которое лежит в основе равенства отношений — пропорции, и остаться лишь при этом равенстве. Греки школы Евдокса—Евклида не могли поэтому ввести и понятия площади, но должны были говорить лишь о равенстве площадей (или их отношений, т. е. пропорциональности). А это значит, что они не могли поступать так, как мы поступаем

теперь и как об этом говорит Маркс, именно: сводить «треугольник... к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, — к половине произведения основания на высоту».

Когда греку Евдоксу надо было определить «отношение» величин, он правильно начал с определения «равенства отношений» и... остановился на этом.

Не самый метод «определения через абстракцию», а именно эту оставку на отношении, в котором приравниваются сравниваемые вещи, имеет в виду Лейбниц, когда в пятом письме к Кларку пишет: «Впрочем, я поступил приблизительно так, как и Евклид: когда он не мог прямо определить абсолютный смысл какого-нибудь геометрического отношения, то он указывал, что следует понимать под равными отношениями».

Правда, Лейбниц признает при этом, что «дух, однако, не удовлетворяется этим соответствием: он ищет тождества, вещи, которая действительно была бы той же самой, и представляет ее себе как бы находящейся вне субъекта». Но, как видим, Лейбниц противопоставляет «определение через абстракцию» прямому определению, поиски которого объясняет лишь стремлением нашего духа к превращению равенства («соответствия») в тождество, свойства — в вещь. В диалектическом взаимоотношении тождества и различия, вещи и свойства, отдельного и общего он, таким образом, отбрасывает одну из сторон, перенося ее в «дух». Общее (свойство или отношение) существует при этом для Лейбница не объективно, а лишь в субъекте.

Неудивительно, что интуиционист Вейль, стоящий на точке зрения идеалистической трактовки «определений через абстракцию», считает родоначальником этого вида определений именно Лейбница. Неудивительно, что все современные махистские, т. е. по существу тоже идеалистические, попытки, отказавшись от «определений через абстракцию», сохранить доставляемые ими преимущества¹⁾ также связаны с превращением того общего, чем обусловлено равенство вещей, в фикцию, «неполный символ», не имеющий непосредственно смысла и вводимый лишь из соображений упрощения («экономия мышления») (Кутюра, Расселл). К сожалению, мы не имеем здесь возможности разобрать эти попытки по существу. Необходимо лишь отметить то фактическое единство, которое существует между идеалистическими сторонниками «определений через абстракцию» и махистскими их противниками. Общее — не формальное, а реальное — существует, оказывается, не между материалистическими и идеалистическими «сторонниками» определений через абстракцию, а между махистами и идеалистами, независимо от того, «отвергают» или «принимают» они эти определения.

Возвращаясь к вопросу о действительном указании того общего, которое по существу не определяется, а лишь выделяется (абстрагируется) с помощью «определений через абстракцию» (иными словами, к вопросу об обнаружении того «простого» свойства, которому должно быть эквивалентно свойство, определенное через абстракцию), нужно отметить, что в условиях недостаточного конкретного развития на пути к решению этой задачи могут встретиться очень значительные трудности, преодоление которых — в этих конкретных условиях — может оказаться непод силу даже наиболее передовым ученым эпохи. Пример такого рода, объясняющий, почему древние не могли прийти к понятию стоимости, мы находим у Маркса.

¹⁾ О характере «чудовищного усложнения» (Дубислав) математики, связанного с отказом от этих определений, читатель может составить себе представление, попытавшись, например, выкинуть из своего научного багажа понятие площади и рассматривать всегда только равенство или пропорциональность площадей.

«Гений Аристотеля, — говорит Маркс, — обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства.

Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же именно состоит «в действительности» это отношение равенства»¹⁾.

«Он говорит:

«5 постелей = 1 дому»

«не отличается» от:

«5 постелей = такому-то количеству денег».

«Он понимает, далее, что отношение стоимости, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует в свою очередь о качественном отождествлении дома и постели и о том, что эти чувственно различные вещи без такого равенства их сущности не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. «Обмен, — говорит он, — не может иметь места без равенства, а равенство — без соизмеримости».

(Напомним, что соизмеримость, как уже было указано, означает наличие общей меры. Таким образом, Аристотель из сравнимости предметов делает вывод о наличии у них чего-то общего, а не сводит, наоборот, общее к голой сравнимости, как это делает идеалист Лейбниц, отрицающий, на основе того, что общее не есть вещь, объективное существование этого общего в вещах).

«Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. «Однако в действительности невозможно, чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы», т. е. качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно, лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности».

«Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то равное, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для постелей в выражении стоимости постелей? Ничего подобного «в действительности не может существовать», — говорит Аристотель. Почему? Дом представляет нечто равное постели, поскольку он представляет то, что действительно обще им обоим: и постели и дому. А это человеческий труд. Но тот факт, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как равный и, следовательно, равнозначный человеческий труд, — этот факт Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и, следовательно, имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначимость всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда понятие человеческого равенства уже приобрело прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда, а, следовательно, отношение людей друг к другу, как товаровладельцев, является господствующим общественным отношением»²⁾.

Больше двух тысяч лет, таким образом, прошло от открытия Аристотелем отношения равенства в выражении стоимости товаров, от момента констатирования у них чего-то общего (соизмеримости) до действительного обнаружения сущности этого общего, — от выделения общего с помощью «определения через абстракцию» до его прямого определения.

¹⁾ «Капитал», стр. 21—22. Цит. изд.

²⁾ Там же, стр. 21.

Здесь нужно, впрочем, заметить, что, говоря о прямом (т. е. независимом от того отношения, в котором происходит сравнение вещей) определении того общего, которое делает вещи равными друг другу, мы не обязательно имеем в виду именно явное¹⁾ его определение. Для наиболее основных понятий науки последнее не всегда возможно. Ибо нечто всегда определяется через другое, в науке же нужно начать с некоторых понятий как исходных. Эти исходные понятия науки должны во всяком случае безусловно удовлетворять требованию быть отвлеченными, абстрагированными из реальной, материальной действительности, причем должен быть ясен путь, способ их образования. Последний и выясняется в частности с помощью «определений через абстракцию», без которых невозможно, повидимому, закономерное образование именно основных, исходных понятий науки. Полное, хотя, быть может, и не всегда явное, определение этих понятий дает само дальнейшее развитие науки. Из того, что некоторое понятие в данной научной системе определяется лишь неявно (причем, однако, нам известен способ его образования, именно: как и от чего оно отвлечено), никак не следует, что для нас должно остаться неизвестным то реальное, отражением которого служит данное научное понятие. Наоборот, всякое истинное предложение, формулируемое с помощью этого понятия, есть ступень на пути к полному познанию отображаемого этим понятием момента действительности.

Быть может, именно такое положение имеет место в отношении рассмотренного нами в начале статьи, повидимому, первого, и исторически и логически, понятия математики — понятия о (количественном) числе²⁾. Мы установили, что с помощью этого понятия выражается то общее, чем обладают все равномошные друг другу множества. В чем состоит, однако, это общее? Ясно, что не в особых свойствах составляющих их элементов и даже не в порядке их расположения. Иногда говорят, что числом выражается количество. Взаимоотношение математического понятия о числе с философской категорией количества при этом, однако, ближе не исследуется.

Но если и очень трудно свести понятие о числе к чему-нибудь еще более простому или общему, то, «определяя» его через равночисленность, мы вскрываем все же связь этого основного понятия математики с реально существующими множествами (агрегатами) вещей. Некоторые математики полагают, что для математических целей обнаружение этой связи вообще не играет роли, что математик может не знать, что такое число и как оно связано с действительностью, — нужно-де только уметь оперировать с числами, — и что поэтому нельзя ожидать и от развития математики, чтобы оно лучше выяснило природу того общего свойства равномошных множеств, которое выражается их числом. В действительности это не так. На самом деле и для внутриматематических целей необходимо знать, что такое количественное число, именно, как оно связано с множеством. И дальнейшее развитие математики проливает на эту связь новый свет. Так, для конечных множеств немедленно устанавливается факт независимости числа от порядка счета, которому Минковский дал следующую формулировку:

«Если мы хотим уложить в некоторое количество ящиков большее количество вещей, то, по крайней мере, в одном из этих ящиков окажется одновременно два или большее число предметов» (принцип Дирихле).

¹⁾ Примером неявного определения может служить, например, определение числа с помощью уравнения, которому оно должно удовлетворять.

²⁾ Ср. также примечание на стр. 160.

На этом, по видимости чрезвычайно простом принципе основывается доказательство многих глубоких теорем теории чисел.

7. Диалектический характер рассмотренного способа образования понятий

В настоящей статье мы не имеем в виду исчерпать все богатство проблем, связанных с «определениями через абстракцию».

Перед нами стояла конкретная задача — показать, слив «определения через абстракцию» в математике с методом выведения стоимости и денег в «Капитале», что, несмотря на своеобразие предмета математики, характер математического познания, способ образования основных математических понятий, по существу, не отличается от способа их образования в других науках и объективно носит — там, где он применяется правильно, — материалистический характер. Именно эта сторона вопроса нас поэтому и занимала больше всего. В заключение необходимо только отметить, что, как всякий последовательно материалистический метод, этот способ образования понятий носит ярко выраженный диалектический характер.

Чтобы в этом убедиться, достаточно остановиться вкратце на основных его особенностях:

1. Основное, что характерно для «определения через абстракцию», состоит в том, что нечто единичное становится характеристикой всеобщего. Вес данного куска железа становится характеристикой свойства тяжести для всех равных ему по весу тел. Пять пальцев руки становятся выражением свойства «быть в числе 5» всех множеств вещей, равноможных множеству пальцев человеческой руки. Данный треугольник выражает фигуру всех подобных ему треугольников, данный товар становится выразителем стоимости всех эквивалентных ему товаров. Характеризуя метод изложения «Капитала» как частный случай диалектики вообще, Ленин именно эту особенность: отдельное есть общее — в первую очередь и выделяет. «Значит, — пишет он, — противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка, или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»¹).

Б. Расселл — философ, много занимавшийся обоснованием математики, — высмеивал диалектику, издеваясь именно над утверждением Гегеля, что отдельное есть общее. Все дело, говорит Расселл, в неточности языка. Мы употребляем одно и то же слово «есть» в двух смыслах: во-первых, в смысле тождества — «А тождественно В», во-вторых, в смысле включения элемента *a* в класс *B* — «груша есть плод», «береза есть дерево» и т. п. Стоит-де уничтожить эту двусмысленность путем введения подходящей символики, и никакой «диалектики» не останется.

В действительности, стоит сопоставить это утверждение Расселла с приведенным нами местом из Ленина, чтобы убедиться, что Ленин вовсе не смешивает обоих смыслов слова «есть», а подчеркивает диалектический характер связи между ними, полностью исчезающий для метафизика Расселла. То обстоятельство, что Ленин говорит об этом в связи с «Капи-

¹) Ленин. Соч. 2-е изд. Т. XIII, стр. 302—303.

галам», уже само по себе при этом знаменательно. Ибо Маркс рисует в «Капитале» яркую картину того, как единичный товар становится выразителем общего свойства эквивалентных ему товаров. И это же, как мы видели, происходит при всяком определении «через абстракцию». «Отдельное есть общее» означает при этом не только то, что некоторое отдельное включается как элемент в более общий класс, но и то, что именно отдельное является выразителем (и представителем) общего. Уничтожение этой «двусмысленности» означает не только уничтожение диалектики, столь желательное Расселлу, но вместе с нею и всей науки. Это видно, в частности, и на методе абстракции, без которого нет науки, математики в первую очередь.

2. Второй особенностью «определения через абстракцию» нужно признать то обстоятельство, что в нем конкретное выступает как форма проявления своей противоположности — абстрактного: конкретное множество вещей становится формой проявления абстрактного свойства «быть в числе 5», конкретный треугольник, нарисованный на чертеже, рассматривается как форма проявления абстрактного свойства — «быть треугольником вообще» или «быть треугольником, подобным (в некотором отношении) данному», «конкретный труд становится формой проявления своей противоположности — абстрактного человеческого труда» (Маркс).

3. Легко заметить, что «определение через абстракцию» опирается на единство тождества и различия. Собственно, об этом уже шла речь, ибо мы выяснили необходимость различия для выделения общего. Общее же и есть сохраняющееся, тождественное в различном.

4. И, наконец, четвертая особенность этого «определения» состоит в том, что в нем вещь выступает представителем свойства, в более общем случае — отношения.

Так, числа, как мы видели, оказываются свойствами множеств (агрегатов, совокупностей) вещей, но формой проявления этих свойств служат сами множества, обладающие ими. Мне представляется вполне вероятным, что именно в силу этого выражения абстрактного свойства в овеществленной конкретной форме число и выступало для древних пифагорейцев как «нечто среднее между чувственным и мыслью»¹⁾. И можно сказать, что понятие числа не только для древних пифагорейцев, но и для крупнейших математиков и философов современности не лишено мистического налета.

О современной науке Ленин пишет по поводу пифагорейцев: «А теперь та же связь (научного мышления и мифологии), но пропорция науки и мифологии иная». О числе теперь, правда, никто не скажет, что оно есть «среднее между чувственным и мыслью». Однако наиболее распространенным является представление о нем как о «мысленной вещи», непосредственно данной нам в интуиции, — интуиции в смысле кантовского наглядного созерцания *a priori*, т. е. особой способности нашего духа, занимающей некоторое среднее положение между чувственным и мыслью... Тех же щей, но пожиже влей...

Перед нами, таким образом, яркий пример того, как непонимание диалектических черт процесса образования абстракций, метафизическое отделение единичного от всеобщего, конкретного от абстрактного, вещи от отношения приводят к мистике и используется идеализмом, который из того обстоятельства, что конкретная вещь выступает в качестве представителя (и выразителя) абстрактного

¹⁾ «Числа, где они? Отделенные пространством, обитают ли они сами по себе на небе идей? Они не суть непосредственно сами вещи, так как вещь, субстанция, есть ведь нечто другое, чем число, — тело не имеет никакого сходства с последним» (Гегель «История философии», «Пифагорейская философия»).

свойства, делает вывод, что самое это свойство есть «мысленная вещь», «чистое творение фантазии и рассудка».

Подводя итог, нужно только заметить, что и здесь приходится вести борьбу на два фронта, ибо одни вместе с Лейбницем считают возможным остановиться на констатировании отношения равенства между вещами, определить не число, а только равночисленность, не отношение, а лишь пропорцию (равенство отношений); другие же хотят, чтобы общим была непременно вещь. Диалектическое взаимоотношение вещи и отношения таким образом разрывается: одни уничтожают вещь, другие — отношение. Понятно, что вещей не любят идеалисты; наоборот, с отношением не может справиться механицизм. Поэтому одни смотрят на «определение через абстракцию» как на творческий акт создания «идеальных объектов», другие же хотят осязать «пространство и питаться плодами как таковыми».

Новые высказывания о принципе причинности

Ф. Гальперин и М. Марков

Две статьи двух крупнейших физиков современности, опубликованные в немецком журнале «Naturwissenschaften» за 1934 год: в № 26 статья Лауэ «О соотношениях неточностей Гейзенберга и их теоретико-познавательном значении» и в № 31 статья Шредингера «О неприменимости геометрии в микромире» — чрезвычайно характерны для развития мировоззрения физиков на современном этапе.

Еще недавно большинство современных физиков считало бесспорным крах принципа причинности в квантовой механике в связи с известными соотношениями неточностей Гейзенберга и рядом других явлений и фактов, еще не вполне выясненных в современной физике.

В последнее время ряд физиков изменил свое отношение к этому принципу.

Появились статьи руководящих физиков (Шредингер, Лауэ и др.), показывающие, что «выводы из соотношения неточностей не принуждают отказаться от принципа причинности...» (Лауэ).

Эти статьи любопытны не только для характеристики развития взглядов современных физиков на взаимоотношение проблемы причинности и квантовой механики, но они весьма характерны для истории развития физического мировоззрения вообще.

Очень часто в истории развития физики наблюдается следующее явление: когда физика переходит к изучению новых форм движения материи (что нередко связано с необходимостью коренной ломки установившихся понятий и законов), в это время со стороны многих физиков проявляются всякие идеалистические спекуляции, так как основные предпосылки теории в начале нового этапа развития физики еще не достаточно разработаны и не достаточно осмыслены. В такие периоды всякие идеалисты претенциозно ссылаются на современное естествознание и на нем спекулируют. Метафизически же мыслящие физики принимают этот период как стихийное бедствие, заявляя, что рушатся устои, изгоняются вечные принципы, колеблется весь научный фундамент и пр.; вместо того чтобы обратиться к истории развития физики, учесть ее опыт, часто начинают не пересмотр метафизически заставших физических понятий, определений, а ревизию познавательной способности человека: устанавливаются «мировые загадки», «границы познания», подвергается сомнению даже сама возможность научного мышления вообще, открывается дорога вере, религии, мистицизму.

Дальнейший ход истории развития науки всегда с необычайной четкостью показывал необоснованность и голословность всяких идеалистических установок.

При быстром темпе развития современного естествознания иногда случается, что в короткий промежуток времени одни и те же физики по одному и тому же вопросу защищают полярно противоположные позиции. Яркий пример этому — высказывания Шредингера о принципе причинности за последние годы.

Его взгляды по этому вопросу в печати встречались не раз. Они изложены в его статье «Что такое закон природы», опубликованной в «Naturwissenschaften» за 1929 г. в № 1, в его речи в Прусской академии наук, опубликованной в «Берлинских известиях» за 1930 год, и также в ряде других статей.

«Один из самых жгучих вопросов, который занимает нас теперь, — писал тогда Шредингер, — есть вопрос, нужно ли вместе с классической механикой отказаться также и от ее метода, от основного положения, что постоянные законы в соединении со случайными начальными условиями однозначно определяют происходящее явление в отдельном случае. Это вопрос о целесообразности ненарушимого постулата причинности. В действительности, практически мы должны были уже в рамках классически-механистического объяснения природы отказаться от причинности».

В статье Шредингера, перевод которой мы здесь дальше приводим, автор развивает мысли Лауэ, которые совершенно противоположны его прежним высказываниям.

Лауэ считает, что квантовая механика не приводит к отрицанию принципа причинности.

Шредингер, продолжая мысли Лауэ, пишет: «Моя цель — затрубить в тот же самый рог, чтобы он звучал разнообразнее и громче».

В литературе можно встретить утверждение, что теория Гейзенберга о соотношении неточностей в квантовой механике кладет непроходимые границы физическому познанию сущности явлений и процессов. Против подобного агностицизма выступили в 1934 году и Лауэ и Шредингер в статьях «О соотношениях неточностей Гейзенберга и их теоретико-познавательном значении» и «О неприменимости геометрии в микромире».

«Я не думаю, — пишет Лауэ, — что приведенное рассуждение (касающееся соотношения неточностей в квантовой механике. — Ф. Г. и М. М.) ставит вообще непроходимые границы познанию... Соотношение неточностей кладет границы любой корпускулярной механике, но не физическому познанию».

Лауэ дальше предупреждает физиков об опасности «придти к принципиальному «игнорабимус», исходя из блестящего формализма атомной теории, которая в известном своем виде отказывается отвечать на целый ряд важных вопросов».

Лауэ и Шредингер находят выход из создавшегося положения в физике не в критике основ материализма и принципа причинности, а в дальнейшей эволюции основных физических категорий, т. е. они полагают, что соотношение неточностей — не граница нашего познания, а граница применимости понятий классической корпускулярной механики в микромире.

«Современная квантовая механика совершает ошибку, — пишет Шредингер, — оставляя в силе понятия классической механики: точки, энергии, импульса, положения» и т. д.

Подобные колебания среди физиков, о которых говорилось в настоящей статье, несомненно, болезненно отражаются на развитии физики; их можно было бы избежать, если бы физики не игнорировали хотя бы историю своей науки, настойчиво указывающую на развитие физических понятий.

Но к правильному разрешению вопросов, к единственно верной философии естествознания — к диалектическому материализму — современная

физика приходит не сразу, не прямо, не вполне сознательно, а скачкообразно, зигзагами, стихийно, порождая на своем пути много отбросов.

«Одним словом, — пишет В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», — сегодняшний «физический» идеализм точно так же, как вчерашний «физиологический» идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. п.»¹⁾.

Эти высказывания Ленина и эта ленинская характеристика развития физики целиком и полностью относятся также и к современному этапу развития физики.

¹⁾ Ленин. Т. XIII, стр. 255—256. 3-е изд.

О неприменимости геометрии в микромире

(Перевод из «Naturwissenschaften» № 31. 1934)

Е. Шредингер

Под неприменимостью я понимаю нецелесообразность применения. Под применением — физическое применение. Помимо этого я не могу доказать свое положение, а лишь считать его вероятным. «О вероятной нецелесообразности применения геометрии в физике микромира» — такое выражение все же для заголовка было бы неподходящим. Поводом к этому сообщению послужила недавняя заметка Лауэ, напечатанная в этом журнале¹⁾, к которой я, так же как и к его ранней работе²⁾ и его статье в журнале³⁾, от всего сердца присоединяюсь. Моя цель — затрубить в тот же самый рог, чтобы он зазвучал все разнообразнее и все громче, но предварительно нужно сделать еще несколько других замечаний.

Что принципиально нельзя как угодно точно измерять, такое положение весьма охотно обосновывают принципиально конечным (а не бесконечно малым) обратным воздействием пробного тела или измерительного инструмента на измеряемый объект. Фон Лауэ считает этот аргумент столь же соблазнительным, как и неосновательным. К его возражениям я бы хотел присовокупить дальнейшие соображения. Именно, очень часто говорят, что непосредственным следствием «квантовой особенности энергетического обмена» является то, что в квантовой теории нельзя перейти как в классической, хотя бы мысленно, к тому предельному случаю, где обратное воздействие⁴⁾ равно нулю. Ведь без взаимодействия между объектом и измеряющим инструментом не может быть сделано никаких высказываний относительно объекта. Но взаимодействие это есть перенос энергии, который совершается определенными конечными квантами, с каковыми нельзя переходить к пределу, равному нулю. При этом забывают, как мне кажется, что, во-первых, взаимодействие не обязательно должно быть переносом энергии; может, например, случиться, что просто летящая частица будет отклонена от своего направления и именно на какой угодно малый угол. (Это от-

¹⁾ «Naturwissenschaften» № 22, S. 439. 1934.

²⁾ «Naturwissenschaften» № 20, S. 965. 1932.

³⁾ «Scientia» (Milano) № 54, S. 402. 1933.

⁴⁾ Автор имеет в виду взаимодействие между объектом наблюдения (например электроном) и аппаратом наблюдения (состоящим, например, из системы микроскопа + квант света). В классической физике это взаимодействие принципиально могло быть как угодно малым («взаимодействие = нулю»). Многие физики полагают, что квантовая теория исключает возможность рассмотрения такого нулевого взаимодействия. В этой статье мы впервые встречаемся с критикой этого последнего положения, уже ставшего традиционным в современной квантовой физике (см. предисловие).

клонение, быть может, на основании соотношения Гейзенберга не как угодно точно измеримо; но на это нельзя, конечно, опираться, когда хотят дать совершенно четкое и ясное обоснование для ограничения точности измерения¹⁾. Во-вторых, мне кажется, забывают, что вообще уровни энергии системы не всегда образуют дискретную последовательность с конечными промежутками, но очень часто дают также континуум²⁾. Тогда мыслим какой угодно малый перенос энергии точно так же, как в классической физике. Во всяком случае, заранее совершенно не видно, что могло бы запретить такой предельный переход.

Наконец, я бы хотел вспомнить, что к догмам современной квантовой механики принадлежит следующее: если энергия изолированной системы очень точно измерена, то при повторении этого измерения получается то же самое значение. При втором измерении, очевидно, никакой перенос энергии не имеет места, так как система после измерения обладает той же самой энергией, как и до него. Таким образом, догматизм собственно квантовой механики отнюдь не принимает приведенные выводы, а, наоборот, вступает с ними в противоречие. Впрочем, само собой совершенно не очевидно, чтобы аппарат измерения не мог давать никаких показаний об объекте измерения без взаимодействия с ним.

Мишень, которая не прострелена, исключает по меньшей мере определенные траектории артиллерийского снаряда. Но если эта мишень в форме пустотелого шара с очень малым отверстием окружает со всех сторон стрелка, то она, даже и не будучи пробита, дает очень точное указание относительно траектории снаряда.

Современная квантовая механика совершает ту ошибку, что она сохраняет понятия классической механики точки, а именно энергию, импульс, место... ценой того, что система в точно определенном состоянии характеризуется неточными значениями этих величин, именно потому эти понятия и оказываются недостаточными. Нужно отказаться от самих этих понятий, а не только от возможности точного их определения. Из чудовищности неточно определенных понятий пытаются выпутаться при помощи сотен мыслимых экспериментов³⁾, которые должны показать, что соответствующие величины при соответствующих обстоятель-

¹⁾ Можно возразить, что простое изменение направления, если его рассматривать с какой-нибудь другой системы отсчета, представляет собой все же некоторый перенос энергии. А это значит, что данный случай сводится к тому случаю, который рассматривается в следующем абзаце. Поэтому лучше не делать разграничения между «во-первых» и «во-вторых».

²⁾ Например свободный электрон может двигаться с какой угодно скоростью v и, следовательно, его энергия $E = \frac{mv^2}{2}$ может принимать лишь дискретные значения энергии. Действительно: по де-Бролю, имеется связь между длиной волны λ («волна материи») и скоростью частицы v : $\lambda = \frac{h}{mv}$, где $\frac{h}{m}$ — масса частицы, а h — постоянная Планка. В физике возможны лишь такие движения, при которых длина волны λ укладывается целое число раз на расстоянии между стенками ящика. Следовательно, в упомянутом соотношении λ имеет только дискретные значения, а стало быть, и скорости v электронов (а значит, и их энергии) могут иметь вполне определенные дискретные значения (примечание Ф. Г. и М. М.).

³⁾ Принято для иллюстрации правильности соотношения приводить целый ряд так называемых «мыслимых» экспериментов. Рассмотрим один из них: эксперимент с микроскопом.

Электрон находится под объективом микроскопа. Его освещают квантами света частоты ν . Наскочив на электрон, квант света изменит его первоначальный импульс. Направление нового импульса электрона точно неизвестно, ибо в точности неизвестно направление кванта. Для того чтобы электрон увидеть, необходимо, чтобы хотя один рассеянный квант прошел через трубу микроскопа и попал в глаз наблюдателя. Направление импульса этого кванта лежит в пределах определенного угла ϵ .

ствах принципиально не могут быть точнее измерены. Так как мыслимые эксперименты либо непосредственно опираются на основные положения теории, в большинстве случаев в форме волновой картины, либо на применение известных экспериментов, как например Комптона, то только что упомянутый результат мыслимых экспериментов говорит, правда, о внутренней непротиворечивости теории, но не говорит о том, что имеет смысл интерпретировать вообще какой-либо эксперимент, как измерение такой величины, которая не имеет определенного значения. Можно ли в самом деле называть это измерением, когда (как это часто случается) экспериментатор сперва навязывает объекту некоторое значение измеряемой величины, которое он затем обозначает как результат своего измерения? Если для этого требуется специальное обозначение, я бы предложил термин «прокрустия»¹⁾ (хотя я знаю, что экспериментатор не может сам себе произвольно выбирать значение величины, но все же он втискивает свою жертву в это ложе, хотя оно для нее и не подходит).

К понятиям, от которых следует отказаться, принадлежит также понятие места. Но это уже геометрия. Я полагаю, основания для такого заявления имеются. Среди основных понятий геометрии мы находим понятие конгруэнции. Чтобы покрыть две фигуры одну другою, как это требует для своего проявления принцип конгруэнции, необходимо одну из них взять и без изменения формы передвинуть в другое место пространства. Аналогично — при определении длины, где мы единицу длины подносим к измеряемому отрезку и повторно на него накладываем. Опыт с неизменяемыми, т. е. приблизительно твердыми телами, нам показывает, что следует подразумевать под движением без изменения формы. Я здесь не решаю того вопроса, могли ли мы без наличия твердых тел построить нашу «геометрию групп движения», если бы, например, мы были высоко развитыми медузами и жили бы в воде. Может быть, это и было бы возможно, ибо твердые тела нам ведь даны только в приближении, и это отнюдь не мешало бы построить нашу геометрию как точную математическую дисциплину. Также применение точных математических построений к действительному миру не зависит от того, имеются ли в действительности абсолютно твердые тела, но эта применимость могла бы действительно быть поставлена под вопрос, если бы абсолютно твердые тела в самом деле принципиально никогда не могли бы быть заданными²⁾.

Ведь геометрическая характеристика какого-нибудь действительного предмета — это уже указание на некий мыслимый эксперимент. Обозначение места электрона в декартовых координатах можно пояснить следующим образом: представим себе, что мы столько-то раз откладываем единицу длины в направлении оси x , затем накладываем прямоугольный треугольник

Неточность в определении импульса электрона равна: $\Delta p = \frac{h\nu}{c} \sin \epsilon$, где Δp — изменение импульса электрона, c — скорость света.

Согласно законам оптики, координату x можно измерить в самом лучшем случае с точностью $\Delta q = \Delta x = \frac{\nu}{\sin \epsilon}$. Это соотношение дает разрешающую силу микроскопа. Отсюда видно, что произведение обеих неточностей, т. е. $\Delta p \cdot \Delta q$, составляет величину порядка h . Так подтверждается правильность соотношения неточностей: $\Delta p \cdot \Delta q = h$ (примечание Ф. Г. и М. М.).

¹⁾ От «прокрустова ложа» (греческая мифология) — кровати разбойника Прокруста, на которую он укладывал свои жертвы, причем тем, у кого ноги были длиннее кровати, он их отрубал, а у кого короче — вытягивал.

²⁾ Автор полагает, что никто не мешает применению геометрии, построенной на представлении об абсолютно твердом теле, к реальному миру, в котором подобных тел действительно нет. Но подобное применение исключается автором в том случае, когда почему-либо теория запрещает даже мыслить концепцию твердого тела, не входя в противоречия с основами теории.

и т. д., тогда мы обязательно дойдем до местонахождения электрона. Но мы знаем, например, из термодинамики, что с идеализированными телами в мыслимых экспериментах надо быть весьма осторожными. Этим телам нельзя придавать никаких свойств, которые не согласуются с каким-то законом природы, иначе можно запутаться в противоречиях.

В классической механике допустимо было представлять себе любые силы между материальными точками даже в том случае, если в действительности материальных точек с такими силами и не существует. Таким образом можно было при помощи подходящей потенциальной кривой как угодно близко подойти к абсолютно твердым связям. Квантовая теория этого уже не разрешает. От одного уровня энергии до ближайшего уровня расстояние всегда конечное (но не бесконечно большое). Конечный прирост энергии приводит к тому, что ситуация сильно изменяется. Если бы мы захотели как и в классической механике перейти ко все более крупным потенциальным кривым, то частота колебаний (γ) и вместе с ней энергия нулевой точки или «нулевая энергия» ¹⁾ $\frac{h\nu}{2}$ колебания росли бы до бесконечности. Это име-

ло бы то следствие, что тело становилось бы бесконечно тяжелым. Бесконечно тяжелые тела нельзя двигать ²⁾. Задержать возрастание частоты можно только увеличивая массы вместе с силами выше всяких пределов, но в таком случае мы опять получаем бесконечно тяжелую систему.

Кажется, как будто квантовая теория противопоставляет себя идеализации, которая была бы необходима для того, чтобы физическое задание места имело такой же смысл, как и математическое.

Математическое пространство обладает весьма простой структурой в микромире. К каким бы малым измерениям мы ни перешли, всегда мы имеем дело с одним и тем же явлением, несмотря на «трансформации подобия». Это кажется слишком простым, для того чтобы втиснуть в эти рамки картину действительных процессов. Я хотел бы отмежеваться от тех, которые без дальнейшего раздумья отмечают в этом пространстве мгновенное положение электронов атома, в то время как они совершенно точно измеряются «прокрустовскими» приемами посредством ультра-жестких гамма-лучей. Из того, что в действительности существуют только приблизительно твердые тела, я бы хотел сделать тот вывод, что выведенная из группы движения структура пространства лишь приблизительно соответствует тому, что дано в природе, а не тот вывод, что в мире нет достаточно точных материальных масштабов для измерения этой структуры.

Настоящая геометрия физики — это не геометрия трех измерений, о которой здесь была речь, но четырехмерная геометрия теории относительности. На место группы движения выступает группа Лоренца.

Трудности, возникающие в квантовой механике при попытках привести ее в соответствие с требованиями теории относительности, давно известны. Эти трудности, если правильны наши вышеприведенные рассуждения, несомненно, вытекают из того же самого обстоятельства. Другими словами, в микромире микроструктура группы Лоренца является столь же недостаточной, как и пространственная структура группы движения. Ведь эта последняя есть лишь трехмерная проекция первой.

¹⁾ Одно время в классической физике считалось, что, например, молекулы при абсолютном нуле находятся в покое и, следовательно, их кинетическая энергия равна нулю. Квантовая теория утверждает, что есть особая энергия, которую называют «нулевой энергией» и которая не может быть отнятой от тела (например при дальнейшем охлаждении). Она остается у тела даже и тогда, когда его температура равна абсолютному нулю (примечание Ф. Г. и М. М.).

²⁾ Современная физика считает, что не только вещества, но и энергии имеют массу. Следовательно, процесс увеличения энергии тела, как например нагревание тела, сопровождается увеличением его массы.

О соотношениях неточностей Гейзенберга и их теоретико- познавательном значении

М. Laue. Berlin (перевод из «Naturwissenschaften» № 26 за 1934 г.)

М. Лауэ

В этом же журнале два года тому назад я указал, что выводы из формализма¹⁾ квантовой механики, в особенности из соотношения неточностей, не припуждают меня отказаться от принципа причинности, так как при этом употребляют понятия²⁾, происходящие из механики Ньютона и имеющие наравне со всей этой механикой опытное происхождение.

Эти соображения, по моему разумению, опровергают не что другое, как применимость этих понятий к атомным процессам.

Однако при обсуждении этого вопроса возникает одна, в то время мной не оговоренная мысль, которая прежде всего теперь звучит весьма подкупающе; ею я бы хотел здесь заняться.

Мысль эта гласит: «Нельзя проникнуть в каузальный смысл атомарных процессов именно потому, что для измерения таких процессов нельзя пользоваться никакими объектами меньшими чем атомарные образования; воздействие же этих средств измерения на исследуемый атом (или сочетание атомов) существенно нарушает (в смысле возмущает) его состояния³⁾. Если в других областях физики можно было предполагать, что принятое для измерения пробное тело может быть выбрано достаточно малым, чтобы исключить заметные обратные воздействия его на измеряемое явление, то эта возможность отпадает, коль скоро именно исследуются атомы и их

¹⁾ Так называют математическую схему теории (все примечания к переводам даны Ф. Гальпериним и М. Марковым).

²⁾ А именно: импульс, координата, энергия и т. д.

³⁾ Квантовая механика исходит из того, что в области микрокосмоса измерение всегда вносит существенные изменения в состояние наблюдаемого объекта. В качестве примера иногда приводится наблюдение над связанным электроном, вращающимся вокруг ядра атома. Рассматривается, например, атом водорода в не-возбужденном состоянии. В этом случае размер атома равняется 10^{-8} см. Пусть мы определяем положение электрона на орбите, например, с точностью до 10^{-9} см. Но достаточно одного кванта света этого же порядка длины волны, чтобы в силу эффекта Комптона электрон оказался выброшенным за пределы атома.

Таким образом, следующее наблюдение того же состояния делается невозможным. Подчеркиваем, что здесь суть не только в разрушении системы, над которой ведется наблюдение. Существенное заключается в том, что изменения в состоянии системы, происходящие во время наблюдения, в известных пределах не контролируются.

состояния». Не будет существенного различия, если в этом ходе рассуждений наименьшие тела заменить наименьшим квантом действия h .

Постановка вопроса об обратном воздействии средств измерения на исследуемое явление и значение этого взаимодействия для исследования состояний атомов представляются мне большой заслугой Бора и Гейзенберга. Но несмотря на это я не верю, чтобы приведенное соображение ставило вообще непреходимые границы познанию. В основе этого вывода лежит именно молчаливо сделанное предположение: «Для открытия новых возможностей измерения необходимы новые экспериментальные вспомогательные средства». Только тот, кто это принимает, может следовать дальше и заявить: «Так как мы теперь пришли к самым тонким вспомогательным средствам, именно самим атомам, то мы уже никогда не сможем идти дальше». Но правильно ли такое предположение?

Рассмотрим, например, открытие Г. Герца, которое, несомненно, вело нас к новому познанию. С чем экспериментировал Герц? С индуктором и питающим его источником тока, с несколькими проводниками, металлическими пластинками и шарами, короче: с хорошо известными вещами, которыми многие другие до него тысячу раз пользовались. Что же он наблюдал? Электрические искры в таком виде, как они уж давно были известны. Таким образом, может казаться, что этот дальнейший прогресс науки произошел не в силу новых экспериментальных вспомогательных средств, а в результате гениального экспериментального хода мышления.

В истории развития физики можно было бы еще найти не один пример подобного рода; в новейшее время можно указать на тепловую теорему Нернста. Но яснее чем в каком-либо историческом случае это выступает, мне кажется, может быть, в одной сказке, которую я поэтому хотел бы рассказать. При всей ее правильности в физическом смысле она во всех прочих отношениях сохраняет за собой права сказки.

Итак: «Жил-был молодой человек, который хотел себя посвятить изучению физики, но был вынужден в силу своей бедности зарабатывать себе хлеб собственным физическим трудом. Он обратился к одной электротехнической фирме, которая несмотря на его слабые познания в области физики приняла его на работу, скорее из сострадания чем по каким-либо другим основаниям. Но все же ему поручили выполнение одной совершенно простой задачи, именно испытание электродвижущей силы гальванических элементов с помощью вольтметра обычной технической системы. Он получил ряд таких измерительных приборов и задание: испытывать каждый гальванический элемент несколькими из этих вольтметров, так как полагаться на правильность измерения можно было только тогда, когда все они показывали одно и то же число вольт. Эту работу и выполнял молодой человек, и сначала все шло очень хорошо.

Но однажды он натолкнулся на такой элемент, в отношении которого все его вольтметры показывали различное напряжение. Причиной тому не могли быть ошибки эксперимента, ибо никакие предосторожности не могли устранить несовпадения. Молодой человек очень задумался и пришел, наконец, к выводу: «Разумеется, что включение вольтметра влечет за собой его обратное воздействие на элемент. Это обратное воздействие, прежде незначительное, теперь, очевидно, так усилилось, что оно существенно беспокоит (возмущает) состояние элемента; и таким образом измерение невозмущенной электродвижущей силы теми же средствами невозможно».

Это свое соображение он изложил одному из своих старших друзей. Тот возразил: «Насчет обратного действия ты совершенно прав; только оно может быть определено тогда, когда становится известным внутреннее сопротивление вольтметра и элемента». И он дал молодому человеку приватный урок на тему о законе Ома.

После этого наш молодой человек включил последовательно в одну и ту же электрическую цепь все его вольтметры и определил — в произвольных единицах — непосредственно по их отклонениям внутренние их сопротивления. Когда он теперь присоединил к гальваническому элементу (который создавал для него затруднения вначале) сперва один вольтметр, а затем другой, то он смог уже по двум отсчетам, при помощи элементарного расчета, определить, во-первых, внутреннее сопротивление элемента (в тех же единицах) и, во-вторых, искомую невозмущенную электродвижущую силу. Для этого он не нуждался ни в каком новом вспомогательном экспериментальном средстве: он обладал теперь отнюдь не большим числом проводников чем прежде, но он обладал новыми знаниями».

Может быть, можно сравнить современного физика в его отношении к атомной теории с молодым человеком из этой сказки.

* * *

Является вообще весьма рискованным делать далеко идущие теоретико-познавательные выводы из современного состояния физических знаний. Совершенно отвлекаясь от попыток некоторых физиков отвергать принцип исследования и познания природы только потому, что до сих пор не вполне понимали, как его применять, — все же необходимо было бы по крайней мере исходить из такого основания, которое внутри себя логически достаточно прочно и не содержит никаких внутренних противоречий. К сожалению, этого нельзя утверждать относительно современной физики. На одно глубоко идущее внутреннее противоречие в ней, может быть, я смею здесь указать.

Традиционное представление о заполнении всего пространства материей не согласуется с предположением о существовании мельчайших частичек, и, тем не менее, оба представления в современной физике уживаются друг с другом. Если мельчайшая частица заполняет в обычном смысле слова какое-то пространство, как бы мало это последнее ни было, то можно и его, а вместе с тем и самую корпускулу подразделять все дальше. С необходимостью возникает дальнейший вопрос: что случится, если части корпускулы сместятся по отношению друг к другу? (Созрел ли этот вопрос к настоящему времени или его лучше следует предоставить для разработки последующим поколениям физиков, — это сюда не относится). При этом говорят уже о частицах меньших чем «мельчайшие». Если мы несмотря ни на что все же верим в существование этих мельчайших частиц, то это, по-моему, оправдывается только тем, что, согласно экспериментальным результатам относительно дифракции электронов и атомов и согласно волномеханическому толкованию спектров и другим такого же рода вещам, старое представление о заполнении пространства корпускулами является правильным, так как оно не согласуется с вышеприведенными опытными данными. И несмотря на это в литературе всегда идет речь о радиусе электрона в смысле заполнения пространства — явный признак этого не признанного противоречия.

Ничего не было бы для меня более мучительным, как то недоразумение, что эти выводы могли бы быть поняты как направленные против современной квантовой и атомной теории¹⁾. Существует, как мне кажется, совершенно объективный показатель того прогресса, который знаменует собой

¹⁾ Автор полагает, что традиционное представление о заполнении пространства материей не уживается с атомизмом. Следовательно, либо неверна современная физическая теория (в которой принимается атомизм) либо старое представление о соотношении пространства и материи. В своей статье Шредингер подробно развивает эти мысли.

квантовая теория; он лежит в ее так сильно порицаемом принципе ненаглядности. То, что считается наглядным, обусловлено временем. Та теория, которая принуждает соответствующим образом изменять привносимые из внешнего мира представления, кажется современникам ее возникновения, особенно старшему поколению, всегда и неизбежно совершенно не наглядной. Так было уже при Копернике, при Фарадее, Максвелле. Эти строки могли бы предостеречь физиков делать выводы о существовании принципиально непознаваемого, исходя из блестящего формализма атомной теории и в силу того, что она в данное время сознательно воздерживается от ответа на известные вопросы. При этом мы вполне допускаем, что эти вопросы, по крайней мере часть из них, могут быть такими, что на них и невозможно ответить, т. е. они могут не иметь физического смысла. Возражаем мы только против того вывода, что и видоизмененная постановка вопроса никогда не сможет привести к полному причинному пониманию физических явлений. Соотношения неточностей кладут предел¹⁾ — это мое мнение — любой корпускулярной механике, но отнюдь не любому физическому познанию.

Когда, собственно, причинность должна считаться эмпирически доказанной? Тогда ли, когда последняя естественно-научная проблема будет исчерпывающе решена? Но это состояние, вероятно, никогда не наступит. Было, правда, время — несколько десятилетий назад, — когда думалось, что, по крайней мере в физике, мы уже достаточно близки к этому; это было тогда, когда разрешение всех еще не решенных в физике вопросов рассматривалось как сравнительно легкое и сама физика в своих существенных чертах считалась законченной наукой. От этого наивного оптимизма нас излечило дальнейшее развитие физики. Зато теперь впадают в не меньший не критический пессимизм: задача физики вообще неразрешима. Этот пессимизм представляется мне несмотря на все приводимые в пользу него мнимые физические основания только лишь отзвуком в физике того всеобщего глубокого пессимизма в области культуры, который создает основное настроение нашей эпохи. Заниматься этим вопросом — это уж больше не дело естествоиспытателя: его наука стоит превыше всех человеческих настроений.

¹⁾ В последнее время для доказательства краха закона причинности привлекают соотношение неточностей в квантовой механике. На самом же деле физики могут прийти к такому выводу только ценой неправильного применения к электрону понятий «точного» (определенного) импульса и координаты. Оказывается, что соотношение неточностей в квантовой механике есть как раз предел применимости (понятий импульса и координаты), дальше которого они становятся неопределенными. Физики же часто критикуют не ограниченность этих понятий, а закон причинности (см. об этом Ф. Гальперинз и М. Маркова «Соотношение неточностей в квантовой механике», «ПЗМ» № 9—10 за 1932 г.).

О статье „Физика“ С. И. Вавилова

(Из писем в редакцию)

Статья академика С. И. Вавилова под названием «Физика», напечатанная в № 1 «Под знаменем марксизма» (1935 г.), нашла среди читателей нашего журнала оживленные отклики, что показывает своевременность и целесообразность напечатания редакцией этой статьи в порядке обсуждения. В ней поднят целый ряд хотя и спорных, но в то же время интересных вопросов. Почти все статьи, присланные в редакцию, посвящены главным образом вопросу о предмете физики.

Тов. Рытов, рассматривая то определение предмета физики, которое дается в статье акад. Вавилова, подчеркивает, что с этим определением он не может согласиться. Определение предмета физики акад. Вавиловым дано в самом начале, в первых строках его статьи, и гласит: «Физика в современном состоянии есть одна из ведущих наук о природе, исследующая простейшие свойства, общие для всех или многих явлений». «Эта формулировка, — пишет тов. Рытов, — в силу своей краткости, быть может, немного расплывчатая, но вряд ли может встретить возражения в отличие от излагаемой вслед за ней позиции». К чему же, однако, сводится эта позиция? «Некоторыми учеными, — цитирует тов. Рытов статью акад. Вавилова, — физика рассматривается как главнейшая наука, стремящаяся к принципиальному объяснению на ее основе всех более сложных и частных свойств природы» (разрядка тов. Рытова). Совершенно справедливо, заключает тов. Рытов, что такая установка относительно предмета физики в конечном счете приводит к признанию возможности сведения всех явлений природы к явлениям, объясняемым физикой.

«Нельзя приводить это (в основе своей механистическое) воззрение на физику, — пишет дальше тов. Рытов, — не давая ему никакой оценки и ограничиваясь голой констатацией этой позиции. Отсутствие критической оценки подобной позиции в статье акад. Вавилова проще всего можно было бы себе объяснить согласием автора с указанной концепцией, однако я не берусь на этом настаивать и охотно допускаю, что акад. С. И. Вавилов уделяет ей столь почетное место лишь потому, что считает ее по какой-либо причине заслуживающей особого внимания. Но тогда тем более следовало бы ожидать наличия в статье соответствующей квалификации и критики подобной установки. Между тем этого в статье нет. Наоборот, ниже утверждается, например, что роль физики «совершенно своеобразна и аналогична положению главного штаба естествознания», получающего отовсюду сводки и рассылающего свои директивы. Если это действительно «главный штаб», компетентный во всех вопросах естествознания в целом, то чем это не та же «главнейшая наука, стремящаяся к принципиальному объяснению...» и т. д.?

Конечно, в статье нет и речи о полностью скомпрометированной позиции сведения всех явлений природы к механическим, но сведение к физическим явлениям нигде не представляется исключенным. Наоборот, оно выста-

вляется как вполне осуществимое (более того: как цель физики) и, надо сказать, подкрепляется не совсем для меня ясной аргументацией. Сначала отмечается отсутствие какого-либо «запрета или принципиально непреодолимого препятствия к попыткам физики об'яснить физические свойства и структуру живого вещества», и затем эта мысль поясняется так: «...утверждение, что особенности живого вещества должны быть сведены к физическим основам, не значит, что эти основы ограничиваются современным содержанием физики; может случиться, что будущая физика включит, как первичное, простейшее явление, «способность, сходную с ощущением», и на ее основе будет об'яснять многое другое».

Во-первых, задача об'яснения физических свойств и структуры живого вещества, решение которой, действительно, не встречает никаких принципиальных препятствий и во многом успешно продвинуто вперед, не имеет ничего общего с требованием сведения особенностей живого вещества к физическим основам.

Во-вторых, замечание В. И. Ленина о том, что в низших формах материи «можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением», нельзя ни в коем случае рассматривать как возможность сведения к этой способности всех особенностей живого вещества. Последние так же мало исчерпываются «способностью, сходной с ощущением», как высшие формы движения — даже в пределах неорганической материи — не исчерпываются механическим перемещением.

Но во что же превращается тогда установка сведения «всех более сложных и частных свойств природы» к физическим основам? Очевидно, уже нельзя останавливаться на «способности, сходной с ощущением». В дальнейшем, по мере необходимости, исходя из такой концепции, придется включать в основы физики и другие особенности живого вещества... Развитие физики приходится, таким образом, понимать как включение в ее основы все более и более высоких форм движения, причем совершенно не видно, где и почему следовало бы остановиться. Рано или поздно пришлось бы поставить знак равенства между такой физикой и всей совокупностью человеческого знания.

Мне кажется, что в основе этой дилеммы (либо механистическое сведение либо «сведение», понимаемое несерьезно и означающее фантастическую агрессивность физики) лежит, с одной стороны, отказ от последовательного развития первого положения статьи (определения физики по конкретному объекту природы), а с другой стороны, — стремление дать «вечное» определение предмету физики.

Разумеется, если под объектом понимать, следуя Мушенброку, «все тела небесные и земные...», то принципиальный отказ от определения по такому объекту очевиден и неизбежен. В этом отношении физика, действительно, является универсально приложимой. Но выделение физики должно базироваться на указании того особенного и существенного, что отличает ее от других наук о «всех небесных и земных телах», т. е. на указании тех форм движения материи, которые для физики являются главными формами и, не теряя своего значения в других науках, для них являются уже побочными формами, не исчерпывающими существа их главных форм. Другими словами, в определении физики (как и всякой науки), в определении ее места среди других наук надо было бы последовательно держаться фундаментального и несколько не утратившего своей силы положения Энгельса о том, что «классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга формы движения, является также классификацией, иерархией, согласно присущему им порядку, самых этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение»¹⁾.

¹⁾ Энгельс «Диалектика природы», стр. 18.

Не определенные тела или процессы — носители неисчерпаемого богатства форм движения, а самые эти отдельные, конкретные формы движения или ряд их, связанных между собой и переходящих друг в друга, — вот тот конкретный объект, по которому можно определить любую область знания. В частности, для физики это будут низшие формы движения, свойственные материи уже на первых ступенях ее развития, стоящие в начале присущего им самим порядка, их собственной иерархии. В этом корень «универсальности» физики, но в этом и предел для всякой попытки к сведению. Пример автора с физическим изучением живого дерева — лучшая тому иллюстрация.

С другой стороны, границы всякой науки исторически обусловлены, и никакую науку нельзя определить на все времена. Энциклопедия, издаваемая в 1935 г., может сказать читателю, что такое физика на 1935 г. и каковы ее тенденции, явно видимые сегодня. Но она не может и не должна определять физику на любое время вперед. Поэтому, определяя физику по изучаемым ею формам движения материи, надо конкретно указать, какие именно основные формы движения (взаимодействия, переходы) входят в настоящее время в круг ее ведения. Мне лично кажется, что «способность, сходная с ощущением» — это и есть та граница, перед которой останавливается сегодняшняя физика, не имея в настоящее время никаких обоснованных стимулов к тому, чтобы эту границу перешагнуть. Но если это когда-либо и произойдет, то это все равно не сделает физику «главнейшей наукой» и не поможет ей объяснить «все более сложные и частные свойства природы».

Конечно, всеобщая и все глубже раскрывающаяся связь различных форм движения делает границы между отдельными науками все менее жесткими. Но, подчеркивая этот момент (я имею в виду, в частности, то место статьи, где автор упрекает О. Д. Хвольсона в «произвольном противопоставлении физики биологии»), мне кажется, нельзя не подчеркнуть и другую сторону, а именно, что связь и переходы форм движения не отменяют их иерархии, а тем самым и иерархии наук. В этом смысле противопоставление последних не произвольно, а неизбежно.

В этом же пункте, по вопросу о предмете физики, статья акад. С. И. Вавилова вызывает возражения и со стороны тов. Омеляновского.

«Физика в современном состоянии, — цитирует Вавилова тов. Омеляновский, — есть одна из ведущих наук о природе, исследующая простейшие свойства, общие для всех или многих явлений»¹⁾.

Это определение физической науки слишком неопределенно и напоминает своей широкой «объемлемостью» множество других определений, от которых следует отказаться²⁾. В самом деле, неясно прежде всего, в каком смысле говорится о «простейших свойствах всех... явлений». Если под «простейшими свойствами» понимается свойство реальностей перемещаться (а это правильно, так как перемещение — простейшая форма движения), то в таком случае физика сведется к механике (?!). С последним, разумеется, согласиться невозможно, и вполне естественно, что вся статья акад. Вавилова буквально вопиет против такого «сведения». Очевидно, по мнению автора, под словом «простейшие свойства» надо понимать не явление перемещения, а нечто другое. И действительно, акад. Вавилов пишет: «... утверждение, что особенности живого вещества должны быть сведены к физическим основам, не значит, что эти основы ограничиваются современным содержанием физики; может случиться, что будущая физика включит, как первичное, простейшее явление «способность, сходную с ощущением», и на ее основе будет объяснять многое другое»³⁾.

Но такое толкование «простейшего» физического свойства ведет в сторону

¹⁾ «ПЗМ» № 1 за 1935 г., стр. 124.

²⁾ Многие из этих определений приводит сам акад. Вавилов в своей статье.

³⁾ «ПЗМ» № 1 за 1935 г., стр. 125.

от диалектического материализма и дает повод заключить, что биология якобы растворяется в физике или же, наоборот, физика растворяется в биологии.

Чем же занимается физика?

С нашей точки зрения, надо различать физику в широком и узком смысле слова.

Вся природа образует некую совокупную связь реальностей. Физика в широком смысле слова изучает лишь те реальности, которые в своей совокупности составляют неорганическую природу. Реальность, относящаяся к неживой природе, называется физическим телом (или, короче, телом). Материя, с точки зрения физики, — это совокупность физических сил, из которой абстрагировано это понятие, т. е. материю, как таковую, мы познаем постольку, поскольку познаем отдельные формы материи, тела. Разумеется, также пространство и время как формы существования материи в известном отношении исследуются физикой. «При всей постепенности, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — переход от одной формы движения к другой является всегда скачком, решающим поворот. Таков переход от механики небесных тел к механике небольших масс на них; таков переход от механики масс к механике молекул, обнимающей движения, которые мы изучаем в том, что называют физикой в собственном смысле слова: теплота, свет, электричество, магнетизм, точно так же переход от физики молекул к физике атомов — химии — совершается посредством решительного скачка; еще более относится это к переходу от обыкновенного химического действия к химизму белков, называемому нами жизнью»¹). Т. е. перед нами обрисована характеристика физики в узком смысле слова и вместе с тем выявлена конкретная ее связь с другими естественными науками».

Таким образом тов. Омеляновский находит выход из неудовлетворительного, по его мнению, определения физики акад. С. И. Вавиловым в том, что делит физику на физику в широком и узком смысле слова. Далее, тов. Омеляновский полагает в отличие от академика С. И. Вавилова, что необходимо определять предмет наук, исходя из различных форм движения материи, изучаемых этими науками.

«Каждая самостоятельная наука как отражение качественно определенной формы движения, — пишет тов. Омеляновский, — строит существенное содержание своей системы на основе только ей присущих понятий и законов (в собственном физике, например, — температура, в химии — валентность, в биологии — клетка, гены), и ей глубоко безразличны специфические понятия других наук, которые отражают более сложные формы движения, нежели данная форма: например механике совершенно безразличны понятия, относящиеся к области молекулярного движения. Но вместе с тем каждой науке далеко не безразличны категории и законы тех наук, которые являются ее предпосылками, и также безразлично, что ее собственные понятия и законы применяются в более «сложных» науках, т. е. часто становятся гораздо понятнее тогда, когда они проявляются в более сложных науках, отражающих сложные явления и процессы.

«Намекн на высшее, — пишет Энгельс, — в простых формах материи могут быть понаты лишь в том случае, если высшее уже известно. Молекулярные процессы дают ключ к молярным. Химия может познать химическую природу важнейших тел только на таких веществах, которые возникают из процесса жизни».

Таким образом, хотя каждая наука возникает исторически раньше более сложной науки, но ее категории и сама она в целом достигают относительно полного развития только при условии появления и развития сложной науки (сложных наук). Другими словами, наука рано или поздно перерастает свой предмет исследования в его исторически первоначальной форме (современная механика совсем не есть по своему действительному содержанию механика твердых тел), и это

¹) Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 46, изд. 1934 г.

«перерастание» возможно только благодаря влиянию сложных наук в смысле указанных выше соображений.

Новейшая физика дает яркие примеры для подтверждения всего изложенного. Разве «соотношение неточностей» Гейзенберга не выражает того факта, что понятия, связанные с измерением какой-либо определенной формы движения, нельзя автоматически переносить в область другой формы движения! И вместе с тем это соотношение содержит гениальное указание, каковы границы применимости таких понятий, как «скорость в точке», «импульс в мгновении» и т. д.; оно устанавливает конкретно, на физической почве, что ряд понятий, связанных с перемещением твердых тел, для характеристики перемещения электронов совершенно не пригодны и должны быть заменены новыми понятиями и представлениями.

Определение физики как науки о неорганической природе имеет солидную давность. У русских авторов это определение можно найти, например, у Михельсона или у О. Д. Хвольсона и др.

Но характеристика собственно физики (физики в узком смысле слова) как науки о молекулярном движении, а главное — показ ее в связи с физикой в широком смысле слова принадлежит Энгельсу. Мы пытались только развить некоторые соображения автора «Диалектики природы». Они и должны быть положены в основание определения физической науки.

По вопросу о предмете физики, помимо тт. Рытова и Омеляновского, высказывается и ряд других авторов. Так например Н. Суворов пишет, что «подчеркивание универсального характера физики не лишает ее конкретного объекта, каковым являются некоторые формы движения материи».

Тов. Агафонцев из Ленинграда, возражая против того определения физики, которое дано акад. Вавиловым, подчеркивает, что последний в своей статье недостаточно руководился указаниями классиков марксизма и указаниями Ленина при установлении классификации наук и при определении предмета наук, в частности физики.

Тов. Агафонцев вводит свою классификацию наук, которая, с нашей точки зрения, также не согласуется с теми указаниями, которые по этому вопросу даны основоположниками марксизма.

Согласно Агафонцеву, «анализ истории развития наук приводит к такой примерно схеме классификации наук:

I. Механика. Ее предмет — движение тел и сред и частей их по отношению друг к другу. При этом неважно, какова величина этих тел, сред или их частей. Они могут быть от атома до звезды и от воздушного океана, окружающего землю, до мировой среды, в которой находятся отдельные космические тела. Важно только, что эта наука почти совсем не исследует качества изменений и причин их возникновения, а берет их такими, как они есть.

II. Физика. Ее предмет — ряд форм движения материи, которые отличаются друг от друга, но объединяются общим именем, — молекулярные формы движения материи. Они таковы: звук, теплота, электричество, магнетизм и свет. Физика не удовлетворяется тем, чем занимается механика. Она исследует превращения тел и сред и те свойства и качества, которые возникают и «исчезают» при этих превращениях. Она исследует также и превращение частиц, тел и сред, чем также механика не занимается. Кроме того физика изучает свойства и качества тел и сред и их частей еще до их взаимных превращений. Однако в своих исследованиях превращений физика имеет относительный предел. Главным образом ее интересуют основные агрегатные превращения твердых, жидких и газообразных тел, причем эти превращения лежат главным образом в «замкнутом круге» относительно одного и того же вещества. Например лед превращается в воду, а вода — в пар и наоборот: пар — в воду, а вода — в лед; точно

так же, например, железо — в жидкое железо, а жидкое железо — в пары железа и наоборот.

Физика не рассматривает, как правило, таких превращений, когда вещество превращается в другое вещество. И если исторически случилось так, что физики выполнили эту задачу впервые, то это еще ничего не говорит о том, что это есть основной предмет физики (разрушение ядер, превращение элементов или атомов и пр.). Физики здесь совершили переход к иным формам движения материи и даже перешагнули через химию и пошли дальше ее, ибо эти движения материи пока что малоизвестны, малопонятны и малоизучены даже химиками и химией. Я бы прямо написал, что возникла новая наука, и дал бы ей имя ядрология или ядерная физика.

Перед нами в настоящее время стоит неотложная задача — систематизировать и обобщить все достижения, которые до сих пор сделаны в области ядерной физики».

Ряд авторов предлагает исправить отдельные места в статье акад. Вавилова. Так например тов. Добровольский предлагает исправить одно место в статье акад. Вавилова, где говорится о возможности для будущей физики включить в круг своего анализа как первичное, простейшее явление «способность, сходную с ощущением», и на ее основе объяснять многое другое. Добровольский подчеркивает, что физике едва ли удастся это сделать, да и совершенно не в этом основная задача физики. С точки зрения Добровольского, различные формы и ступени сознания мы уже теперь объясняем различиями сложности органической материи и будем таким же образом объяснять их и в будущем, только полнее и конкретнее; физика здесь, по существу, нам ничего нового не дает и не даст.

Тов. Преображенский считает, что определение, данное акад. С. И. Вавиловым предмету физики, слишком общее, абстрактное и мало характерное для содержания физики, которое с не меньшим успехом может быть применено и к определению математики как науки. Кроме того тов. Преображенский считает, что освещение исторических этапов физики в статье акад. Вавилова не является вполне марксистско выдержанным, что автор статьи «Физика» мало использовал те конкретные указания основоположников марксизма, которые имеются по этим вопросам.

Ряд товарищей указывает, что в статье акад. Вавилова проблема измерения физических величин изложена недостаточно полно и даже неправильно. Этот вопрос следует еще раз продумать.

Тов. И. П. Бронштейн подчеркивает трудность, сложность и непопулярность изложения затронутых проблем в статье акад. Вавилова.

Тов. Двукраева подвергает критике то определение, которое акад. Вавилов дает в своей статье другой науке — именно философии, характеризуя ее как науку о процессах познания и мышления. Тов. Двукраева предлагает это определение заменить следующим: философия, с нашей, марксистской точки зрения, и есть диалектический материализм; а диалектика — это наука о наиболее общих законах движения природы, человеческого общества и человеческого мышления. Такое определение, с точки зрения тов. Двукраевой, означает, что законы диалектики, т. е. законы нашей марксистской философии, характеризуют различные формы движения как в области физической природы, так и в области человеческого развития общества и мышления.

* * *

Вот краткое содержание откликов, полученных редакцией на статью акад. С. И. Вавилова. Редакция журнала «ПЗМ» надеется, что публикуемое резюме откликов на статью «Физика» будет учтено как редакцией «Большой советской энциклопедии», так и самим автором при окончательном редактировании статьи «Физика».

КРИТИКА

и БИБЛИОГРАФИЯ

В. В. Данилевский. Очерки истории техники XVIII—XIX вв. М. Л. Соцэкгиз. Стр. 356. 1934 г.

Рецензируемая книга помогает нам ознакомиться с тем уровнем техники и с теми средствами производства, на основе которых классики марксизма раскрыли важнейшие процессы развития капиталистического хозяйства. У Маркса мы читаем о прялке с двумя веретенами, о тростильной машине, сельфакторе, вязальных, швейных машинах, английских домнах, станке Модслея, машинах Уитни, Уайетта, о всевозможных типах паровых двигателей, которые были использованы капиталом, прокладываям новым пути к завоеванию мира.

Технологическое объяснение всех этих средств, показ их устройства, анализ самых конструкций и т. д. — дело нелегкое. Маркс и Энгельс прекрасно знали машины и понимали их работу. В письме от 24 января 1863 г. Маркс запрашивал Энгельса о важнейших деталях устройства сельфактора, необходимых ему в связи с работой над созданием «Капитала» (Соч. Маркса и Энгельса. Т. XXIII, стр. 127). В письме к своему брату Эмилю от 16 ноября 1855 г. Энгельс дал, например, детальное техническое описание, охватывающее и способ привода валов, и конструкцию шесточных цилиндров, и т. п. (Соч. Маркса и Энгельса. Т. XXV, стр. 273—274). В ряде других работ четко вскрывается углубленное, детальное знание машин Марксом и Энгельсом. Не даром в 1863 г. Маркс слушал лекции Уиллиса, крупнейшего машиноведа той эпохи. Достаточно вспомнить, насколько тщательно изучали Маркс и Энгельс машины, выставленные на лондонской выставке в 1851 году.

Но для современного читателя все эти технические объекты, изученные Марксом и Энгельсом, остаются в значительной мере недоступными.

Помимо отдельных случайных работ, разрозненных статей, некоторых очерков по отдельным отраслям советский читатель не имел до сих пор ничего иллюстрирующего в этом смысле технику эпохи промышленного переворота и капитализма. Такие работы, как книга Иваницкого «Введение в историю техники» (1933 г.), ни в коей мере не решали задачу, занимаясь более методологизированием, сопровождаемым ошибками, чем конкретным, подлинно марксистским показом истории развития техники.

В этом смысле книга В. В. Данилевского представляет первую попытку конкретно показать необъятное царство машин, созданных капитализмом. Показана эта новая техника не вне времени и пространства, а во всей специфике капиталистического применения машин.

Самопрялка с двумя веретенами, исследованная Марксом («Капитал». Т. I, стр. 421. 1934), дана на стр. 16 в четком рисунке, воспроизводящем ее в таком виде, как она и по сей день хранится в одном из бесчисленных уголков «Немецкого музея» в Мюнхене. Первая ласточка промышленной революции XVIII в. — прядильная машина Пауля Уайетта — показана по чертежам, заимствованным из книги Бэнса, представляющей теперь большую библиографическую редкость. Сельфактор, созданный в 1825 г. по требованию текстильных фабрикантов машиностроительной фирмой «Шарп и Роберт», как средство борьбы с рабочим классом

дан в чертеже (стр. 35, рис. 20) и описании, увязанном с движущими силами его развития. Все важнейшие конструкции паровых двигателей, металлообрабатывающих станков, транспортных средств XVIII—XIX вв. проходят на страницах рецензируемой книги. Так же обстоит дело с пудлингованием, сыгравшим сперва революционную роль (патент Оньюнса 1783 г., патент Корта 1784 г. и т. д.), а затем превратившимся в тормоз промышленного развития в середине XIX в., когда появляются изобретения Бессемера, Мартена и др.

Все это показано не только в порядке констатирования фактов, но в увязке с социально-экономическими условиями. Особенно успешно это выполнено в части показа роли классовой борьбы в развитии техники и значительно менее удачно в части влияния на развитие техники конкуренции и особенно кризисов.

К положительным сторонам книги В. В. Данилевского следует отнести то, что он всегда стремится увязать прошлое с настоящим. Казалось бы, какое практическое значение теперь могут иметь давно забытые машины Севери или, например, торф в металлургии XVII в., сыродутное железо и пр.? Однако автор сумел на ряде примеров показать, что все это не так.

Ему удалось четко вскрыть в современном пульсометре возрождение машины Севери, забытой на протяжении свыше 100 лет (стр. 88), показать, каким сложным путем идет развитие технического творчества первых конструкторов тепловых двигателей, непосредственно связанных в своей деятельности с конструктивными формами гидравлических двигателей (стр. 74—75).

В этом смысле особо показателен разбор судьбы коловратного насоса, известного еще в XVII в. Леврехену. В XVIII в. Мурдох пытается использовать эту конструкцию для работы в качестве парового двигателя, что, однако, оказалось непосильной задачей для машиностроения того времени. Только через три столетия после описания этого коловратного насоса мы встречаем точную копию его не только в конструкциях масляных насосов паротурбин, автомобильных двигателей, в пожарных насосах и т. п., но и использованную в виде двигателей пневматическую турбину Спиро для врубных машин (стр. 75).

Глава о развитии текстильных машин дает больше чем только историю этих машин. Как и в других главах, автор не ограничивается непосредственно XVIII—XIX вв., а захватывает и ряд более ранних материалов, начиная с XV в. Однако здесь он слишком бегло остановился на вопросе о подготовке материального базиса революции в текстильном производстве.

Очень подробно рассматривает автор развитие рабочих машин, сыгравших революционную роль в процессе перехода от ремесла и мануфактуры к крупной машинной индустрии. Не ограничиваясь хлопчатобумажными машинами, автор затрагивает крашение, беление и ситцепечатание, затем вспомогательные машины в текстильной промышленности, а также и швейную, вязальную, кружевную, вышивальную промышленность.

Однако этот обзор слишком беглый и недостаточный: нет четкого подхода почему одна конструкция сменяется другой; отдельные конструкции рассматриваются очень подробно (машины Уитни, Харгривса, Кромптона), а другие недостаточно (механические ткацкие станки, особенно станок Карптрайта). Хотелось бы видеть патенты, описания, данные самими изобретателями, а таких слишком мало. Совершенно не раскрытой осталась в этом разделе важнейшая сторона вопроса — влияние конкуренции на развитие машин. Автор ограничился цитатой из Маркса в конце книги, в то время как можно было бы показать это вполне конкретно на примере хотя бы швейных машин. Это безусловный недостаток первой главы. Ведь сумел же автор так четко и конкретно показать роль классовой борьбы в развитии техники на примере сельфактора. В этой главе даны действительно конкретные иллюстрации основных машин, затронутых Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии».

Очерк, рассматривающий развитие металлургической техники, может помочь

пониманию конкретных процессов и конструкций, затронутых классиками. Но, рассматривая переход к доменному процессу, автор не вскрывает движущие силы этого перехода, ограничиваясь общей формулировкой роста спроса на металл. Здесь надо было указать на соответствующие требования военной техники, затронутые самим автором в главе о военной технике. Акцентирование возврата к прямому восстановлению железа на новом расширенном основании сделано удачно. Автор сумел, говоря о событиях XVI в., придать им определенную злободневность (стр. 134). Показав работу по переходу на каменноугольный кокс, автор приводит интересную выдержку из патента Корта и самый чертеж его печи, показывая, какую революционную роль сыграло пудлингование в момент его появления (стр. 142—143).

В. В. Данилевский сумел придать актуальное значение проблематике давно минувших дней, удачно увязывая историю с развитием советской техники.

Положительная сторона этого очерка та, что автор дает отдельными фрагментами материалы по истории техники и на территории СССР, ссылаясь на работы Ползунова (стр. 145, 150). Однако мы не можем удовлетвориться только констатированием наиболее высоких показателей уральских печей на рубеже XVIII в. без всякого указания причин, обусловивших такое развитие. Перечни отдельных изобретений автор также в большинстве случаев дает без анализа сущности данной стороны развития. Правда, в отдельных местах это требование выполнено вполне удовлетворительно, например на стр. 154—155, где автор дает экономическое обоснование росту металлургии в первой половине XIX века.

Очерк о развитии военной техники — один из наиболее удачных и интересных. Здесь автор поднялся выше столь частых трактовок истории военной техники, лишь только как истории оружия, фортификации и т. п.; средства военной техники автор поставил в непосредственную связь с их производством, в результате чего ему и удалось дать полный комплексный показ военной техники. В круг анализируемых здесь вопросов включены, кроме военных средств (оружие, фортификация, флот и т. п.), и такие объекты исследования, как проблема металла, машиностроения, химия, проблемы транспорта и пр.

В отдельных местах тов. Данилевский конкретно проиллюстрировал ряд фактов, описанных Энгельсом. Так например Энгельс утверждает, что сперва появилось казнозарядное оружие и только впоследствии, из-за низкого уровня техники, оказалось жизнеспособнее заряжающееся с дула (Ф. Энгельс «История винтовки». Соч. Маркса и Энгельса. Т. XII. Полутом II, стр. 425).

Опубликованные впервые В. В. Данилевским рисунки русских пищалей XIV в. (иноземного происхождения) дают новый материал для аргументации этого положения Энгельса. Да и самое их ложе — деревянная колодка — также конкретно иллюстрирует слова Энгельса (Ф. Энгельс «Артиллерия». Соч. Маркса и Энгельса. Т. XI. Полутом II, стр. 413—414).

Заканчивая свою книгу тов. Данилевский экскурсом в одну из наиболее злободневных отраслей современной военной техники, именно в химию. Показывая, как создавались предпосылки применения боевых отравляющих веществ еще в эпоху промышленного капитализма, он отмечает необходимость пересмотреть архивы химии, доказывая, что дихлор, диэтилсульфит должны были быть открыты еще в 1822 г., а в 1917 г. имело лишь место их применение на Ипре.

Идея использования забытого технического опыта для содействия развитию социалистической техники выдвигалась в последнее время рядом авторов и получила лучшее выражение в словах Г. М. Кржижановского: «Парадоксально, но факт, что стройка технической основы бесклассового, социалистического общества требует не только кирпичей настоящего, но и кирпичей прошлого. Все, о чем мечтали лучшие представители человечества, все, что завревано и накоплено человечеством в области науки и техники, все, что давил и разрушал капитализм в своем одностороннем развитии производительных сил, — все это должно быть исполь-

зовано в строительстве материальных основ социалистического общества» (Сборник «История техники». Т. I, стр. 4).

Столь четко сформулированная задача, однако, до сего времени не получила критического разрешения. И здесь надо прямо сказать, что В. В. Данилевский является пионером, впервые конкретизируя эти важнейшие положения. Известна его работа «Проблема турбины внутреннего сгорания», ставящая в порядок дня вопрос о новом двигателе, исходя из историко-технического исследования и одного из гениальных прогнозов Ленина (см. наши статьи в «Под знаменем марксизма» № 6 за 1933 г. и № 2 за 1934 г.).

В этом же плане автор рецензируемой книги ставит вопрос об изучении забытого опыта применения торфа в металлургии (стр. 139) и т. д. Такая постановка вопроса важна для нас не только потому, что результаты работы могут иметь хозяйственное значение: пожалуй, еще более она важна в деле воспитания новых технических кадров и стимулирования их творческой работы, основанной на критическом изучении всего прошлого опыта техники и науки.

Но и в этой большой, положительной работе тов. Данилевского есть много недостатков и ряд отдельных ошибок, в общем правильно охарактеризованных в предисловии Ш. Гуревичем. В самом изложении есть шероховатости, иногда просто скачки, создающие впечатление слишком усиленной редакторской правки.

Нельзя не согласиться с мнением редактора «Очерков» тов. Гуревича, усматривающего основные недостатки в том, что «специфика развития техники при капитализме» показана недостаточно полно. Тов. Данилевский не в полной мере выявил влияние конкуренции и кризисов на развитие техники капитализма: «В ряде мест автор дает перечень фактов без анализа причин вытеснения одной конструкции другой». Многие вопросы, поднятые в этой книге, не разработаны с достаточной полнотой и глубиной. К этим недостаткам можно прибавить и ряд других. Автор «Очерков», тов. Данилевский, не всегда в состоянии принципиально обобщать описываемые им явления в области техники. А в этом, по сути дела,—основное отличие нашей марксистской истории техники от истории техники буржуазных ученых.

Автор собрал большой материал по истории техники с XVII по XX вв. и все-таки не обнажил экономические пружины технического прогресса капитализма, специфику этого прогресса. Поэтому и отсутствует у него такая «мелочь», как кризис, поэтому «Очерки» порой представляют собой нечто вроде сводки материалов по данному вопросу, где с калейдоскопической пестротой и кинематографической быстротой одна машина заменяется другой, но не вскрываются причины, почему это именно так бывает. Как бы чувствуя недостаток своей работы, автор пытается его смягчить, прибегая к цитатам из основоположников марксизма. Они у тов. Данилевского служат как бы цементирующим материалом для разрозненных описаний. Но это, конечно, не придает книге Данилевского характера законченного труда на марксистской основе.

Однако при том голоде, который мы испытываем в литературе по истории техники, «Очерки» тов. Данилевского являются полезным пособием при изучении истории техники XVIII и XIX веков.

На нашем книжном рынке появилось немало изданий, в том числе и журнальных статей, по вопросу развития техники в XVIII и XIX вв. Однако в большинстве своем эти работы носят или чересчур популярный характер или ограничиваются изложением отдельных эпизодов из истории технического прогресса и связаны преимущественно с биографиями изобретателей и техников. Книга тов. Данилевского делает попытку представить техническое развитие во всем его объеме.

Книга насыщена огромным фактическим материалом, большим количеством иллюстраций, взятых автором из первоисточников или из классических обзоров по истории техники (книги Бранка, Цонки, Рамелли, Агриколы, Леопольда

и др.), имеет богатый библиографический материал, чем выгодно отличается от других изданий и работ по истории техники.

Никак нельзя согласиться с тем, что автор не выделил в особую главу такую важнейшую отрасль, как техника химии. Ограничиться только беглым обзором главнейших изменений в технике химических производств, примерами использования химических продуктов в текстиле и химией в военном деле, конечно, недостаточно. Этот пробел тем более странен, что В. В. Данилевский посвятил свои первые работы именно истории химии и химической технике. Еще один недостаток книги — это отсутствие специальных глав по горной технике и сельскому хозяйству.

Книга В. В. Данилевского разбивает легенду о скудости литературы по истории техники, имеющую иногда хождение среди наших специалистов. Можно и должно говорить о бедности литературы, развивающей историю техники на основе учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Это, безусловно, верно, но нельзя говорить о бедности буржуазной историко-технической литературы. Сотни изданий по истории техники, приведенных В. В. Данилевским, доказывают, что мы здесь имеем литературу самого разнообразного характера. Только ошибка автора заключается в том, что он, приведя очень большое количество источников, совсем не остановился хотя бы на беглом анализе этих источников. Автор сделал ошибку, ограничившись лишь несколькими строчками предисловия, вместо того чтобы развить в нем трактовку всего материала, дать оценку источников, обосновать общие положения, лежащие в основу его книги.

Н. ВОЛКОВ

Г. Дильс. — Античная техника. Перевод и примечания М. С. Сергеевко и П. П. Забаринского, под редакцией и с предисловием С. И. Ковадева. Труды Института истории науки и техники. Переводы. Вып. 1-й. М. и Л. Изд. ГТТИ и Академии наук СССР. 1934.

Автор рецензируемой работы принадлежит к тому весьма значительному течению буржуазной науки об античности, которое справедливо носит название модернизма.

Насчитывая в своих рядах столь крупных буржуазных ученых, как Момсен, Э. Мейер, Белох, Пельман, Ферреро, Ростовцев и др., модернизм пытается «осовременить» античный мир, отождествить его социально-экономические отношения с отношениями современного буржуазного общества.

Основанием для такого рода идентификации служит чисто внешнее и весьма поверхностное сходство, которое выражается, например, в относительно развитой товарности, обостренной классовой борьбе и других элементах общественной жизни античного мира. При этом модернисты игнорируют такие весьма существенные отличия, как преобладающую роль в античной экономике натурального хозяйства, отсутствие пролетариата в современном смысле слова и т. д.

Эта модернистическая концепция привлекает симпатии ряда буржуазных ученых своей «простотой», которая фактически является вопиющим упрощением, ибо, приписав античному обществу привычные и хорошо знакомые отношения современности, модернисты оставляют невскрытыми специфические, принципиально отличные качества древнего мира.

Но главный корень модернизма заключается в его стремлении оправдать современное буржуазное общество. В этом отношении сторонники модернизма могут быть подразделены на две группы. Одна из них, представляемая, между

прочим, Пельманом и Ростовцевым, обнаруживает свои апологетические тенденции с бесспорной прямолинейностью. Так например Пельман игнорирует принципиальные различия между античным потребительским коммунизмом и современным научным социализмом с явным намерением «опровергнуть» второй, критикуя первый. Эта же тенденция характерна и для Ростовцева, который в целях дискредитации социалистической революции объясняет гибель Рима «пролетарской революцией» в III веке нашей эры.

Дильс принадлежит к другой группе модернистов, менее откровенной, более «утонченной». Тем не менее, по существу, он страдает всеми недостатками модернизма и прежде всего типичной для последнего склонностью не видеть и недооценивать основное — специфические, своеобразные стороны античной экономики, техники и социальных отношений. И рецензируемая книжка Дильса целиком отражает эту специфичность... модернизма.

Содержание книжки меньше всего отвечает ее названию. Отдельные ее части озаглавлены: 1) Наука и техника у эллинов; 2) Античные двери и запоры; 3) Паровая машина, автомат и таксометр; 4) Античная телеграфия; 5) Античная артиллерия; 6) Античная химия; 7) Античные часы. Таким образом, вместо цельной картины античной техники — строительной, сельскохозяйственной, металлургической и т. д., — вместо цельного изображения античных орудий производства и совокупности технических навыков Дильс предлагает лишь отдельные очерки, посвященные выдающимся продуктам античной технической мысли, но отнюдь не дающие представления об античной технике в целом. Да это и понятно: с изобретениями, не имевшими никакого (или почти никакого) производственного значения, но зато технически выдающимися, легче установить преемственную связь с современностью во славу модернизма.

Этой цели подчинены не только тематика и материал книги, но даже терминология.

Древние мастерские с элементарными формами технического разделения труда, производственная деятельность которых основывалась на труде рабов, Дильс прямо называет «фабриками».

Буржуазная ограниченность Дильса как ученого обрекает его на ряд крупнейших методологических ошибок, в результате чего даже правильные в основном мысли неизбежно переплетаются у него с многочисленными неверными утверждениями, извращая тем самым действительное положение вещей.

Примером в данном случае может служить хотя бы объяснение, которое Дильс дает слабому развитию античной техники. Указав на господствовавшее в древнем обществе презрение к технике, Дильс переходит к выяснению причин этого явления. Он пишет: «Прежде всего античность, несмотря на то что именно в Афинах и в Риме были созданы демократические формы правления, была насквозь аристократична. Даже такие выдающиеся мастера, как Фидий, расценивались лишь как ремесленники и не могли проломить каменной стены, отделявшей аристократические круги «красивых и хороших» («идиотов») от ремесленников и крестьян. Платон в своем идеальном государстве вовсе отказывает рабочему классу в образовании и воспитании. И в эллинистическое время, когда щедротами просвещенных царей наука и техника поднялись на высокую ступень развития, отношение к представителям техники не изменилось. Блестящие достижения механики и инженерного искусства... не находят в широких кругах никакого признания. И техника, запертая в узком круге любителей, начинает, как у нас в XVII и XVIII вв., тянуться к игре и игрушке, что заметно уже у самого крупного механика того времени — Ктесибия и что придает технической литературе последующего времени (Герон) своеобразный отпечаток дилетантизма. Вторая причина слабого развития технического изобретательства в древности заключается в рабовладельческом хозяйстве, при котором в индустриальных центрах Греции и Рима рабов собирали на фабриках и заставляли там работать. Ремесло презиралось, а свобод-

ный труд не находил применения. Не было причин, которые заставляли бы придумывать машины в замену ручной работы.

Поэтому техника и не сделала никаких успехов в римской империи... Когда затем, в императорское время, рабство стало постепенно исчезать под действием Раха Романа («римского мира»), то заменить недостающую рабочую силу машиной было уже нельзя...» (стр. 35—36).

Хотя Дильс высказывает здесь совершенно правильную мысль о том, что «низкий уровень античной техники, ее консерватизм, уклон в сторону занятичества и любительства, пренебрежительное отношение к труду как черта общественной психологии—все это, естественно, вытекало из доминирующей роли рабского труда в хозяйственной жизни античного общества»,—им все же допущено много неосновательных положений.

Помимо уже отмеченного выше неуместного употребления термина «фабрика» Дильс отделяет аристократичность античного общества от его рабства, тогда как именно бесправием огромного большинства трудящихся обуславливался аристократический характер древнего мира.

Неверно объясняется Дильсом также исчезновение рабского труда «под действием римского мира». В действительности рабство должно было исчезнуть вследствие того, что основанное на нем хозяйство истощило производительные силы общества. По выражению Энгельса, «оно уже не приносило дохода, оправдывающего затраченный труд,—рынок для его продуктов исчез».

Перечисляя слабые стороны и недостатки работы Дильса, нельзя не упомянуть о националистических настроениях автора, которые сказываются в отдельных местах книги.

Все вышеуказанные недостатки книги, исчерпывающе разобраны в предисловии С. И. Ковалева, который в основном дал правильную характеристику книге Дильса. Нельзя отрицать, что Дильс является крупным знатоком фактического материала по вопросам античной техники. Содержащийся в книге большой интересный фактический материал изучен им с исключительной тщательностью, о чем свидетельствует, в частности, приводимая автором в подстрочных примечаниях библиография.

Прибавим к этому почти полное отсутствие на русском языке литературы, освещающей вопросы античной техники, и тогда станет очевидной целесообразность издания у нас работы Дильса.

Но, поставив перед собой серьезную задачу—обогатить нашу литературу ценной книгой, имеющей мировую известность, Институт истории, науки и техники Академии наук совместно с Техничко-теоретическим издательством на деле обогатил наш книжный рынок... новым малограмотным переводом.

Мы хотели бы здесь обратить внимание на это, ставшее буквально эпидемическим, явление безграмотных переводов.

В сборнике II «История техники»¹⁾, в рецензии Грацианского, приведен яркий пример выпущенного ГТТИ под редакцией В. Дитякина безграмотного перевода «Очерков по истории машиностроения» Т. Бека. Ныне ГТТИ, но уже совместно с Институтом истории науки и техники Академии наук СССР снова выпущен в свет недоброкачественный перевод.

Вот ряд примеров, относящихся к главе о часах.

Стр. 142. Немецкое слово «Fläche» — «поверхность» — переводится как «плоскость».

Стр. 143. Фраза «Так как солнце с момента солнцестояния в знаке Рака поворачивает обратно к экватору и точно так же движется к экватору зимой с

¹⁾ Комиссия марксистской истории техники при КВТО ЦИК СССР. «История техники». Сб. II. ГТТИ. 1934.

момента солнцестояния в знаке Козерога»¹⁾ переведена так: «Так как солнце с момента солнцестояния поворачивается к экватору в знаке Рака и в нем же находится зимой, поворачиваясь от тропика Козерога».

Только квалифицированный читатель поймет из этой фразы, что солнце зимой не находится в знаке Рака и что знак Рака не находится на экваторе.

Стр. 147. «В итальянских церквах и в иных можно часто видеть, как благодаря отверстию, просверленному в потолке, полуденная тень падает на церковный пол»²⁾.

Перевод. «В итальянских церквах можно часто видеть, как через отверстие, просверленное в потолке, полуденная тень падает на церковный пол».

Таким образом открыт новый физический закон: через отверстия можно пропускать не только свет, но и тени.

Стр. 148. «Теория требует, чтобы это выдолбленное из призмы и срезанное внизу в соответствии с высотой полюса полушарие действительно представляло собою полусферическую поверхность»³⁾.

Перевод. «Теория требует, чтобы этот полукруг из квадрата, срезанный книзу в соответствии с высотой полюса, представлял собою действительно плоскость полушария» (!!).

Переводчики и редактор не поняли, несмотря на приложенный рисунок, что «Viereck», о котором идет речь,—это верхняя из четырех телесных углов часть стоящей на подставке призмы, в каком смысле это слово употребляется и на стр. 150 и правильно переведено как «куб».

Способ Бероза заключался в том, чтобы вместо выдалбливания полусферы деликом на верхней грани призмы выдалбливать ее полукругами на верхней и передней гранях.

Поэтому латинская фраза «Hemicyclium excavatum ex quadrato ad enclimque succisum Berosus Chaldeus dicitur invenisse» означает не то непонятное, что написано у переводчиков: «Говорят, что халдей Бероз придумал (для часов) выдалбливать из квадрата полукруг, срезанный внизу по высоте полюса»; а: «Говорят, что халдей Бероз изобрел часы, выдолбленные полукругом из призмы и срезанные внизу в соответствии с высотой полюса». «Quadratus» — четырехугольник; это в данном случае не квадрат в нашем словоупотреблении, а верхняя из четырех телесных углов часть призмы.

Стр. 150. Фраза «Средняя поверхность надстройки имеет полусферический (или конический) вырез»⁴⁾ переведена так: «Спереди эта надстройка имеет вид полуконуса (или конуса)».

Далее: «Меньшие часы сделаны на срезанных гранях передней стороны»⁵⁾, переведено: «Меньшие часы стоят (!) на срезанных гранях передней стороны».

Стр. 153. «Kugelabschnitt» — сферический отрезок — превращен в «шар из камня»; «Наклон поверхности» (der Fläche) — в «наклон плоскости».

Стр. 153. Фразы «куда доходит длительность времени (Zeitdauer) каждого дня» и «где прекращается длительность времени каждого дня» (т. е. конец и начало счета дневного времени) переведены так: «куда доходит время целого дня» и «где прекращается день».

Стр. 162. Солнечный луч может пройти через боковое коническое отверстие

¹⁾ «Da die Sonne von der Sonnenwende im Zeichen des Krebs nach dem Aquator zurückwendet und ebenso im Winter von dem Wendekreise des Steinbocks».

²⁾ «In italienischen Kirchen und anderwärts sieht man oft, wie ein in die Decke gebohrtes Loch den Mittagschatten auf den Boden der Kirche wirft».

³⁾ «Die Theorie verlangt, dass diese aus dem Viereck entsprechend der Polhöhe nach unten abgeschrägte Halbkugel nun wirklich eine Halbkugelfläche darstelle».

⁴⁾ «Die mittlere Fläche des Oberbaus einen halbkugelförmigen (oder konischen) Ausschnitt trägt».

⁵⁾ «Kleinere Teiluhren auf den schrögen Eckseiten der Vorderseite angebracht sind».

кольца, окружающего диск, «если повернуть плоскость отвесно висящего диска в направлении луча»¹⁾).

Перевод. «Если плоскость отвесно висящего диска вращать (II) в направлении луча».

Стр. 164. В фразе «Кроме сети линий, обозначающих месяцы, имеются еще перекрещивающиеся их часовые линии» подчеркнутые слова превращены в «скревающиеся (II) часовые линии».

Совершенно безграмотно переведено следующее место: «Это было сделано для того, чтобы, установив линейку на соответствующий месяц, перехватить солнечное пятно на боковую, имевшую 1½ мм ширины, поверхность линейки»²⁾).

Перевод гласит: «Это было сделано для того, чтобы, когда солнечное пятно станет на определенном месте, перехватить его на боковую плоскость линейки...»

Переводчики и редактор несмотря на отчетливый рис. 73 совершенно не уяснили себе роли линейки отсчета. Характерно для перевода, что имеющаяся в оригинале опечатка (вместо «der Rand der Scheibe die Mittagstunde anzeigt» напечатано «der Stand der Scheibe...») целиком сохранена и переведена так: «положение диска указывает полдень». Ясно, однако, что не положение диска, а край диска указывает на полдень, в то время как центр диска — восход и заход солнца.

Из подобного рода перевода следует, что как переводчики, так и редактор не дали себе труда вникнуть в смысл того, что они переводят.

З. ЦЕЙТЛИН

Поль Таннери. — Исторический очерк развития естествознания в Европе (1300—1900). Перевод с французского под ред. и с предисл. С. Ф. Васильева. С приложением статьи К. А. Тимирязева „Основные черты истории развития биологии в XIX столетии“. М. и Л. ОНТИ. Гостехтеориздат. 1934. 8 р. 50 к. + перепл. 1 руб. 10 000 экз.

Перед советскими историками естествознания стоит весьма ответственная и почетная задача — разработать историю познания человеком природы, пользуясь методом диалектического материализма, этим единственно научным методом, дающим нам возможность вскрыть истинные пружины и закономерности истории естествознания. Но при этом недопустима недооценка конкретного систематизированного фактического материала, добытого буржуазными историками естествознания в результате кропотливых исследований по первоисточникам и архивным документам. При разработке марксистско-ленинской истории естествознания совершенно необходимо максимально использовать оригинальные исследования наиболее крупных буржуазных историков естествознания, критически действительно переработав их труды. Работы такого ученого, как Таннери, имеющего весьма ценные оригинальные исследования по истории античной науки, средневековья и др., вполне заслуживают нашего внимания, и переиздание его работ вполне желательно. Но это не относится к статьям Таннери, содержащимся в рецензируемой

¹⁾ «Wenn die Ebene der lotrecht hängenden Scheibe in der Richtung des Strahles gedreht wird».

²⁾ «Es hatte den Zweck des Sonnenbildchen auf der 1½ mm. betragenden Seitenfläche des Lineals, nachdem dies auf den betreffenden Monat eingestellt war, anzufangen».

книге. Она составлена С. Ф. Васильевым «из ряда статей, которые были написаны французским исследователем для многотомной серии» «Всеобщей истории», выходящей под редакцией Лависса и Рамбо в конце XIX и начале XX столетия» (Предисловие, стр. I). Тов. Васильев сам подчеркивает, что произведенная им «хирургическая операция» вырезывания отдельных статей из серии может усугубить недостатки рецензируемой книги. Но все же он считает, что эти статьи «смогут служить весьма недурным пособием для общего ознакомления с историей естествознания и хотя бы частично заполнить существующий в литературе пробел» (стр. II).

Единственным мотивом, несколько оправдывающим издание вырванных из общего контекста статей Таннери, является полное отсутствие на книжном рынке каких бы то ни было пособий по истории естествознания. При наличии исключительного интереса со стороны советских математиков, физиков, химиков и биологов к истории своих дисциплин рецензируемая книга несмотря на свои недостатки все же найдет себе широкий сбыт. Но это свидетельствует лишь о нерасторопности наших издательств, а не о достоинствах данного сборника. Совершенно непонятно, почему в то время, как задерживается издание четырехтомной «Истории естествознания» Даннемана, выпускаются в свет гораздо менее ценные пособия, как например рецензируемая книга.

Неразрывная связь в историческом развитии естественно-научных дисциплин оправдывает синтетическую разработку истории естествознания как единой дисциплины. Рецензируемая книга, охватывающая в едином комплексе историю математики, физики, химии, биологии и медицины, должна дать, по идее составителя, целостную картину динамики научного развития за шесть последних столетий. На деле же выпущен в свет весьма поверхностный обзор, сводящийся местами к простому перечню отдельных ученых и их работ, без указания существенных проблем, волновавших научную общественность анализируемой эпохи. Но во всем этом меньше всего повинен Таннери. Его статьи предназначались совсем для другой цели, и едва ли приходится сомневаться в том, что Таннери не санкционировал бы появления их в печати в настоящем виде.

Рецензируемая книга, заголовок которой дан редактором, состоит из следующих глав, заголовки которых также даны им: 1) «Состояние научных познаний к концу средневековья», 2) «Развитие наук в Европе в первой половине XVI столетия», 3) «Эволюция естественных наук во второй половине XVI и начале XVII столетия», 4) «Научное развитие в XVII столетии», 5) «Науки в Европе в XVIII столетии», 6) «Состояние наук в Европе в конце XVIII и начале XIX столетия», 7) «Важнейшие научные открытия первой половины XIX столетия», 8) «Развитие естественных наук в середине XIX столетия», 9) «Итоги научного развития в XIX столетии». Кроме того в качестве добавления дана статья К. А. Тимирязева «Основные черты истории развития биологии в XIX столетии». Необходимость этого добавления тов. Васильев мотивирует тем, «что, не будучи специалистом-биологом, Таннери очень слабо осветил столь важный в истории биологии период, как XIX век» (Предисловие, стр. XIII).

Мы считаем излишним анализировать рецензируемую книгу по отдельным главам ввиду того, что всем им присущи одни и те же недостатки. Эти существенные недостатки обусловлены тем, что Таннери идеалистически трактует исторический процесс, и только в виде незначительных проблесков мы встречаем у него материалистическое объяснение исторических фактов. Наивно было бы ожидать от маститого французского ученого марксистского освещения отдельных этапов истории естествознания. Таннери, оказавшись беспомощным в анализе преимущественного развития отдельных отраслей естествознания на отдельных исторических этапах, ограничивается лишь описанием фактов. В сжатой, конспективной форме он дает фактический материал о развитии естествознания за последние 6 столетий.

Редактор Васильев в ряде мест пытается вскрыть идеалистические ошибки Таннери, но его критика Таннери носит чисто догматический характер. Васильев

нигде не выявил, не показал те требования, которые предъявляются к марксистской истории естествознания, нигде не проиллюстрировал конкретно (хотя бы на отдельных этапах развития естествознания) неразрывную связь между развитием естествознания и развитием производительных сил общества, а также ту связь, которая существует между политикой и философией господствующих классов.

Редактор Васильев совершенно игнорирует богатейшее литературное наследство основоположников марксизма по вопросам истории естествознания. Только в одном месте, в конце книги, в библиографии, им упоминается «Диалектика природы» Энгельса. Между тем только исходя из энгельсовской периодизации развития естествознания и из его характеристики отдельных этапов развития естествознания (эпоха Возрождения, метафизический период, великие открытия и т. д.), можно получить цельную картину истории естествознания нового времени. Рецензируемый же обзор, искусственно составленный редактором Васильевым из статей Таннери и снабженный им лишь отдельными подстрочными пояснительными замечаниями, дает весьма отрывистые сведения по истории естествознания. Особенно будут разочарованы в рецензируемой книге биологи и врачи, которые найдут в ней исключительно скудный и схематичный материал по истории своих дисциплин. Только частично восполняет этот пробел в отношении XIX в. статья К. А. Тимирязева.

При редактировании рецензируемой книги С. Ф. Васильев поставил себе задачу — абсолютно «объективно» изложить Таннери. До какой виртуозности он дошел в этом отношении, свидетельствует следующий факт: С. Ф. Васильев внес в последние две главы добавления, специально им не оговоренные. Эти добавления так подлажены под стиль Таннери, что совершенно тщетно читатель будет пытаться отличить, что написано С. Ф. Васильевым и что — Таннери. Опасаясь испортить стиль Таннери марксистско-ленинскими оценками естествоиспытателей конца XIX в., редактор в своих добавлениях говорит языком Таннери.

Издание Таннери в таком виде, как это сделано С. Ф. Васильевым, можно было бы (и то с большой натяжкой) оправдать лишь в том случае, если бы это касалось оригинальных специальных исследований Таннери. Издание же данных обзорных статей Таннери, предназначенных для широкого круга читателей, без соответствующего освещения взглядов Маркса и Энгельса по этим вопросам не приносит совершенно никакой пользы.

Вывод напрашивается сам собой. Нашим издательствам следует серьезно продумать, кого и какие произведения буржуазных историков издавать.

Кроме того совершенно не достаточно лишь догматическая критика или просто перечень ряда идеалистических ошибок; критика должна быть дана по существу всей концепции данного буржуазного ученого, должно быть показано и вскрыто, что привело его к данной концепции, должны быть вскрыты те противоречия, к которым приводит его трактовка вопросов. Необходимо показать, почему именно данный ученый не мог внутри своей системы преодолеть эти противоречия, дав наряду с этим марксистско-ленинскую трактовку исторических этапов развития естествознания. Также должен быть вскрыт и показан тот метод, каким руководствовались основоположники марксизма и Ленин в трактовке исторических проблем естествознания.

М. ЗЛОТОВ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый редактор!

В редактируемом вами журнале «Под знаменем марксизма» № 2 за 1935 г., в передовой «За большевистскую бдительность», имеется следующая, касающаяся меня фраза:

«В Ленинграде, в пединституте им. Герцена, под крылышком директора института, двурушника, бывшего троцкиста Каценбогена, в лекциях отдельных преподавателей также протаскивались фашистские и троцкистские «теории».

Эта позорящая меня как коммуниста фраза абсолютно не соответствует действительности. Из решения партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) по моему делу очевидно, что я никогда ни в каких антипартийных группировках не состоял. В своей партийной, педагогической и литературной работе я всегда боролся с контрреволюционным троцкизмом и правым оппортунизмом, за генеральную линию партии. Моя работа как директора ленинградского пединститута им. Герцена положительно оценена специальной комиссией, назначенной тов. Бубновым, А. С., и детально изучившей состояние пединститута им. Герцена.

Мною допущена была политическая ошибка, заключающаяся в том, что я во время партчистки не рассказал о бывших у меня в 1923 г. колебаниях по организационному вопросу. Эту мою ошибку Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) осудила.

Приложу все усилия, чтобы всей своей дальнейшей работой полностью восстановить доверие партии.

С коммунистическим приветом

С. З. Каценбоген

13/VII 1935 г.

Редакционная коллегия
журнала „ПЗМ“

В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Адрес редакции: Москва, 19, Волхонка, дом 14, комната 328. Здание Комкадемии.
Тел. 1-24-27.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ПЗМ»: В. В. Адоратский, М. Б. Митин, Э. Кольман, П. Ф. Юдин, А. А. Максимов, А. М. Деборин, А. К. Тимирязев.

Ответственный секретарь редакции А. А. Маегов.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Адамян Г., акад. Адоратский В., Атлас З., Баммель Г., акад. Бах А., Берестьев В., Блохинцев Д., Богданов В., Бобровников Н., Брандгендлер В., Брушлинский В., Бубнов А., акад. Завилов С. И., Вандек В., Вирская И., акад. Вольфсон С., Волков И., Вышенский П., Габриэлян Г., Гальперин Ф., Герман Л., Гессен Г., Горохов Ф., Гринберг Г., Гришин З., Дворкин И., акад. Деборин А., Домрачев В., Досев П., Дмитриев Г., Дынник М., Егиазаров А., Ерштин В., Енишерлов М., Золотарев А., Ильинский И., Иоэл Е., акад. Иоффе А. Ф., Казарин А., Каммары М., Каплан И., Кедров Б., Кирпичев В., Кольман Э., Константинов Ф., Корнеев М., Коровин Е., Косяченко Г., Коштойац Х., Кридцов С., Кровицкий Г., Крупская Н. К., Кузнецов А., Кузьмин И., Левин М., Левит С., Леонтьев А., Липендин П., Лифшиц С., Луппол И., Лукач Г., Маегов А., Максимов А., Митин М., акад. Миткевич В., Мишин М., Муравьев Е., Мушперт Я., Надеждин Л., Никитин Н., Никольский В., Ниринская Е., Новинский И., Новогрудский Д., Обичкин Г., Остерман Э., Паукова В., Перельман Ф., Петропавловский С., Пиков В., Пичугин С., Познер В., Презент И., Путинцев Ф., Ральцевич В., Розенталь М., Розанов Я., Рудаш В., акад. Савельев М., Сарабьянов В., Сараджев А., Селектор М., Ситковский Е., Сливкер Б., Смирнов А., Смирнов М., Стецкий А., Таганский Г., Тамм И., Тимирязев А., Тимошко В., Токин Б., Таболов К., Тулепов М., Федосеев П., Фигурнов П., Фогараши Н., Фурщик М., Черемных П., Чирнышев Л., Чулок Т., Шейнман М., Шелкопляс Н., Широков И., акад. Шмидт О. Ю., Шмидт К., Штейн О., Щукарь М., Эпштейн С., Эстрин А., Яновская С., Янковский, Якобсон М., Ярославский Е., Яффе Г. и др.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 19, Волхонка, 14, комната 328.

Тел. 1-24-27.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПОДПИШИТЕСЬ НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

14-й ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит под редакцией Адоратского В. В., Митина М. Б., Кольмана Э., Юдина П. Ф., Максимова А. А., Деборина А. М., Тимирязева А. К.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» — боевой орган марксизма-ленинизма — ведет решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии.

В области философии журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» ведет неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, с меньшевистствующим идеализмом и со всякого рода вулгаризаторством и упрощенчеством в марксистской теории.

Важнейшей задачей «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» являются действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, освещение материалистической диалектики в работах т. Сталина, беспощадный критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» разрабатывает теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революцией.

Журнал «ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» объединяет для выполнения этих задач воиствующих материалистов-диалектиков, систематически выращая в большиевистски выдержанные философские кадры.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, материалистическая диалектика, исторический материализм, история материализма, история социализма, критика фашизма и социал-фашизма, отдел теоретической экономики, теории советского хозяйства, естествознания и техники, литературы и искусства, психологии, антирелигиозный отдел, дискуссионный отдел, отдел работы семинаров ИКП; критика и библиография; отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, научных работников общественно-экономических и естественных дисциплин, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков, товарищей, занимающихся самообразованием, и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1935 ГОД:

на 1 год — 18 руб., на 6 мес. — 9 руб., на 2 мес. — 3 руб.

Цена отдельной книжки 3 руб.

Подписка принимается повсеместно «Союзпечатью», почтой, письменносцами и организаторами подписки на предприятиях и в учреждениях. Розничная продажа журнала производится во всех киосках «Союзпечати».